P1 5/374
B.1.

Р/5
374
4

В. ГРИНЕВИЧ

Профессиональное движение рабочих в России

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ МОСКВА 1923

Р/5
3764

В. Гриневич.

Профессиональное движение рабочих в России.

Третье издание.

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ.

С предисловием **Ф. Сенюшкина.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ“.
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ, МОСКВА, 1923.

1353/8

ГОСУД. РОСС. ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
№ 33689
1/II 1925
БИБЛИОТЕКА.

Главлит № 11003 Тир. 5000 экз.

Мосполиграф. 27 типография „Красная Печать“. Москва, Остоженка, 10.

Вместо предисловия к третьему изданию.

За последнее время, в связи с решениями V Всероссийского съезда, интерес к изучению профессионального движения возрос в огромной степени, и на местах возникли кружки и школы по профдвижению, руководителям которых и ученикам необходима популярная книга-учебник с фактическим материалом. К сожалению, до сих пор наше профдвижение еще не имеет такой книги. Поэтому в настоящее время приходится пользоваться для указанных целей такими пособиями, которые при богатом фактическом материале требуют внимательного разбора и критики, т. к. ряд выводов совершенно неверен и заслуживает самого резкого осуждения. Издаваемая книга В. Гриневича принадлежит именно к таким пособиям, и читателям этой книги, часто молодым работникам, не участвовавшим в революционном движении до 1917 г. и не знающим, кто такой Гриневич, необходимо заранее указать, хотя бы в кратких чертах, на те вреднейшие уклоны, которые имеются в книге. Сам автор в предисловии ко второму изданию, написанному в 1922 г., говорит о книге, изданной еще в 1908 г.,—что „несмотря на признание целого ряда новых задач, которые встали перед союзами, и изменения в целом ряде вопросов их тактики, которая диктуется им новыми социально-политическими условиями, наша основная точка зрения на задачи профессиональных союзов и их роль и значение в общем ходе пролетарской освободительной борьбы и их взаимоотношения с другими организационными формами той же борьбы, точка зрения, которой мы придерживаемся со времени нашего участия в рабочем движении,—вот уже 25 лет, — положенная в основу нашей книги, не изменилась". „Новому поколению профессиональных деятелей, выросших и воспитанных в бурные дни Октябрьской революции, волею судьбы приходится в настоящий период перейти к будням „профессиональной борьбы". — Мы думаем, что для этого им необходимо в первую очередь ознакомиться с условиями, формами и историей борьбы, которую вели их отцы".

Таким образом, автор полагает, что задачи профессиональных союзов и формы борьбы остались после Октябрьской

революции те же самые, как и в эпоху самодержавия, когда профессиональным союзам приходилось бороться не только за свое экономическое раскрепощение, но и за политическое освобождение.

Эта кардинальная ошибка автора проистекает из его политических взглядов на роль и значение Октябрьской революции и на роль в ней профессиональных союзов.

Как известно, Гриневич с самого начала своей революционной деятельности, будучи социал-демократом, в 90-х гг. примыкал к так-называемому течению „экономизма", возглавляемого газетой „Рабочее Дело".

Что же представляло из себя течение экономизма и „Рабочее Дело"?

В середине 1890-х гг., на ряду с развитием массового рабочего движения и переходом социал-демократической работы от кружковщины к агитации, когда между марксизмом и народничеством происходила решительная борьба, уже намечалось течение в сторону увлечения односторонней экономической борьбой пролетариата в ущерб его политической борьбе.

После первого с'езда Российской социал-демократической рабочей партии в 1898 г. это течение экономизма получило уже оформленное выражение. Сторонники его отрицали необходимость постановки задачи борьбы с самодержавием, как очередной ближайшей задачи рабочего движения. Они проповедывали, что перед русскими рабочими, в виду их несознательности, надо ставить лишь такие задачи, которые лежат в плоскости их повседневных экономических нужд.

Против этого течения, возглавляемого „Рабочим Делом", повела решительную борьбу группа „Искры" во главе с тов. Лениным и Плехановым.

Гриневич, бывший „рабочеделец", впоследствии примкнул к меньшевистскому крылу и, конечно, главную окраску книга Гриневича получила от того, что автор определенно стоял на меньшевистской точке зрения, которая в конечном счете вместе с экономизмом и дала общие идеологические принципы мелкобуржуазного приспешничества и соглашательства с либералами (кадетами) и крупным капиталом. (Эта идеология впоследствии выродилась в теорию так-называемой „независимости" профдвижения в эпоху диктатуры пролетариата и, в конечном счете, после октября 1917 г. привела сторонников ее в ряды контр-революции).

V

С течением времени между большевиками и меньшевиками вырастала все большая пропасть непонимания и разногласий по каждому тактическому шагу; крупные разногласия наметились и в области теории и практики профдвижения.

Для того, чтобы сохранить правления профессиональных союзов от арестов и роспусков и сохранить так-называемую легальность союзов, меньшевики были готовы выбросить из практики борьбы все революционное содержание; большевики же шли в профессиональные союзы не для того, чтобы их сберечь, обрекая их на революционное бездействие, а для того, чтобы через профсоюзы проводить идеи партии в массы, пробуждая их сознание и организовывая для борьбы.

„Большевики шли в просветительные учреждения и рабочие клубы, чтобы там бороться с разлагающим влиянием сеющих разврат и мистицизм интеллигентов и проводить истинно-научную марксистскую точку зрения, хотя бы за это клубу грозило закрытие“. (Лядов—„25 лет РКП (б)“).

После разгрома революции 1905 года, особенно после 1907 года, реакция растет все больше и больше, рабочие выбрасываются на улицу локаутами предпринимателей, профессиональные союзы закрываются. Но самая жестокая реакция не может вытравить у рабочих уроков 1905 года.

„Несмотря на то, что во всех легальных организациях,—профсоюзах, клубах, просветительных обществах,--меньшевики могли беспрепятственно проводить свою точку зрения, между тем как большевикам почти за каждое выступление приходилось расплачиваться тюрьмой или ссылкой,—тем не менее, каждый раз, когда рабочим приходилось проявить себя активно, они всегда принимали испытанную большевистскую тактику. В большинстве профессиональных союзов в мирное время укреплялись в правлениях меньшевики. Они сидят и оберегают союз, как бы его не прикрыли за какое-нибудь выступление. Они решительно высказываются против забастовок, против использования союза для партийной пропаганды, против раздачи в союзе нелегальной литературы. Все это грозит закрытием союзов. То же самое в клубах, в народных университетах; там охотно приглашают лекторов-кадетов и очень неохотно дают возможность выступить последовательному марксисту. Чтобы сохранить клуб, предпочитали пичкать рабочих буржуазной идеалистической трухой“. (Лядов, там же).

VI

Если мы теперь проследим, как отразились взгляды меньшевизма в книге Гриневича, то можно понять, почему автором делаются те или иные неверные выводы. Отбросив эти неверные выводы, можно будет воспользоваться только тем фактическим материалом, который имеется в книге.

Так, например, на странице 17 Гриневич, говоря о двух течениях в зарождающейся с.-д. рабочей партии, приписывает меньшевизму стремление взять на себя руководство экономической и политической борьбой пролетариата, в то время, когда другое большевистское течение, якобы, исключительно ставило во главу угла политическую борьбу, придавая ей преобладающее значение. Здесь Гриневич явно перегибает палку и извращает историческую перспективу. Дело в том, что большевики никогда не отрицали всей важности и значительности экономической борьбы пролетариата, но при этом не забывали, что освобождение рабочего класса последует в результате его политической борьбы и что эта политическая борьба развертывалась и будет развертываться в дальнейшем на основе экономической борьбы. Гриневич не говорит, что столь любезное его сердцу первое течение: „руководство экономической и политической борьбой пролетариата",—выродилось в лучшем случае в пустые разговоры, в худшем—в руководство экономической борьбой без связи с политической, что повело к борьбе за экономические улучшения рабочего класса в рамках капиталистического строя, без уничтожения власти буржуазии, и к переходу к тактике реформистов. В этом грехе отчасти был повинен и „экономизм", который вообще отрицал всякую политическую борьбу, и Гриневич, сам не замечая того, отдает ему дань, признавая единственное правильной и непоколебимой меньшевистскую точку зрения.

С другой стороны, Гриневич упорно не хочет видеть, что второе течение, не отрицая экономической борьбы, действительно сочетало ее с революционно-классовой политической борьбой пролетариата, решительно борясь с мелкобуржуазной меньшевистской идеологией и тактикой, идущей фактически на поводу либеральной буржуазии, которая, конечно, крайне отрицательно относилась к задачам организации подпольной партии и к подготовке вооруженного восстания. В данном случае меньшевики, и в том числе Гриневич, являлись несознательными подголосками буржуазных партий, инстинктивно чувствующих растущую со сто-

роны большевиков смертельную для всего капиталистического строя опасность.

В силу своего оппортунистического взгляда Гриневич крайне отрицательно относится к победе нового течения в социал-демократии, так-называемого „искризма“ (соц.-демократов — большевиков), каковая победа привела, по словам Гриневича, к ряду печальных столкновений между профессиональными рабочими организациями и комитетами партии.

Гриневич доходит в дальнейшем до такой нелепой мысли, что приписывает „Искре“ создание такого объективного положения при котором возможно было департаменту полиции и начальнику Московского охранного отделения Зубатову использовать ошибки большевиков (отрицание экономической борьбы) и создать свою экономическую организацию в целях отвлечения рабочих от политики, т. к. социал-демократы (большевики) этими экономическими вопросами, якобы, совершенно не интересовались.

Это неверное утверждение Гриневича объясняется тем, что он проглядел революционную тактику марксистов, построенную как раз на вовлечении широких рабочих масс в боевое выступление против капитала и самодержавного строя на почве заинтересованности их экономическими нуждами. Поэтому абсолютно неверно и недобросовестно утверждение, что соц.-демократы большевики своей ошибочной тактикой по отношению к экономической борьбе и боязнью легальных обществ дали возможность агентам полиции занять, хотя бы и не надолго, их собственные позиции.

На странице 22 Гриневич говорит, что после январских событий встал вопрос об организации рабочего класса. Нужно ли было организовывать замкнутые подпольные кружки или они не могли удовлетворить запросам разросшегося рабочего движения и должны были вылиться в открытые рабочие организации?

Вопрос этот был разрешен ходом самой революции, когда под напором рабочего движения в октябре—ноябре 1905 года из подполья вышли не только профессиональные союзы, но и социал-демократическая партия, но она вынуждена была после разгрома в декабре 1905 года снова уйти в подполье. Профессиональные союзы также должны были или закрыться, или влачить жалкое существование. Таким образом, вопрос был не в принципе и не в нежелании большевиков во что бы то ни стало удержать профессиональное движение и партию в подполье, а в самом объектив-

ном положении вещей, когда пролетариат был еще не настолько силен, чтобы свергнуть самодержавие, и не настолько слаб, чтобы, выйдя из подполья, вести только легальную „парламентскую“ борьбу, как это рекомендовали ему меньшевики.

На странице 28, говоря об организации профессиональных союзов в Петербурге и в Москве, Гриневич, конечно, свои симпатии отдает Петербургу, где профессиональные союзы с самого своего зарождения носили „партийно-нейтральный“ характер, избегая в своей среде „разлагающих фракционных споров“. В Москве же, при самом возникновении союзов, споры эти носили „остро-фракционный“ характер. От этого фракционного характера союзы Москвы освобождаются только осенью 1905 года, когда под влиянием широкого массового движения они открывают свои двери всем рабочим данной профессии, освобождаясь „от организационной зависимости от партии“, т.-е. становясь „партийно-нейтральными союзами“. Здесь Гриневич выявляет всю сущность воззрения меньшевиков на профессиональные союзы, которые должны быть, по их мнению, партийно-нейтральными, подразумевая под этой „нейтральностью“ независимость профессионального движения от партии (большевиков, конечно).

Уже Стокгольмский с.-д. съезд в своей резолюции о профессиональных союзах устанавливает ошибку этой „нейтральности“ и подтверждает, что профессиональное движение является необходимым составным элементом классовой борьбы, а профессиональные союзы—таким же элементом классовой организации пролетариата, которым в его борьбе руководит рабочая партия.

Большевики неоднократно подчеркивали, что соц.-демократии нельзя требовать защиты принципа „нейтральности профессиональных союзов“, ибо рабочие в своей классовой борьбе с буржуазией неминуемо должны с точки зрения своих классовых интересов поддерживать ту политическую партию, которая без всяких колебаний и компромиссов отстаивает интересы рабочего класса.

На странице 54, говоря о характере Центрального Бюро и об обязательности или необязательности решений ЦБ для входящих в его состав союзов, Гриневич высказывается против придания ЦБ руководящего характера, т. к. под этим видом Бюро хотело придать себе руководящий политический характер, что, по мнению Гриневича, выявляло большевистское предпочтение формы перед содержанием, „которое так характерно для всего большевистского направления“. По мнению Гриневича, со стороны ЦБ,

объединяющего партийно-нейтральные профессиональные союзы, не может быть никакого политического руководства, — но Гриневич напрасно ломится в открытую дверь, т. к. не большевики, а меньшевики являлись сторонниками этого предложения, о чем, между прочим, немного ниже говорит сам же Гриневич.

На странице 71, говоря о законе 4-го марта о профессиональных союзах и о возникших разногласиях на второй всероссийской конференции профессиональных союзов по вопросу „можно ли союзам легализоваться в переживаемый момент на основании закона 4-го марта"—Гриневич все свои симпатии отдает течению, которое высказывается за использование закона 4-го марта и сам убеждает конференцию, что уйти в подполье профорганизации не могут, что подпольное существование их вредно отразится не только на политических организациях, но и на профессиональных союзах, т. к. для них это подполье будет смертью.

„Профессиональное движение есть факт, которого не может уничтожить никакой закон, — говорит Гриневич,— бойкотировать закон, это значит играть на руку гапоновщине, ушаковщине; необходимо поэтому использовать его, так как это дает возможность открытого использования широких масс рабочих организаций".

Гриневич забывает, что большевики никогда не ставили самоцелью загнать профсоюзы в подполье, а лишь указывали рабочим массам, что для сохранения „легальности" меньшевики стараются лишить организации рабочего класса всякого революционного содержания и что при малейшей попытке к борьбе самодержавие не потерпит союзов. И действительно, профорганизации были вскоре разрушены наступившей реакцией, и сам же Гриневич на странице 75 говорит, что военный режим не дал возможности легализоваться даже и тем союзам, которые этого пожелали (в Польше и других местах России). Например, после роспуска второй Государственной Думы, в Москве и Московской губернии, как и во многих местах, не отменив официально действие закона 4-го марта, местная администрация фактически не регистрировала ни одного профессионального союза. Гриневич и здесь старается отыскать вину большевиков и говорит, что на этой почве выросло течение большевиков—„загнать профессиональные союзы в подполье", — забывая, что это течение, если и сложилось, то под влиянием объективных условий реакции, т. к. в переживаемый тогда политический момент необходимо было думать не о легали-

зации союзов, а о подготовке нового широкого выступления рабочих масс, которые превратили бы это выступление в вооруженное восстание.

На 101 странице, говоря об отсутствии лекторов в целях просветительной деятельности, Гриневич опять-таки бросает упрек „интеллигентам-лекторам“, которые не хотят итти в профессиональные союзы, так как считают деятельность их принижающей, забывая, что сами меньшевики часто не допускали большевиков в клубы из боязни их закрытия. Это лишний раз показывает, насколько Гриневич „объективно“ подходит к изложению истории профдвижения в России.

Особенно рельефно роль меньшевиков выявляется по отношению к закону о праздничном отдыхе приказчиков (страница 149). Как известно, после роспуска второй Государственной Думы Столыпин издал закон от 15-го ноября 1907 года „Об обеспечении нормальным отдыхом служащих в торговых заведениях, складах, конторах и в ремесленных заведениях“. Надзор за выполнением закона и выработка обязательных постановлений, регулирующих соответственно местным условиям как рабочий день, так и воскресные и празничные отдыхи приказчиков, закон предоставлял городским и земским самоуправлениям. Для разработки обязательного постановления должны были созываться смешанные комиссии из числа представителей от земских или городских обществ и от торгующих—хозяев и приказчиков. Заключения смешанной комиссии представлялись подлежащему городскому обществу, земскому или губернскому управлению, которые принимали заключение комиссии в основу при составлении соответствующего обязательного постановления.

Гриневич целиком стоит на точке зрения органического использования таких смешанных комиссий и осуждает Московское Центральное Бюро, которое постановило принимать участие в выборах в смешанную комиссию только в целях проведения агитационной кампании и разоблачения истинного смысла и цели закона закрепощения приказчиков в угоду хозяевам, после чего представители профессиональных союзов должны были отказаться от участия в комиссиях и заявить об отказе способствовать проведению закона в жизнь.

Петербургская резолюция (меньшевистская), с которой вполне солидаризируется Гриневич, ставила своей задачей использовать смешанные комиссии, как место постоянной агитации и борьбы

с хозяйским самовластием, т.-е. за постоянное (органическое) участие в работах смешанной комиссии.

Насколько верной являлась такая точка зрения, показывает тот факт, что сам же Гриневич на странице 155, подводя итоги работы комиссий, констатирует, что, в виду невыполнения требований рабочих в смешанных комиссиях, им приходилось покидать эти комиссии, и что даже там, где рабочим и приказчикам удавалось добиваться в комиссиях некоторых уступок по сравнению с нормами, установленными законом, черносотенные муниципалитеты не принимали во внимание решений комиссий и клали постановления их под сукно; если же либеральные городские думы принимали в основу постановления смешанной комиссии, то администрация их не утверждала. В общем, говорит Гриневич, закон 15-го ноября не принес торговому пролетариату каких-либо значительных улучшений их труда.

Таким образом, не прав Гриневич, который осуждает тактику демонстраций, т. к. только эта тактика способствовала выявлению перед широкими рабочими, приказчичьими и ремесленными массами всей несостоятельности закона 15 ноября и толкала их на дальнейшую революционную борьбу против самодержавного строя.

Особенное внимание профработникам, читающим книгу Гриневича, необходимо обратить на главу 8-ю: „Партия и профсоюзы“ (стр. 173).

Гриневич начинает вопрос о взаимоотношениях между профсоюзами и социал-демократией издалека.

Еще на Западе, говорит он, при возникновении социал-демократии этот вопрос являлся наиболее острым и спорным, и Лассаль высказал взгляд на профессиональные союзы, как, в лучшем случае, безвредные для рабочего движения. „В дальнейшем, даже после смерти Лассаля, такие деятели, как Бебель и Ауэр, относятся к профессиональному движению с нескрываемым пессимизмом“.

В России, говорит Гриневич, при возникновении социал-демократии преобладающее влияние получила „Искра“, которая поддерживала лассальянские предрассудки об экономической борьбе и профессиональных организациях.

Особенно рельефно, говорит Гриневич, они выражены в книге известного тогда искровского, а теперь большевистского публициста Н. Ленина „Что делать“, провозгласившего, что своей

собственной силой рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистическое.

Взгляд этот, говорит дальше Гриневич, получил широкое распространение среди партийной интеллигенции и имел роковое значение не только для организации и руководства экономической борьбой, но и для самой социал-демократии. „Это недоверие к профессиональным союзам рабочих характеризует большевистское направление в русской социал-демократии и в более поздний период, почти вплоть до настоящего времени". И, наконец, „основная ошибка большевиков в их теории использования профессиональных союзов заключается в том, что, уделяя экономической борьбе подчиненную роль в общей освободительной борьбе пролетариата, они на профессиональные организации смотрят только, как на средство более широкого политического воздействия социал-демократии на рабочие массы, оставляя задачи профессиональной борьбы на заднем плане".

Здесь, прежде всего, не совсем верна историческая справка Гриневича о Бебеле.

Еще в 1872 году Бебель вместе с Либкнехтом, во главе с.-д. рабочих ферейнов, выступил против Всеобщего немецкого рабочего союза, основанного Лассалем и руководимого в это время Швейцером. Бебель публично назвал Швейцера агентом правительства, вносящего раскол в рабочую среду и мешающего могучему росту рабочего движения, подразумевая под этим рабочим движением интернациональное социалистическое (социал-демократическое) рабочее движение и профессиональное движение. Говоря о профессиональных союзах, Бебель выступал против „нейтральности" последних и заявлял неоднократно на публичных собраниях, что „нейтральные союзы в классовой борьбе не больше, как нож без рукоятки".

Бебель в своей знаменитой речи, произнесенной на собрании берлинских печатников, говорит о необходимости вовлечения в профсоюзы возможно большего количества членов, для чего союзы не должны быть партийными (но не „нейтральными"), членом же партии каждый рабочий должен стать, как рабочий, сознающий свои классовые интересы.

Бебель стоял за единство рабочего движения и против раскола, который на руку лишь капиталистам, но он отстаивал право руководства союзами за партией и решительно отвергал тенденцию

некоторых руководителей рассматривать профессиональное движение, как единственный способ классовой борьбы.

Спрашивается: где-же тут „пессимизм" к профессиональному движению, о котором говорит Гриневич? Не проводил ли Бебель с самого начала, еще в 70-х годах, политику классовой борьбы, которая так не нравится Гриневичу?

И если Бебель боролся вместе с I Интернационалом, основанным К. Марксом, против некоторых руководителей профессионального движения, пытающихся освободиться от влияния революционной с.-д. партии, то он был глубоко прав, т. к. *после смерти Бебеля вожди профсоюзов не проводили политики классовой борьбы, завещанной Бебелем, и превратились в органы борьбы рабочего класса за экономические улучшения в рамках капиталистического строя, и в результате этого реформизма революционное содержание союзов исчезло.*

Если мы вспомним теперь, что с самого возникновения социал-демократии в России уже намечается течение меньшевизма, выразившееся в профессиональном движении в виде течения „рабочедельцев" (экономизма), то нам вполне станет понятным опасение большевиков и вождя большевизма тов. Ленина, что профессиональные союзы под влиянием мелко-буржуазного течения (меньшевиков) могут перейти на реформистский и оппортунистический путь, который не позволит профорганизациям применять самое острое орудие классовой борьбы—стачки и вооруженные восстания, т. к. *союзная борьба перейдет на правовую борьбу, на чисто парламентский способ в рамках капиталистического строя, как это, к сожалению, и случилось в Германии, где, в конце-концов, профессиональное движение оказалось в руках шейдемановцев и других предателей рабочего класса.*

Только гений тов. Ленина и классовая выдержанность большевиков помогли русским профсоюзам избежать этого пути и заставили рабочий класс выступить, как единое целое, против самодержавия и против буржуазии.

В рассуждениях Гриневича об ошибочности тактики большевиков опять-таки сказывается недальновидность меньшевистской идеологии, их близорукость и неспособность понять действительную тактику большевиков, направленную не к угнетению и не к обезличению профессионального движения, а на использование этого движения в классовых интересах пролетариата и его окончатель-

ного освобождения от капитала. В этом не „основная“ ошибка большевиков, а их великая заслуга перед рабочим классом.

К сожалению, революционное время, поглощающее всю энергию наших большевистских теоретиков, не дает им возможности подробно остановиться на интереснейшей полосе до-революционного периода в профессиональном движении и участия в этом движении фракции большевиков и написать вместо „Истории профессионального движения“ Гриневича свою более объективную книгу, но, мы думаем, такой момент скоро настанет и история будет написана. К счастью, рассуждения Гриневича об ошибках большевиков опровергнуты ходом самой истории, которая доказала, что не легальные возможности и не парламентская борьба смогли вывести рабочий класс на широкую дорогу к завоеванию власти, а только непримиримая революционная борьба под руководством большевиков.

Большевизм на протяжении 15 слишком лет вел напряженную борьбу с меньшевизмом во всех его видах, выковывая остов рабочей партии. Если мы вспомним, что в 1903 году меньшевизм выступает с планом расширения понятия „партии“ и облегчения доступа в нее мелко-буржуазных элементов, что в 1905—1907 гг. он доходит до организационных проектов, ведущих к растворению революционной партии в беспартийной политической рабочей организации, путем созыва рабочего съезда, и, наконец, с 1908 по 1914 г. меньшевизм выступает в качестве инициатора ликвидации подпольной партии и замены ее легальной партией, то нам станут понятны все рассуждения Гриневича о „независимости“ профсоюзов.

После правительственного разгона второй Государственной Думы в 1907 году и осуждения думской фракции на каторгу, в эпоху наступления „столыпинщины“, революционную борьбу приходилось вести в условиях, когда старое абсолютистское самодержавие делало еще шаги по пути превращения в буржуазную монархию, приковывающую абсолютизм лишь к конституционным формам.

Большевики остались на своем боевом посту, меньшевики покатились дальше по наклонной плоскости; в своих органах они заявляли, что революция закончилась, что надо бросить революционное подполье, организоваться открыто и для этого урезать, применяясь к условиям момента и задачам легализации партии, все революционные требования нашей программы. *Меньшевистская*

программа действительно была проведением тактики разрушения классовой самостоятельности пролетариата и ликвидации его партии.

При изучении главы книги Гриневича о взаимоотношениях профессиональных союзов с партией нужно помнить об этом „ликвидаторстве“ и стремлении сделать профессиональные союзы во что бы то ни стало легальными и независимыми организациями, выбросив все революционное их содержание, тогда как большевики старались направить это рабочее движение по революционному руслу, не ставя принципиального вопроса: легальными или нелегальными должны быть профорганизации, т. к. в надлежащий момент большевики выходили из подполья на поверхность политической жизни вместе с рабочей массой, как это неоднократно было за время с 1905 года по октябрь 1917 г., когда партия рабочего класса окончательно стала у власти.

Гриневич заканчивает свою книгу словами, что „перед профессиональными союзами рабочих в России стоит своеобразная задача: не оставляя ни на минуту преследования своих непосредственных целей, как профорганизации, они должны положить основу широкой рабочей политической партии. Идейные традиции, в которых выросло русское профессиональное движение, все обостряющиеся классовые противоречия, несомненно, обеспечат этой партии социалистический характер, т. к. всякому профессиональному союзу, стоящему на почве современного рабочего движения, должно быть ясно, что уничтожение эксплоатации труда возможно только путем борьбы с самой системой капиталистического строя, путем борьбы за социализм“.

Спрашивается: что Гриневич подразумевает под „широкой“ рабочей политической партией? Если это партия, которую должны были создать „ликвидаторы“ на широком беспартийном рабочем съезде, о чем так мечтали покатившиеся в объятия буржуазии меньшевики, то революционным рабочим не по дороге с Гриневичем; если же Гриневич подразумевает создание действительно революционно-классовой рабочей партии, крепко спаянной с пролетарской массой, то он проглядел тот момент, когда профессиональные союзы действительно послужили широкой базой для истинной социалистической рабочей партии коммунистов, которая борьбу с капиталистическим строем за социализм довела до конца и поставила все профессиональные союзы и все рабочее движение в России в совершенно новые условия.

Этого Гриневич не заметил и, переиздав свою книгу „История профессионального движения в России“, в 1922 г. написал предисловие о том, что, по его мнению, ничего не изменилось, и перед рабочим классом в лице его профорганизаций стоят те же задачи (т.-е. борьба с капиталистическим строем), какие стояли и в 1907 г.

Эту близорукость Гриневича исправлять мы не в силах, очевидно, она будет исправлена самой историей, если вообще Гриневича можно еще исправить.

Заканчивая предисловие, нам уместно сказать, что книга Гриневича, если подходить к ней критически и принять во внимание, кто ее писал, может оказать профработникам пользу не только своим фактическим материалом, но и теми идеологическими ошибками меньшевиков, которые привели последних, в конце-концов, в лагерь международной контр-революции, объединяющий капиталистический мир против единственной пока в мире пролетарской республики.

Ф. Сенюшкин.

20/V 1923 г.

Предисловие к первому изданию.

В предлагаемом читателям труде мы пытались дать по возможности цельную картину профессионального рабочего движения в России в его историческом развитии и установить связь между его характерными чертами и особенностями и политическими и экономическими условиями русской жизни.

Наша работа далеко, конечно, не претендует на исчерпывающую полноту. Ограниченные размерами книги, мы исключили из нашего рассмотрения профессионально-политические союзы железно-дорожных почтово-телеграфных и др. служащих и рабочих, а равно и зарождающееся профессиональное движение сельско-хозяйственных рабочих. Наше исследование посвящено, главным образом, движению фабрично-заводских и ремесленных рабочих и торгово-промышленных служащих. При этом наше внимание было обращено преимущественно на профессиональное движение в коренной России, движения же на окраинах (главным образом, в Польше и Сев.-зап. крае) мы касались постольку, поскольку необходимо было отметить соответственные характерные особенности и отличия.

Переживаемая нашей страной эпоха затяжной политической реакции создает новые условия для развития профессионального рабочего движения. Подведение в такой момент итогов трехлетней истории движения и оценка их со стороны непосредственного участника всех стадий его развития,—при всех сознаваемых самим автором недостатках его работы,—может оказаться полезным и для самого профессионального движения.

С.-Петербург,
1 февраля 1908 г.

Предисловие ко второму изданию.

Не без больших колебаний мы решили выпустить второе издание нашей работы. Прошло ровно четырнадцать лет со времени первого ее издания. Европейская война, революции в России, Германии и Австрии повлекли за собою резкие перемены условий социально-политической жизни не только в государственных рамках отдельных стран, но и в международном масштабе. Резко изменилась в ней и роль пролетариата, неизмеримо усилилось значение и увеличился удельный вес его экономических организаций—профессиональных союзов. Особенно резки были эти перемены в России. И каковы бы ни были дальнейшие пути развития нашей страны, но исследуемая в нашем труде эпоха перешла в область истории, к изучению и оценке ее можно и должно подойти об'ективно, независимо от современных споров и разногласий. Это соображение заставило нас решить издать наш труд без всяких изменений и дополнений. Он, ведь, был не только историческим исследованием, но и подведением итогов опыта непосредственного участника движения в течение десяти лет. Мы и теперь, как и при первом издании в 1908 г., не закрываем глаз на целый ряд недостатков своей работы. Но, к сожалению, за все это время, не появилось ни одной новой работы по общей истории профессионального движения в России. Мы же не имели возможности взяться за исправление недостатков своей работы. Пусть, поэтому, читатель подойдет к самой книге, как к историческому документу профессионального движения того периода. С принципиальной точки зрения мы совершенно свободно выпускаем нашу работу без всяких изменений. Несмотря на признание нами целого ряда новых задач, которые стали перед союзами, и изменения в целом ряде вопросов их тактики, которые диктуются им новыми социально-политическими условиями, наша основная точка зрения на задачи профсоюзов и их роль и значение в общем ходе пролетарской освободительной борьбы, на их взаимоотношения с другими организационными формами той же борьбы, точка зрения, которой мы придерживаемся со времени нашего участия в рабочем движении,—вот уже 25 лет,—положенная в основу нашей книги,—не изменилась. Мы считаем, что весь ход рабочего движения за эти годы, несмотря на все колебания, в конечном счете ее оправдал. Новому поколению профессиональных деятелей, выросших и воспитанных в бурные и героические дни революции, волею судеб приходится в настоящий период перейти к будням профессиональной борьбы. Мы думаем, что для этого им в первую очередь необходимо ознакомиться с условиями, формами и историей борьбы, которую вели их отцы. Если наша работа хоть отчасти поможет им в этом, то ее издание оправдает свою цель.

Во втором выпуске этой работы мы предполагаем изложить историю русского профессионального движения в период 1908—1917 г.г.

Москва, 24 января 1922 года.

ГЛАВА I.

До 9 января.

I.

Освобождение крестьян от крепостного ига в 1861 году ввело Россию в семью капиталистических стран. Освободивши крестьян не только от крепостной зависимости, но и от земли, правительство предоставило в распоряжение жаждавшего найти себе приложение молодого русского капитала обильный материал для накопления прибавочной стоимости. На арене русской социально-политической жизни появляется оторванный от земли и лишенный всяких орудий производства—рабочий класс, и вместе с ним возникает впервые в России *рабочий вопрос.*

Правительство, еще не вполне освободившееся от либеральной заразы «эпохи великих реформ», пытается на первых же шагах вмешаться в отношения между капиталом и трудом. В выработанном в 1862 году проекте устава о промышленности оно устанавливает целый ряд ограничений эксплоатации труда, главным образом, малолетних и женщин, и старается смягчить столкновения между капиталистами и рабочими введением промышленных судов и фабричной инспекции [1]).

Однако, проекты правительства рушились, благодаря сопротивлению растущей силы—промышленного капитала. Последний не мог мириться с подобными попытками ограничить эксплоатацию труда, он стремился использовать полностью свой «медовый месяц»—период первоначального накопления. Доводя эксплоатацию труда до предельных границ, не допуская никакого вмешательства или контроля со стороны государственной власти в свои отношения с продавцами рабочей силы, промышленный капитал приобретал в период строительства железных дорог, в период промышленного грюндерства все большее влияние на самую государственную власть и на законодательство.

«Идеализм» эпохи «великих реформ» улетучился в рабочем вопросе также быстро, как и во всех других вопросах социально-политической жизни. Из защитницы эксплоатируемых государственная власть превращается очень скоро даже не в нейтрального наблюдателя отношений между трудом и капиталом, а в страстного защитника и покровителя российского капитализма.

---

[1]) См. *К. Пажитнов.* Положение рабочего класса в России. Спб. 1906. Стр. 5—6.

Последнее не замедлило обнаружиться, как только рабочие попытались оказать сопротивление безграничной эксплоатации их труда устройством стачек. Первые забастовки, зарегистрированные повременной печатью, произошли в 1870 г. В мае месяце забастовали работавшие в некоторых мастерских петербургских портных женщины, в том же месяце произошла стачка прядильщиков на Невской бумагопрядильне. Последняя стачка вызвала вмешательство судебных властей. Стачечники были преданы суду, и Спб. Окружный Суд во имя «общественного благоустройства и благочиния» посадил за вполне мирную стачку 53 человека под арест на 3 дня, а 4-х выборных депутатов—на 7 дней. Правительство, однако, не удовольствовалось этим: из циркуляра министра внутренних дел от 6 июня 1870 г. мы узнаем, что после стачки рабочих на Невской бумагопрядильне «государь император повелеть соизволил предоставить губернаторам при первом известии о стачке рабочих на каком-либо заводе или фабрике, не допуская дела до судебного разбирательства, немедленно по обнаружении главных зачинщиков между фабричными, высылать таковых в одну из назначенных для того губерний» [1]).

С этого момента вмешательство местной и центральной административной власти во время стачек и других столкновений между предпринимателями и рабочими в пользу первых становится систематическим. Свое вмешательство государственная власть пытается мотивировать интересами государственного порядка и общественной безопасности. Это не изменяло, конечно, фактического положения дел. Государственная власть не только наказывала рабочих по суду за устройство стачек, но она вмешательством административных властей во время самой стачки, а часто и до ее начала, обрекала стачку рабочих на неудачу и обеспечивала экономическую победу предпринимателя. Мы уже не говорим про то, что своим вмешательством местная администрация превращала часто вполне мирные стачки в разгром фабричных заведений, приводивший к кровавым столкновениям с войсками.

Однако, ни преследования по суду, ни административный произвол, ни расстрелы безоружных и мирных стачечников не могли изменить законов капиталистического развития. Рост промышленности, концентрация производства, скопление все больших масс рабочих в крупных предприятиях делали свое дело в направлении поднятия сознательности и солидарности рабочих масс. С каждым годом растет число стачек, увеличивается число их участников, рабочие выступают все более дисциплинированно, случаи разгрома фабрик и заводов становятся все реже и все чаще удается рабочим добиться тех или иных улучшений своего экономического положения. С начала 80-х годов стачки выходят уже за пределы отдельных предприятий и начинают охватывать одновременно несколько предприятий, а иногда и все производство данного места, доказывая тем рост пролетарской солидарности в русской рабочей среде. Наконец, стачечное движение

---

[1]) *С. Прокопович.* К рабочему вопросу в России. Спб. 1905. Стр. 50.

рабочих принимает такие размеры, что некоторые стачки превращаются в события государственной важности и оказывают непосредственное влияние на законодательство. Перед стихийно вырывающимся протестом рабочих против безграничной эксплоатации их труда, государственная власть принуждена признать недостаточность своей физической силы и в интересах государственного порядка вмешаться законодательным путем в отношения между трудом и капиталом.

Стачечное движение 70-х годов заставляет правительство издать закон 1 июня 1882 г., воспретивший труд детей, не достигших возраста 12 лет, и ограничивший труд детей 12—15 лет 8-ю часами в сутки. Стачки первой половины 80-х годов и, особенно, историческая забастовка в январе 1885 года на Никольской мануфактуре в Орехово-Зуеве (Морозовская стачка),—главной причиной которой служили высокие штрафы и злоупотребления ими,—вынудили правительство урегулировать взаимные отношения предпринимателей и рабочих при найме; 3 июня 1886 г. был издан закон о найме рабочих на фабрики и заводы. В 1885 году издан закон о воспрещении ночной работы женщин в некоторых производствах.

Изданные законы не остановили, конечно, стачечного движения. С ростом промышленности росла сознательность рабочих масс, росли и их потребности. Все чаще становятся стачки из-за требования сокращения рабочего времени. Это движение завершилось знаменитой забастовкой на петербургских бумагопрядильных в 1896 году, охватившей до 35.000 рабочих. В январе 1897 года стачка среди петербургских текстильных рабочих повторилась и заставила правительство поспешить удовлетворить требования рабочих. 2 июня 1897 года был издан закон, впервые ограничивший в России рабочий день взрослых рабочих. Рабочий день был установлен в $11^1/_2$ часов, накануне праздничных дней в 10 часов и для рабочих, занятых в ночное время, в 10 часов.

Создавая фабричное законодательство в России под непосредственным давлением рабочего движения, государственная власть вмешивалась в отношения между трудом и капиталом не в целях охранения от вырождения громадной части населения, а только в целях сохранения государственного порядка. В своем известном труде «Русская фабрика» М. Туган-Барановский отмечает, что «особенностью русского фабричного законодательства явилась выдающаяся роль при выработке фабричных законов соображений политического и полицейского характера. Все наши важнейшие фабричные законы возникли под непосредственным влиянием соображений этого рода. Нельзя не признать чрезвычайно знаменательным в этом смысле тот факт, что инициатива издания весьма важных фабричных законов нередко принадлежала у нас министерству внутренних дел в лице его различных органов» [1]).

Ясно, что министерство полиции, каковым является по преимуществу министерство внутренних дел в России, выступающее в роли

---

[1]) Русская фабрика, стр. 430, стр. 166, цит. по кн. С. Прокоповича: „К раб. вопр.“, стр. 111.

инициатора законодательной охраны труда, меньше всего заботилось о действительном проведении в жизнь законов. Для него важно было формальным удовлетворением требований рабочих предотвратить рабочие волнения. Мы видим поэтому, как одновременно с изданием законов об охране труда министерство, путем циркулярных раз'яснений, сводит фактически эти законы на нет. Достаточно привести, как пример, циркуляр министра финансов от 14 марта 1898 г., который отменил для всех фабрик и заводов установленную *законом* 2 июля 1897 г. максимальную норму сверхурочных работ в 120 часов для каждого рабочего в год. Достаточно напомнить, наконец, во что обратился, благодаря циркулярным раз'яснениям министров, институт фабричных инспекторов, введенный в России в 1882 году. Фабричные инспектора, на обязанность которых было возложено посредничество между предпринимателем и рабочими, проведение в жизнь и наблюдение за выполнением фабричного законодательства, превратились в агентов полиции, в помощников жандармского надзора, в цензоров, в составителей полицейских инструкций, в воспитателей рабочих в духе подчинения их суверенитету предпринимателей и т. д. и т. д.[1]).

Гораздо более искренней и энергичной государственная власть была при установлении новых ограничительных законов и при проведении в жизнь новых репрессивных мер против рабочих: за каждой новой вынужденной уступкой рабочим следовали новые ограничения их самодеятельности.

Уже в Уложении об уголовных наказаниях 1845 года 1792 статья установила, что «за стачку между работниками какого-либо завода, фабрики или мануфактуры, прекратить работы прежде истечения установленного с содержателями сих заведений времени, для того, чтобы принудить хозяев к возвышению получаемой им платы, виновные подвергаются аресту: зачинщики—на время от трех недель до трех месяцев, а прочие от семи дней до трех недель». Эта статья перешла затем в новое издание Уложения 1866 г. (ст. 1358). Издание упомянутого выше закона 3 июня 1886 г. повлекло за собою одновременное усиление наказаний за стачки. Введенные в Уложение ст. ст. 1358[1], [2], [3] устанавливали наказание от 4 до 8 месяцев и от 2 до 4 месяцев тюрьмы за «прекращение работ на фабрике или заводе по стачке между собою рабочих, с целью принуждения фабрикантов или заводчиков к возвышению заработной платы или изменению других условий найма до истечения срока последнего», участники стачки, причинившие повреждение или уничтожение заводского или фабричного имущества подвергались наказанию—тюремному заключению от 8 месяцев до 1 года и 4 месяцев (зачинщики) и от 4 до 8 месяцев (участники). Третья статья, наконец, карала таким же наказанием участников стачки, «принудивших других рабочих посредством насилия или угроз прекратить работу или не возобновлять прекращенную».

---

[1]) См. *И. Озеров*, Политика по рабочему вопросу в России за посл. годы. М. 1906. Стр. 112.

Однако, это увеличение наказаний за стачки по суду не удовлетворяло государственную власть, она стремилась вообще не допускать стачек. Для этой цели она использовала излюбленный прием бюрократии: судебное ограждение закона заменила посредством циркуляра административным усмотрением. Выше мы уже упомянули о циркуляре мин. вн. дел 6 июня 1870 г. Вслед за изданием закона 2 июня 1897 г. последовал циркуляр министерства внутренних дел от 13 августа 1897 г., в котором предлагалось «безусловно воспрещать всякие сходки рабочих и выяснять зачинщиков этих сборищ, подвергая последних аресту, если сходки собирались с целью уговора к стачке или забастовке. В случае возникновения стачки или забастовки назначить забастовщикам кратчайший срок стать вновь на работу или получить расчет и, по истечении этого срока, всех не ставших на работу иногородних рабочих, прекративших работу с соблюдением законных сроков, удалять безотлагательно в места родины или приписки. Во всех случаях стачек или забастовок *рекомендуется имущественное направление дел в порядке положения об охране*».

Одновременно был поставлен вопрос об усилении фабрично-заводской полиции. По закону 1 февраля 1899 г. учреждено новых 160 должностей полицейских надзирателей и 2,320 городовых на фабриках и заводах с 200 и более рабочих [1]).

Чем дальше развивалось рабочее движение, чем более широкие массы оно захватывало и чем больше оно принимало революционный характер, тем грубее и мелочнее становилось вмешательство административных властей в экономическую борьбу рабочих.

Так, в бытность Плеве и мин. вн. дел, правительство приравняло сосланных стачечников к уголовным поселенцам и лишило их в ссылке обычных пособий для политических ссыльных.

II.

Рассматривая мирную экономическую борьбу рабочих с предпринимателями за общее улучшение условий труда, как государственное преступление, государственная власть—вполне логично—не допускала даже мысли о возможности для рабочих организоваться в союзы для защиты своих экономических интересов, для борьбы с предпринимателями, для поддержания стачечников, и т. д. Уже в 1874 году ст. 318 Уложения о наказаниях была дополнена следующим пунктом: «Виновные в принадлежности к сообществу, имеющему целью возбуждение вражды между хозяевами и рабочими, а равно возбуждение к устройству стачек» подлежат наказанию, от заключения в крепость на 8 месяцев до лишения всех особенных прав и преимуществ и ссылки на житье в Сибирь [2]).

Не довольствуясь общим запрещением союзов и обществ, правительство устанавливало драконовские наказания специально для рабо-

---

[1]) *С. Прокопович.* К рабочему вопросу в России. Стр. 75, 76. *И. Озеров.* Полит. по раб. вопр. Стр. 161 и след.

[2]) *С. Прокопович.* К рабочему вопросу в России. Стр. 53.

чих за участие в «сообществах», имеющих целью улучшить свое экономическое положение.

Вполне понятно, что, при полном отсутствии свободы стачек и свободы союзов, о существовании каких-либо открытых рабочих профессиональных организаций не могло быть и речи. Единственной легальной формой рабочих организаций до 9 января 1905 года были кассы взаимопомощи, похоронные кассы и т. п. Преимущественно они были распространены в Царстве Польском и Прибалтийском крае, где они возникают в связи с местным цеховым устройством, причем каждый цех имел для мастеров и подмастерьев (вместе или отдельно) общество взаимопомощи на случай болезни и похоронную кассу. В 1898 году в Прибалтийском крае действовало 98 обществ и касс ремесленников, всесословных похоронных касс действовало 113 касс [1]). В Северо-западном крае среди еврейских ремесленников были распространены братства ремесленников, так называемые хабура или хевра, упоминание о которых встречается уже в начале 19-го столетия. В Царстве Польском на казенных горных заводах и промыслах было основано в 1821 году, на основании высочайшего указа 28 февраля 1817 г., горнозаводское товарищество. Оно выдает пособия больным, на похороны и пенсии за выслугу лет. С развитием частной горной промышленности появились кассы на частных заводах. В 1898 году существовало всего 19 таких касс. Горнозаводские товарищества возникают также и на Уральских горных заводах, где начало им было положено законом 8 марта 1861 г. Среди русских ремесленников пионерами движения явились типографские рабочие. Первая касса в Петербурге—«Вспомогательная касса для типографов, словолитчиков, литографов и т. д.», известная впоследствии под именем «немецкой», была основана в 1838 году. Позже в Петербурге возникли еще три кассы взаимопомощи, в 1869 году возникла «Вспомогательная касса типографов в Москве». В 80-х и 90-х годах типографские кассы взаимопомощи возникают в Одессе, в Казани, в Киеве, в Саратове, в Самаре, в Смоленске, в Томске, в Нижнем-Новгороде, в Екатеринославе, в Оренбурге, в Орле.

Общества ремесленников прочих профессий начали развиваться в середине 60-х годов, причем, рядом с обществами взаимопомощи и похоронными кассами ремесленников без различия цеха, возникают кассы взаимопомощы ремесленников отдельных цехов. Первые возникают в Петербурге (немецких ремесленников под названием «Пальма» в 1862 г.), в Москве в 1875 г., в Кронштадте в 1883 г., в Саратове в 1884 г., в Хвалынске в 1886 г., в Старой Руссе в 1892 г., в Елизаветграде в 1892 г., в Астрахани в 1893 г., в Самаре в 1898г . в Тамбове в 1899 г., в Херсоне в 1899 г. и т. д. Из вторых можно отметить возникшую 1867 году ссудо-сберегательную кассу артели петербургских портных-подмастерьев, оказывавшую пособие больным, неспособным к труду безработным. В 1870 г. в Петербурге было открыто общество взаимного вспоможения поваров и кондитеров, в

---

1) *С. Прокопович.* К рабочему вопросу в России, стр. 3 и след.

1876 г. в Петербурге же было основано общество взаимного вспоможения комнатной прислуги, В 1883 году в Одессе было открыто общество взаимопомощи официантов. В 1886 г. в Киеве было открыто общество взаимопомощи сапожников и т. д. С. Прокопович насчитывает в 1898 году шестнадцать таких обществ взаимопомощи и 54 всесословных похоронных касс.

Более всего распространены в России общества взаимопомощи приказчиков. Первое общество приказчиков было открыто в Риге в 1859 г.; в 1898 году действовало в России (без Польши, Прибалтийского края, Финляндии) 74 общества. Очень интересным явлением в жизни приказчичьих обществ были с'езды их представителей: в 1896 году в Нижнем-Новгороде и в 1898 г. в Москве. В программу первого с'езда на-ряду с вопросами взаимопомощи входили следующие вопросы чисто профессионального характера: 1) установление воскресного и праздничного отдыха для приказчиков, 2) сокращение торгового дня в будни, 3) организация справочного бюро для приискания занятий, 4) издание профессиональной газеты, 5) устройство периодических с'ездов представителей приказчичьих обществ, 6) урегулирование отношений между служащими и хозяевами, 7) введение расчетных книжек. Из программы 2-го с'езда московским обер-полицеймейстером были вычеркнуты вопросы: 1) о праздничном отдыхе, 2) сокращение торгового дня в будни, 3) устройство периодических с'ездов представителей приказчичьих обществ, 4) урегулирование отношений между приказчиками и хозяевами.

Среди фабрично-заводских рабочих существовали, как фабричные кассы при отдельных фабриках и заводах, так и фабрично-заводские общества взаимопомощи. Развитие последних началось лишь с середины 90-х годов. Первым подобным обществом было общество вспомоществования мастеровым и рабочим при Тульском патронном заводе. Затем следует общество взаимопомощи мастеровых и машинистов в Астрахани (1894 г.). В этом же году был утвержден устав кассы взаимопомощи рабочих и мастеровых шостенских пороховых заводов, основанной в 1891 году. Потом общество взаимного вспоможения занимающихся ремесленным трудом в Харькове в 1898 году и подобное же общество в Борисоглебске в 1898 году и др. Наиболее крупным и влиятельным из них было Харьковское общество, выдающуюся роль в котором играли рабочие машиностроительного завода Гельферих-Саде. Об обществе рабочих механического производства в Москве, Петербургском обществе того же названия и собрании русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга, как имевших через посредство своих руководителей (Афанасьева, Ушакова, Гапона) отношение к департаменту полиции, мы скажем позже [1]).

Перечисленные выше типы рабочих организаций, как показывают в большинстве случаев самые их названия, ставили своею основною задачей—*взаимопомощь*. Денежные пособия больным, доставление боль-

---

[1]) Фактические данные об обществах взаимопомощи взяты нами из цитированной книги *С. Прокоповича* „К рабочему вопросу в России". Стр. 1—44.

ным врачебной помощи и лечебных пособий, выдача пособий на похороны, инвалидам на дожитие, вдовам и сиротам, ссуды и пособия нуждающимся, — составляли главную функцию этих организаций. Нужно добавить к этому, что очень часто выдаваемые обществами пособия, как и сами общества, носили полу- и, даже, вполне благотворительный характер. Фабричные кассы во многих местах существовали на пожертвования предпринимателей. Почти во всех обществах, на-ряду с действительными членами, фигурируют почетные члены, в некоторых обществах они составляют значительный процент. Так, в обществах приказчиков один почетный член приходится на 8 действительных [1]). Между тем, почетные члены черпаются, главным образом, из рядов хозяев-предпринимателей в рассчете только на их материальную поддержку. Участие хозяев в обществах рабочих и служащих не могло не накладывать отпечатка на самую деятельность обществ. Поэтому, хотя некоторые общества взаимопомощи и практикуют также функции профессиональных союзов: выдачу дорожных денег приезжим ремесленникам, поддержку безработных, местных и приезжих, в форме денежных пособий или доставления помещения и стола за минимальную плату, содействие в приискании работы и занятий безработным, организацию юридических бюро для справок, ходатайства по вопросам фабричного законодательства,— они все же не могут быть названы профессиональными рабочими организациями, как последние понимаются в современном рабочем движении. *Элемент борьбы за улучшение общих условий труда,* характеризующий профессиональные организации, *был совершенно чужд названным обществам и кассам;* в их задачи поэтому не входили ни организации стачек, ни денежная помощь стачечникам. Некоторые из обществ при этом носили узко-эгоистический и аристократический характер. Так, 3-й параграф нормального устава обществ приказчиков, выработанного Московским обществом ко 2-му с'езду, гласил, что членами общества не могут быть лица «состоящие на степени рабочего». Многие общества взаимного вспоможения частному служебному труду не допускали в свою среду «чернорабочих» (Ростовское на-Дону).

Но, конечно, гораздо большее влияние на характер первых открытых рабочих организаций, чем участие в обществах хозяев или эгоистически классовые мотивы—оказывало *политическое бесправие.* Охарактеризованное нами выше отношение государственной власти к экономической борьбе рабочих настраивало ее подозрительно ко всякому, самому невинному проявлению рабочей самодеятельности. Поэтому и кассы, и общества взаимопомощи были взяты под строжайший контроль административных властей. Уставы фабричных касс утверждались министром финансов, уставы других обществ взаимопомощи утверждались министром внутренних дел, на учреждение обществ взаимопомощи в Царстве Польском испрашивалось высочайшее разрешение через комитет министров. Посылаемые на

---

[1]) *С. Прокопович.* К рабочему вопросу в России. Стр. 21.

утверждение уставы подвергались самой строгой цензуре, из них выбрасывались пункты, заключавшие в себе хотя бы отдаленный намек, не говоря уже на политическую, но даже и на экономическую борьбу. Уставы задерживались в министерствах годами (Ростовское общество ждало $2^1/_2$ года утверждения устава). Над деятельностью самих обществ велся местной администрацией строгий контроль, и по ничтожным поводам они закрывались властью местной или центральной администрации. Ростовское на-Дону общество взаимного вспоможения частному служебному профессиональному труду, имевшее больше 600 членов, было закрыто наказным атаманом Войска Донского за то, что в числе членов было несколько «неблагонадежных», ходивших в читальню о-ва читать газеты.

При этих условиях легальные рабочие организации,—за очень небольшими и случайными исключениями,—конечно, не могли и не играли никакой роли в стихийно растущем из года в год рабочем движении. Изредка, в том или ином месте, легальные общества оказывали контрабандную помощь стачечникам или пострадавшим за стачки или политические демонстрации рабочим. Так, в 1900 году Харьковское общество взаимопомощи занимающихся ремесленным трудом выдало не предусмотренное уставом пособие пострадавшим за известную майскую демонстрацию рабочим [1]).

III.

Долгие годы поэтому экономическая борьба рабочих ведется вне руководства каких бы то ни былв организаций. Правда, в конце 70-х годов по инициативе столяра Степана Халтурина создается Северно-Русский Рабочий Союз, задачей которого было организовать рабочих для экономической и политической борьбы. Это была первая попытка создать самодеятельную революционную рабочую организацию. Союз предполагал издавать даже собственную рабочую газету, посвященную освещению и разоблачению темных сторон фабрично-заводского быта. Правительственные репрессии не дали, однако, возможности осуществиться этим планам и быстро вырвали с корнями молодую организацию. К тому же героическая борьба тесной заговорщической организации Народной Воли захватывала все больше наиболее сознательные элементы из рабочих и увлекала их на путь террористического единоборства с самодержавием. За Степаном Халтуриным,—организовавшим известное покушение в Зимнем Дворце—уходили от сознательного рабочего движения и другие более выдающиеся рабочие. Мы уже не говорим про революционную интеллигенцию, внимание которой было обращено меньше всего на организацию экономической борьбы рабочих. Рабочая масса была предоставлена самой себе.

Отсутствие воздействия на нее сознательных элементов возмещалось, однако, гораздо более сильным воздействием роста и развития

---

[1]) *Вторая конференция профес. союзов.* Спб. 1906. Стр. 60.

промышленности. Характерно, что именно 80-е годы,—годы полного торжества реакции, уничтожения всех революционных организаций, духовного упадка интеллигенции,—отмечаются непрерывным ростом рабочего движения. Инстинктивно оценивая выгодные кон'юнктуры, рабочие массы стихийно, без всякого предварительного уговора, без призыва извне, по каким-либо мелким поводам выступали в борьбу с предпринимателями. По большей части требования рабочих вырабатывались и пред'являлись уже тогда, когда рабочие бросали работу, когда стачка фактически была об'явлена. Руководство организацией заменялось руководством одного или нескольких главарей рабочих, выдвинувшихся в ходе самой стачки своею сознательностью и своею энергией. Так, в знаменитой стачке на Морозовской мануфактуре в 1885 г. руководителями и организаторами ее явились два рабочих—Волков и Моисеенок. Часто с арестом таких руководителей стачка обрекалась на неудачу, тем более, что о материальной помощи стачечникам не могло быть и речи.

Отсутствие организованности в стачечном движении 80-х годов возмещалось количеством стачек и числом охватываемых последними рабочих. Стихийно подымавшееся движение широких масс рабочих оказывало давление не только на предпринимателей, — которые должны были постепенно заменять старый патриархальный фабрично-заводской строй более соответствующим современному способу производства,—но также и на государственную власть, которая, как мы указывали выше, должна была под влиянием стачечного движения 80-х годов вступить на путь фабричного законодательства.

С началом 90-х годов, с зарождением в России социал-демократического движения, начинаются первые попытки внести известную планомерность в экономическую борьбу рабочих и создать нелегальные организации специально для руководства и поддержки стачек. Первые такие попытки сделаны были в Северо-Западном крае еврейскими рабочими, среди которых, благодаря их более культурному уровню, социал-демократическое движение пустило гораздо раньше корни и долгие годы отличалось сравнительно более высокою степенью сознательности и организованности. В 1888 г. в Вильне была организована первая касса (чулочниц), за ней следовали кассы портных, заготовщиков, конвертниц. Сами инициаторы—социал-демократы—смотрели на эти кассы лишь как на источник, откуда можно было черпать свежие элементы для пропагандистских кружков. Однако, жизнь заставила их скоро изменить свой взгляд на эти организации. Эта перемена нашла свое выражение в имевшей в свое время огромное значение для выработки новой социал-демократической тактики брошюре — «Об агитации». «Тот не социал-демократ, — говорилось там,—кто своею деятельностью не содействует росту классового сознания и революционных требований пролетариата. Между тем, содействовать тому или другому можно только взявшись непосредственно за возбуждение в массе движения на экономической почве; и каждый шаг в этом направлении будет облегчать дальнейшее движение, будет устранять одно за другим те препятствия, которые

теперь кажутся неустранимыми, которые мешают даже кружковой, культурной, в сущности, работе, и которые для последней действительно неустранимы. В виду всего этого мы признаем необходимым для социал-демократических кружков перейти... к постоянной агитации среди фабричных рабочих на почве существующих мелких нужд и требований. Вызванная такой агитацией борьба приучит рабочих отстаивать свои интересы, поднимет их мужество, даст им уверенность в своих силах, сознание необходимости единения, в конце концов поставит перед ними более важные вопросы. Классовая борьба в этом, более сознательном виде, создаст почву для политической агитации, целью которой будет изменение существующих политических условий в пользу рабочего класса».

Изложенные в брошюре «Об агитации» основы новой тактики означали собою важный поворотный пункт в социал-демократическом движении, переход от кружковой пропаганды к массовой агитации, и первую попытку сблизить социал-демократию с рабочим движением. Новая социал-демократическая тактика имела глубокое значение и для всего рабочего движения, потому что, если не в лице социал-демократических организаций,—о которых трудно было говорить в то время, —то, по крайней мере, в лице социал-демократов рабочих и интеллигентов оно приобрело те элементы, которые стремятся внести планомерность и организованность в профессиональную борьбу рабочих. В Северо-западном крае, где преобладает ремесло и где долгие годы полицейские условия были сравнительно благоприятны,—социал-демократы развивают довольно широко свою деятельность по организации профессиональных союзов и руководству стачечной борьбой.

В 1894 г., в Варшаве, «Варшавским еврейским рабочим ферейном» организуются кассы в нескольких профессиях, в Минске, под влиянием стачечной борьбы, образуется 4 профессиональных союза с количеством участников в 220 человек, в Сморгони, Ошмянах устраивается касса у кожевников; в Вильне возобновляются распавшиеся кассы и организуются новые—вместе 12. Под влиянием агитации начинается усиленная стачечная деятельность. В Вильне бастуют слесаря, заготовщики, щетинщики. В Минске все время идет борьба за 10-ти часовой рабочий день. Им удается пока сократить рабочий день на 2—3 часа, с 16—17 часов до 14.

Волна движения разливается все шире и захватывает новые города и районы. Просыпается щетинный район (Вилковышки, Креславка, Выстинец). Кассы борьбы растут, как грибы. Усиливается и стачечное движение, стачки считаются уже теперь десятками. В Вильне в середине лета 1894 года вновь организовано 6 касс борьбы, с количеством участников в 153 человека к концу года организовалось еще 10 профессий, которые дали 197 новых кассовых членов. Прежде организованные кассы в течение года тоже увеличили на 150 число своих членов. Всего в движении участвует около 850 организованных рабочих, принадлежащих к 27 профессиям. В Минске кассы борьбы получают самую широкую популярность в рабочей массе. Организуется 11 новых касс с количеством участников в 650 человек, всего в Минске

в кассы вместе с прошлогодними организовано 870 человек, принадлежащих к 15 профессиям. В Варшаве, еврейским рабочим ферейном организуется около 13 касс борьбы. Возникает касса (100 членов) также в небольшом городке, принадлежащем к щетинному району,—в Креславке. В Брест-Литовске и Белостоке идет деятельная организационная работа, организуется несколько профессиональных касс. Мы не будем дальше перечислять подробно развитие профессиональных стачечных касс в Северо-западном крае, скажем только, что за три года они достигли такого влияния, что, когда в 1897 году на с'езде социал-демократических организаций еврейских рабочих было положено начало «Всеобщему Еврейскому Рабочему Союзу России, Польши и Литвы» (Бунду), то в основу его организации были положены эти боевые (стачечные) кассы. «Главное назначение касс,—писал заграничный комитет Бунда в своем докладе Междунар. Социалист. Конгрессу в Париже в 1900 г.,—способствовать улучшению экономического положения рабочих». «Кассы являются также центрами, из которых расходится в широкой массе пропаганда социал-демократических идей и служат сильным орудием для развития классового и политического сознания рабочих». Таким образом, кассы, открывая двери всякому рабочему, желающему принять участие в экономической борьбе, с одной стороны помогают его борьбе за повседневные насущные интересы, с другой стороны,—стремятся выработать из него социал-демократа и подготовить его к пониманию тех политических задач, которые ставит перед российским пролетариатом русская жизнь».

Мы видим, что партийные профессиональные союзы, имеющие теперь распространение среди еврейских рабочих в районе деятельности Бунда, явились только дальнейшей стадией развития этих боевых (стачечных) касс. О размерах этих касс имеются данные в упомянутом докладе. В 1900 г. в Белостоке из всего числа местных еврейских рабочих были 20% организованы в кассах, в Вильне—24%, в Гомеле почти 40%, в Минске—35—40%. Абсолютное число организованных рабочих достигало в это время в Двинске—400 человек, в Белостоке—1,000 человек, в Вильне—1,400, в Гомеле—360, в Минске около 1,000 кожевников—700 орг. рабочих, щетинщиков—800 (60% всего числа занятых в щетинном производстве).

Переход от кружковой пропаганды к массовой агитации на-почве профессиональной борьбы в остальных центрах социал-демократического движения России происходит немного позже. Этот переходный период начинается в столицах в 1894—95 годах и кончается в некоторых местах только в 1899—1900 годах. Совершается он отчасти под влиянием опыта еврейских рабочих и упомянутой выше брошюры «Об агитации», нашедшей себе широкое распространение и среди социал-демократов, работавших среди русских рабочих, но, главным образом, под влиянием новой волны стихийного рабочего движения, подымающегося в середине 90-х годов. «Среди кружковых рабочих наступает пора новых веяний. Совершался перелом. Все сильнее и сильнее укрепляется мысль, что действительно сознательный рабочий должен ближе стоять к окружающей жизни, должен активнее отно-

ситься к нуждам и требованиям массы рабочих и к повседневным нарушениям всяких человеческих прав; что сознательный рабочий должен участвовать в этой окружающей жизни, а не сторониться от нее, как он делал до сих пор»[1]). Среди интеллигентов—социал-демократов переход к новой тактике возбуждал гораздо больше споров, но и они должны были под влиянием рабочих признать необходимым «начать новую тактику массовой агитации на основании насущных потребностей той или иной фабрики. Агитация должна была вестись путем печатания и разбрасывания по фабрикам листков с изложением положения рабочих той или иной фабрики и с их требованиями определенных перемен»[2]).

Огромную роль в укреплении новой тактики сыграли грандиозные петербургские забастовки в мае—июне 1896 и январе 1897 года, поведавшие впервые всему миру о русском рабочем движении. Хотя стачки возникли стихийно и местная социал-демократическая организация—«Союз борьбы за освобождение рабочего класса»—была еще слишком слаба, чтобы *руководить* стачкой 30—40 тысяч рабочих, однако, здесь впервые наблюдается вмешательство социал-демократической *организации* в экономическую борьбу рабочих. Материальную помощь «Союз» за недостатком средств мог оказать только очень небольшую (3,000 рублей). Но зато он формилирует требования, выставленные представителями забастовавших предприятий[3]), и распространяет их в массах в виде прокламаций. «Кроме общих листков с требованиями всех забастовавших фабрик, Союз выпускал листок за листком к рабочим отдельных фабрик, на основании собранных сведений о частных злоупотреблениях и неустройствах той или другой фабрики... Иногда рабочие сами составляли листок и просили его напечатать и издать от имени Союза... Союзом выпускались листки и для поддержания колеблющегося духа бастующих на той или другой фабрике и для приглашения к стачке тех фабрик, которые еще не стали. Союз в своих прокламациях приглашал рабочих стоять дружно и стойко, не производить ни беспорядков, ни буйств, которые были бы лишь на руку полиции»[4]). Словом, Союз обслуживал петербургские стачки—по мере своих сил,—как профессиональная организация. И если петербургские стачки имели огромное значение «для развития широкого классового самосознания рабочих, а следовательно, для дальнейшего развития и расширения нашего социал-демократического движения», то эти же стачки дали первый крупный толчок «для развития профессионального движения».

В ходе стачечной борьбы рабочая масса научилась ценить дисциплинированность, планомерность и организованность своих выступлений. *Необходимость организации для успешного ведения рабочими борьбы против предпринимателей*—становится ясной передовым слоям рабочих.

---

[1]) *К. М. Тар.* Очерк петербургского рабоч. движения 90-х годов. Спб. 1906. Стр. 17.

[2]) Там ж., стр. 21.

[3]) Там же, стр. 36.

[4]) Там же, стр. 42.

«Главная наша задача,—пишет рабочий в своей рукописи, направленной в социал-демократический «Союз борьбы»,—соединиться в один общий союз; для этого самое лучшее средство: организовать небольшие кружки и заводить при них кассы, в которые делать взносы по возможности средств участвующих; соединить эти кружки в одно целое не будет стоить особого труда»[1]). Подобные же мысли и планы излагались рабочими в целом ряде рукописей, поступавших в «Союз». Эти планы, по мере полицейской возможности, проводились и в жизни. «Начавшаяся среди рабочих, особенно со времени летней стачки 1896 г., организация постоянных стачечных касс,—пишет автор цитированных нами воспоминаний,—не прекратилась. Часто приходилось слышать, что то на той, то на этой фабрике рабочие устроили кассу с целью поставить свое дело на более прочных основаниях. Стоит взять одну из подобных касс, чтобы получить понятие об их характере. Образцом этих касс может служить касса, устроенная рабочими на фабрике Кожевникова, на Обводном канале. Насколько я знаю, у этой кассы не было никакого притока средств со стороны, так что сравнительно большой ее денежный оборот может быть об'яснен лишь деятельным участием в ней местных рабочих. В описываемое время ее расход был около 300 рублей (за несколько месяцев), ее наличность состояла из 100 рублей. Питалась она членскими взносами. Расходование денег шло на таких основаниях: $^1/_4$ *всех сумм шла на стачки.* Остальное делилось на 4 части, из них 2 части—на взаимопомощь. 1 часть—на книги, и 1 часть составляла постоянный фонд».

Подобные кассы организовывались и в провинции в крупных центрах промышленности. В Иваново-Вознесенске в 1895 г. образовался «Иваново-Вознесенский Рабочий Союз», устроивший кассу и библиотеку со значительным количеством легальных и запрещенных изданий. В Николаеве в 1897 году «Южно-Русским Рабочим Союзом» была основана центральная касса, которою заведывал центральный комитет. *Половина дохода предназначалась для стачечного фонда,* $^1/_3$ для взаимопомощи и $^1/_6$ для библиотеки. В Харькове, Екатеринославе, Одессе возникают самостоятельные мелкие союзы не только среди ремесленников, но и среди заводских рабочих.

Все эти кассы являются зачатками профессиональных союзов. Полицейские преследования губили их часто при самом зарождении, и никогда не давали возможности развиться. Но при всей своей примитивности и непрочности своего существования эти стачечные кассы играли огромную роль в руководстве экономической борьбой. Тех ничтожных сумм, которыми они владели, не хватало даже на помощь арестованным товарищам, о материальной помощи стачечникам можно говорить только с очень большими оговорками. Она доставлялась обыкновенно, тоже в очень незначительном размере—рабочими других профессий, приходившими на помощь своим бастующим товарищам.

---

1) *К. Тар.* Там же, стр. 72.

Гораздо большее значение этих касс во время стачек заключалось в той планомерности и чувстве солидарности, которую им удавалось вносить в стачки путем письменной и устной агитации. Стачечные кассы, составлявшиеся из передовых рабочих своей профессии, часто во-время выпущенной и удачно составленной прокламацией, добивались тех или иных уступок от предпринимателя. Словом, как ни ограничены были стачечные кассы в своих функциях политическим бесправием и полицейским произволом, они долгие годы были единственными элементами, вносившими в профессиональную борьбу рабочих организационное начало. И в то же время, эти стачечные кассы были единственными ячейками, откуда социал-демократические кружки черпали своих новых адептов, и через которые они знакомили широкую рабочую массу со своими политическими и социалистическими идеалами. Долгие годы поэтому эти стачечные кассы—под различными названиями: фабричных и заводских касс или комитетов, ремесленных или цеховых касс и комитетов и т. д., и т. д.,—являются не только необходимыми составными элементами, но и кладутся в основу социал-демократических организаций.

IV.

В середине 90-х годов во многих городах происходит об'единение местных социал-демократических групп, кружков и касс в местные «союзы борьбы за освобождение рабочего класса», а в 1898 г. «союзы» более крупных городов кладут на с'езде в Минске основание Российской соц.-демократической Рабочей Партии и сами превращаются в комитеты ее. Уже в момент зарождения партии в ее составных элементах шла борьба двух течений; эта борьба течений проходит красною нитью через всю десятилетнюю историю партии, часто осложняясь побочными причинами и уклоняясь от главного спора. Здесь не место останавливаться подробно на них. Укажем только на основную сущность спора в рассматриваемый нами момент.

Русские социал-демократы, несмотря на всю невыносимость условий их работы,—были счастливее своих западно-европейских товарищей. С первых шагов своей деятельности, как мы это уже указывали, они соединили в рабочих организациях руководство политической и экономической борьбой—двумя неразрывными элементами пролетарской борьбы против капиталистического строя. Экономическая борьба рабочих уже с первых своих шагов освещалась социалистическим идеалом, а не оставалась в узких рамках борьбы за «копейку на рубль». В русских условиях экономическая борьба сталкивала рабочих с полицейским режимом, укрепляла их политическое сознание, подтверждая на жизненном опыте те идеи, которые рабочие черпали в социал-демократической литературе и пропаганде. Рабочие приучились видеть в социал-демократии выразительницу всех их интересов: политических и экономических.

Одно из течений в партии подчеркивало эту характерную особенность русского движения и указывало на необходимость для орга-

низаций Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии взять на себя руководство экономической и политической борьбой пролетариата. Организации в этом случае содействовали бы не только улучшению условий труда рабочих, но и выработке их *классового сознания*. Этому же течению приходилось бороться с извращениями некоторыми группами его взглядов. Желая выдвинуть во главу угла экономическую борьбу, эти группы доходили до отрицания необходимости для рабочих политической борьбы.

Другое течение, выдвигая во главу угла политическую борьбу, придавая ей преобладающеее значение, отодвигало экономическую борьбу на задний план, умаляло значение ее в пролетарской борьбе. Выступление в начале текушего десятилетия рабочих масс в открытую политическую борьбу с полицейским режимом, подготовленное всей предыдущей работой социал-демократии и обостренное к тому же промышленным кризисом, обеспечило последнему течению победу. Социал-демократическая интеллигенция, игравшая руководящую роль в социал-демократических организациях, под влиянием весенних событий 1901 года быстро восприняла идеи, отражающиеся до сих пор роковым образом на судьбах Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии. Рабочее движение было взято под подозрение, было провозглашено, что «классовое политическое сознание может быть принесено рабочему *только извне*, то-есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам». Вместо организации рабочих на очередь дня была поставлена организация «людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью». «Чтобы принести *рабочим* политическое знание, социал-демократы должны (были) *итти во все классы населения*»... Наконец, задачей социал-демократической организации было об'явлено «подготовка, назначение и проведение *всенародного вооруженного восстания*».

Интерес к профессиональной борьбе рабочих в социал-демократических местных организациях все больше падал, и руководство ею отходило на задний план. Это не могло не вызвать неудовольствия со стороны передовых и сознательных рабочих. Это неудовольствие осложнялось организационными спорами.

Если политическая борьба допускала еще ультра-централистическую организацию, то борьба экономическая требовала более широких рамок, требовала более широкого участия рабочих в организации, большего контроля, демократизма (ограниченного, конечно, условиями конспиративной работы). Победа нового течения социал-демократии, так наз. «искризма», и проведение знаменитого плана организации партии вокруг газеты, как центра, с разветвлениями в виде ее «сотрудников» или «агентов», повело к организационным «государственным переворотам» на местах и к целому ряду печальных столкновений между «рабочими организациями» и «комитетами партии». Победителями, по большей части, оказывались комитеты, как более сплоченные, опытные, приспособленные к конспиративным условиям организации. Однако, результаты побед оказывались самыми печаль-

ными для победителей. Лучшие элементы рабочих уходили из организаций.

К тому же можно было умалять значение экономической борьбы в партийной литературе, в партийных кружках и клубах, но в жизни ее нельзя было умалить. Она рвалась наружу, искала себе организационных форм и, не находя их, выливалась стихийно, грозно и величественно, служа той же политической борьбе, с которой она кровно связана в об'ективных условиях жизни пролетариата.

Ноябрьская стачка в 1902 г. в Ростове, летние стачки 1903 г. по всему югу России от Киева до Баку, возникавшие помимо и часто даже неожиданно для социал-демократических организаций, грозно напоминали, что нужно *организовать* экономическую борьбу.

В это же время департамент полиции, искусно используя ошибки социал-демократии, делает попытки взять в свои руки организацию профессиональной борьбы рабочих, в целях отвлечения последних от борьбы политической. В своей известной записке (как утверждают, написанной начальником московского охр. отделения Зубатовым), московский обер-полицейместер Трепов изложил «философию» полицейской тактики. «Опыт показал,—читаем мы там,—что сил одной интеллигенции для борьбы с правительством недостаточно, даже в том случае, если они вооружатся взрывчатыми веществами. Нужно приобрести на свою сторону массовую силу, но как ее приобрести? Агитаторы старались использовать реальные нужды рабочих и повели на почве мелких нужд и требований агитацию... Такая агитация вполне понятна рабочему, стоит пустить прокламации в нескольких экземплярах среди недовольных, как фабрика или завод останавливаются. Успех забастовок на этой почве имеет крайне опасное и вредное государственное значение, являясь первоначальной школой для политического воспитания рабочих. Успех в борьбе приносит с собою рабочим веру в свои силы, научает их практическим приемам борьбы, подготовляет и выдвигает из толпы способных инициаторов, убеждает рабочего в возможности и полезности коллективных действий, развивает сознание необходимости классовой борьбы и т. д... По духу времени, когда Западная Европа поглощена рабочим вопросом, весь интерес революции сосредоточен на фабрично-заводской среде, а где пристраивается революционер, там обязана быть и государственная полиция... Чем занят революционер, тем обазана интересоваться и полиция» [1])...

К сожалению, социал-демократы своею ошибочною тактикою по отношению к экономической борьбе, своею преувеличенною боязнью каких бы то не было легальных обществ дали возможность агентам полиции занять,—хотя и не надолго,—их собственные позиции. В 1902 г. в Москве под непосредственным покровительством охранного отделения организуется «общество рабочих механического производства», в Минске начальник жандармского управления полковник

---

[1]) *П. Озеров.* Политика по раб. вопросу в России за посл. годы. Москва, 906, стр. 144—146.

Васильев организует «независимую еврейскую рабочую партию», в Одессе в том же духе действует Шаевич. Старания всех этих «организаторов» были направлены к тому, чтобы отвлечь рабочих не только от политической, но даже от стачечной борьбы. Внимание рабочих направлялось исключительно на организацию взаимопомощи, на устройство лекций, чтений и т. п. (конечно, в «благонамеренном» направлении). Однако, об'ективные экономические условия и здоровое чутье рабочих масс заставляли последних рвать наложенные на них полицейские цепи и использовать «полицейские» организации в целях экономической борьбы. «Начало организации у ткачей, которые также решили устроить кассы взаимопомощи,—пишет профессор И. Озеров,—проявилось прежде всего в посылке депутации на фабрики и требовании повышения заработной платы» (стр. 215). Союз, организованный Шаевичем в Одессе, был инициатором летних забастовок 1903 года, поведших, как известно, ко всеобщей стачке, носившей ярко-политический характер. Социал-демократии оставалось только использовать в целях пропаганды своих идей то стихийное движение, которое было вызвано действиями «легального» союза. Вполне прав был поэтому министр финансов, когда во всеподданнейшем докладе он говорил, что «допущение рабочих организаций, исключительная цель которых было ослабить политическую пропаганду, на самом же деле... дало совершенно обратные результаты» [1]).

Этот вывод относится, главным образом, к истории гапоновского общества. Учрежденное под покровительством министра внутренних дел Плеве и митрополита Антония для «возбуждения и укрепления в среде членов-рабочих русского национального самосознания»,—«Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга» послужило исходным пунктом революционных событий января 1905 г. С гапоновским обществом произошло то же,—только в более крупном масштабе,—что и с подобными же обществами в Москве, Одессе и т. д. Полицейский «заговор» кончился крахом, как только он пришел в соприкосновение не с отдельными рабочими, а *с рабочей массой*. Как только Гапону удалось привлечь в свои «отделы» широкие слои рабочих, так вместо «национального самосознания» рабочие стали заниматься своими экономическими нуждами. Путиловская забастовка, бывшая по свидетельству участника событий совершенной неожиданностью для петербургской социал-демократической организации [2]), дала возможность выступить гапоновскому обществу в роли профессиональной организации, как руководителю стачки. Она же послужила исходным пунктом революционных январских дней.

---

[1]) *И. Озеров.* Политика по раб. вопросу в России за посл. годы. Москва, 1906, стр. 239.

[2]) *С. Сомов.* Из истории социал-демокр. движения в Петербурге в 1905 г. „Былое“ IV, 1907, стр. 31.

ГЛАВА II.

Возникновение профессиональных союзов.

I.

Выступление петербургских рабочих 9 января и прокатившаяся за ним по всей России волна всеобщей забастовки, в знак сочувствия петербургскому пролетариату, пробили крупную брешь в «старом порядке». Старому режиму был нанесен первый серьезный удар; не была сломлена физическая сила, не были еще завоеваны новые формальные права, но уже был непоправимо подорван его моральный престиж; и, более того, старый режим сам чувствовал свое моральное банкротство, сам изверился в своих испытанных средствах борьбы и защиты. Вызванные этим колебания государственной власти дали возможность пробуждающимся общественным силам проводить в жизнь так наз. «явочный порядок» и осуществлять так называемое «захватное право», сыгравшие такую крупную роль в событиях 1905 года. Старый режим, как будто, еще существовал, старые законы еще не были отменены, но новая, молодая жизнь уже не считалась с ними, она прокладывала свои новые пути...

Рабочий класс, расшатавший своими героическими усилиями устои старого режима, первый пытается использовать плоды своих жертв. Январские забастовки,—этот грандиозный политический протест пролетариата всей России против петербургских зверств,—послужив исходным пунктом революционных событий 1905 года, явились вместе с тем поворотным пунктом в истории русского рабочего движения.

Разбуженные ружейными залпами 9 января, вовлеченные стихийно в политическую всеобщую забастовку,—часто непосредственным чувством возмущения безвинно пролитою кровью своих братьев и сестер,—широкие слои рабочей массы начинают просыпаться к сознательной жизни. Почти одновременное выступление с тождественною целью более полумиллиона рабочих [1]) во всех концах России не могло не внушить самой рабочей массе уважения к собственным силам, не могло не убедить их в огромном значении для собственных интересов планомерности выступлений, товарищеской солидарности и дисциплины.

---

[1]) *С. Прокопович*. К рабочему вопросу в России. Стр. 179.

Для вкоренения в рабочие массы сознания необходимости *организации* не остались бесследными и те организации, которые должны были служить для развращения рабочего класса. Полицейская подоплека зубатовских и гапоновских обществ, союзов Шаевича и др. была известна только верхним руководящим элементам, она действовала деморализующим образом поэтому только на них. *Рабочая же масса*, которая, как показала история этих обществ, определяла в конце концов их судьбу, видела в этих обществах только единственно доступную форму широкой и открытой организации для защиты своих интересов.

В смысле популяризации идеи организованности названные общества имели известное значение, и, против воли своих инициаторов и закулисных руководителей, сослужили своего рода службу рабочему движению.

После январских событий уже стоял вопрос не о том, что нужно организоваться, а о том, *как нужно организоваться?* Все больше и больше выяснялась невозможность для подпольных замкнутых организаций удовлетворить запросам разросшегося рабочего движения, все больше проявлялось несоответствие их с размахом рабочего движения. Рабочее движение требовало широких и открытых организаций. Однако, сопротивление старого режима еще не было настолько поборено, чтобы вывести из подполья политическую партию рабочих—социал-демократию. Процесс перехода из подполья, применение рабочими «явочного порядка» совершается поэтому по линии наименьшего сопротивления, в области экономической борьбы. В условиях полицейского режима, правда, уже расшатанного первыми ударами революции, рабочим удается положить начало первым в России, открытым и широким боевым организациям для руководства своей экономической борьбой—*профессиональным союзам.*

Эти новые для России формы организации экономической борьбы возникают раньше всего в столицах, где более сильный натиск рабочего движения давал возможность рабочим осуществить «захватное право», и где более высокий уровень культурности и сознательности рабочей массы давал возможность ей выделить из своей собственной среды достаточное число руководителей и тем обеспечить работоспособность новых организаций.

II.

В Петербурге первым складывается *союз рабочих печатного дела.* Его возникновение связано неразрывно с событиями 9 января [1]).

---

[1]) „Вот при каких обстоятельствах встретили типографские рабочие 1905 год с его 9 января, положившим начало профессиональному движению в России"— пишет один из организаторов союза, сам по профессии наборщик.—„С одной стороны, рабочие печатного дела в Петербурге были организованы в вспомогательные и похоронные кассы, имели орган „Наборщик" и музыкальный кружок: с другой стороны, типографщиками были организованы собрания в роде клубов во многих чайных в разных местах города. Учреждались они в тех местностях, где поблизости печаталось 2—3 и более газет. Наборщики ходили в „клуб", как

Типографии забастовали 7 января, а 8 января в «Собрании русских фабрично-заводских рабочих» на Пряжке был выработан тариф на типографские работы. 13 января собрание владельцев печатных заведений избрало комиссию из 15 человек для обсуждения тарифного вопроса, наборщики выбрали свою комиссию из 10 газетных и 12 книжных наборщиков. Выработанный последней комиссией тариф был отвергнут хозяевами. 3 февраля собрание выборных от типографий в числе 200 человек, приняв выработанный комиссией тариф, решило поддержать его общей забастовкой. Дальнейшие переговоры с хозяевами не привели ни к чему, несмотря на угрозу забастовкой. На собрании 26 февраля было решено забастовать.

С 26 февраля по 1 марта произошло несколько частичных забастовок во многих типографиях. Рабочие добились повышения расценок на всех газетах и во многих книжных типографиях. Все же забастовка носила неорганизованный характер. Она не поддержала выработанный наборщиками тариф; рабочие в каждой типографии требовали повышения заработной платы в том или другом размере.

В этой попытке провести тариф ярко сказалось отсутствие общей типографской организации, которая могла бы, об'единив возможно большее число рабочих, провести выработанные условия труда. На заседании 25 марта тарифная комиссия решает поэтому приступить к организации союза рабочих печатного дела.

На собрании 3 апреля после выяснения причин неудачи работ тарифной комиссии наборщик А. Тенс прочел по поручению последней доклад: «Организация типографских обществ за границей и у нас». Доклад произвел большое впечатление, и тут же были выбраны шесть человек для выработки устава союза рабочих печатного дела. В окончательной своей форме устав был принят на общем собрании 21 июня, а с 1 июля 1905 г. союз открыл свои действия. Хотя устав и посылается градоначальнику на утверждение, но союз начинает функционировать, не ожидая утверждения. На общем собрании 16 августа еще раздаются голоса, что «мы не имеем права принимать взносов, пока устав не утвержден» и т. п. Но то же общее собрание, происходившее в Соляном Городке в присутствии типографского инспектора, подтвердило прежнее постановление, считать союз существующим, уполномочило правление пранимать членские взносы. Правление находит себе постоянное помещение в квартире русского общества деятелей печатного дела на Звенигородской ул. и начинает развертывать свою деятельность.

они сами называли в шутку свои собрания, обедать и ужинать перед дежурством часов в 9—10 вечера. Здесь велись прения, собеседования, здесь зачастую уговаривались относительно уравнения платы за дежурства (ночную газетную работу), праздничных премий и т. д., здесь же можно было получить справку и попасть на работу. Эти-то клубы, по моему мнению, хотя им и не придавали большого значения сами наборщики, сыграли не малую роль в деле сплочения между собою газетных наборщиков... Если мы упомянем еще о нелегальной типографской организации, то получим полное представление о тех начатках организации, из которых впоследствии вырос союз рабочих печатного дела". (*Петр Северянин.* Союз рабочих печатного дела. Без заглавия. Спб. 1906, № 14. Стр. 54—55).

Пред ним стояло несколько крупных задач: популяризировать идею союза, укрепить его организационно и подготовить борьбу за тариф и воскресный отдых. Громадную подмогу во всех отношениях оказало учреждение, носившее название «районного собрания», но бывшее, в сущности, собранием наиболее деятельных и сознательных членов союза. Эти собрания происходили каждое воскресенье в количестве от 100 до 150 человек и сыграли громадную роль в развитии союза. Все начинания и решения правления подвергались обсуждению на «районном собрании». Здесь же был поставлен на очередь вопрос об институте выборных от печатных заведений, через посредство которых правление сносится с членами союза, работающими в данном печатном заведении. Институт выборных был затем проведен в жизнь, и их собрание заменило прежние «районные» собрания.

Приблизительно одновремено с возникновением союза рабочих печатного дела зарождается в Петербурге второй профессиональный союз—*союз конторщиков и бухгалтеров.* Как по способу своего возникновения, так и по содержанию своей деятельности, по крайней мере в первый период, этот союз во многом отличается от первого союза. В конце января 1905 г. конторщик Е. А. Соловьев поместил в «Руси» открытое письмо к конторщикам и счетоводам торгово-промышленных учреждений.

В своем письме Соловьев, исходя из опубликованного примерного устава общества взаимной помощи, утвержденного министром внутренних дел, указывая на «непреодолимую потребность в обмене мыслей», на то, «что у нас, конторщиков и счетоводов, несмотря на наш обширный контингент,—все еще нет своего собрания, в котором бы представители нашей профессии могли в часы досуга собираться для обсуждения своих нужд и потребностей», предлагал сочувствующим идее «союза с.-петербургских конторщиков и счетоводов» обсудить этот вопрос и «затем приступить к выработке программы союза».

Письмо Соловьева упало на благодарную почву, и 27 февраля 1905 г. состоялось первое организационное собрание делегатов союза конторщиков и бухгалтеров. На этом первом собрании присутствовали 64 делегата от конторщиков разных фирм и учреждений Петербурга. После ряда подготовительных собраний 6 июля на собрании, в котором присутствовали 156 делегатов, имевших в сложности полномочия от $2^1/_2$ тысяч членов, было постановлено: об'явить собрание учредительным, а союз конторщиков и бухгалтеров функционирующим и избрать совет из 25 членов. Выборы членов совета были тут же произведены.

Еще до оформления союза у руководителей его ясно обнаружилась довольно большая путаница в представлении о задачах нарождающегося профессионального союза конторщиков и бухгалтеров. С одной стороны, они уступали запросам массы конторщиков и выдвигали, как задачу союза, экономическую борьбу с хозяевами, с другой же стороны, они, увлеченные существовавшей тогда эпидемией организации интеллигентных «профессиональных» союзов, стремятся

превратить профессиональный союз в *политическую организацию конторщиков и бухгалтеров*. Они посылают своих делегатов на с'езд «союза союзов», бывший в Москве 8—9 мая; принимают затем на делегатском собрании (26 мая) проект устава, выработанный на с'езде, и вступают в организацию «союза союзов». Устав же этот гласил, что «союз союзов есть орган, об'единяющий на федеративных началах автономные всероссийские союзы, ведущие *борьбу за политическое освобождение России на началах демократизма*, и ставящий себе целью... выполнение тех действий, которые союзы признают служащими для достижения их общей политической задачи».

Формулировка задачи «союза союзов» не давала места никаким сомнениям в том, что эта организация не имеет ничего общего с профессиональными пролетарскими союзами, ставящими себе задачей борьбу с капиталистами за общее улучшение условий труда лиц данной профессии. Союз конторщиков и бухгалтеров хотел, однако, быть и тем и другим. Эта попытка привела к печальным результатам. Широкая, но малосознательная масса конторщиков не вовлекалась союзом в русло политической борьбы, с другой стороны, отсутствие у руководителей союза интереса к запросам экономической борьбы не могло привлечь в союз массы конторщиков. Союз не жил, а прозябал. «Занимались почти исключительно «политикой», т.-е. разгозорами о политике, резолюциями, записками (так совет, довольно долго вырабатывал записку на имя земцев-конституционалистов, которую те, конечно, и не читали» [1]).

На ряду с этими, открыто существовавшими профессиональными союзами: рабочих печатного дела и конторщиков и бухгалтеров, приблизительно в то же время начинают функционировать полулегально два других профессиональных союза: *союз приказчиков и союз фармацевтов*.

Оба они были организованы на одинаковых началах и представляли из себя в первый период своего существования сеть кружков. В марте—апреле 1905 г. у небольшой группы приказчиков зародилась мысль организовать союз для защиты своих правовых и профессиональных интересов. Целым рядом статей в периодических изданиях эта группа инициаторов призывала приказчиков к совместной деятельности. Необходимость такого об'единения в союз, очевидно, уже настолько проникла в сознание приказчичьей массы, что, несмотря на все затруднения, в течение короткого промежутка времени удалось сорганизовать около 2.000 человек.

Сознавая невозможность полного осуществления задач союза при существующем положении приказчика и продолжительности его рабочего дня, организационное бюро решило принять меры к скорейшему устранению этих причин, и совместно с кружками выработало петицию, в которой выставило самые насущные требования приказчиков. Один экземпляр петиции был подан в городскую думу, другой

---

[1]) См. „Конторщик", № 7, 1906.

в купеческую управу, чтобы «призвать хозяев пойти приказчикам навстречу к совместному соглашению по урегулированию рабочего дня».[1])

После ряда хотя частью и неудачных, забастовок приказчиков, ряда поданных хозяевам требований от об'единенных групп приказчиков, дрогистов, колбасников, булочников и др. удалось осуществить и отстоять полный праздничный и воскресный отдых, а также частично нормировать рабочий день.

Не всем союзам удалось в этот период добиться даже тех минимальных прав открытого существования, которое завоевали себе перечисленные выше союзы. Ремесленники, среди которых после 9 января проявилось сильное стремление к организации, не могли благодаря многим обстоятельствам вывести свои союзы из подполья вплоть до самых дней «свободы». Помимо обычных препятствий, ремесленникам пришлось считаться еще и со специфическою организованностью хозяев. Ремесленные управы, предназначенные законом для охраны ремесла и ремесленников, превратились в организации хозяев-мастеров. Первые же попытки ремесленников подмастерьев сплотиться для защиты своих интересов встретили в ремесленной управе сильный отпор и вызвали административные преследования.

24 мая 1905 г. было созвано первое тайное собрание *подмастерьев и приказчиков часового ремесла.* После ряда речей, выяснявших экономическое положение собравшихся, эксплоатацию хозяев и необходимость для борьбы с нею организации, собрание тут же решило организовать союз. Было выбрано временное бюро из 4 лиц, которому было поручено выработать устав и основать фонд. С первых же своих шагов временное бюро наталкивается при организации союза на непреодолимые препятствия. Не было возможности созвать общее собрание. Полиция не разрешала его, отсылая организаторов в ремесленную управу. Ремесленная же управа, т.-е. хозяева, отказывала в разрешении, ссылаясь на полицию. Пришлось устраивать снова тайные собрания, на которых разрешаются технически организационные вопросы, и постепенно сплачивается ядро союза.

Такую же судьбу испытали и два других союза, возникших в первой половине 1905 года: *союз рабочих портных, портних и скорняков и союз рабочих сапожного и башмачного дела.* Как и союзу часовщиков, им пришлось до самых октябрьских дней влачить подпольное существование.

III.

В *Москве* возникновение профессиональных союзов относится, как и в Петербурге, к весне 1905 года. И здесь, как и в Петербурге, на первом месте стоит профессиональный союз рабочих печатного дела. С 1903 г. в Москве существовал нелегальный профессиональный союз, носивший название: «союз московских типо-литографских рабочих для борьбы за улучшение условий труда». Возникший в непосред-

---

[1]) „Конторщик", № 1, 1906, стр. 4.

ственной связи с известной стачкой московских типографских рабочих в сентябре 1903 г., этот союз сначала выставлял исключительно экономическую программу, затем принял программу Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии, и, наконец, вступил в нее, как организованная единица. При нелегальных условиях существования союз не мог, конечно, иметь большое число членов, и его состав ограничивался лишь наиболее сознательными и передовыми рабочими. Формальное присоединение к Соц.-Дем. Партии еще больше ограничило круг его членов. Поэтому особенно крупного влияния в жизни типографских рабочих он не имел, оно сказывалось, главным образом, во время всякого рода движений среди последних. Вызванная принадлежностью к политической партии обособленность союза московских типо-литографских рабочих заставила его отказаться летом 1905 года от предложения превратиться в филиальное отделение петербургского союза рабочих печатного дела. Это отделение было все-таки открыто немного позже под именем фонда содействия рабочим печатного дела. Параллельное существование двух профессиональных союзов не могло не отражаться вредно на деятельности обоих. Нелегальный «союз московских типо-литографских рабочих» не мог развернуть широко свою деятельность, благодаря своей замкнутости. Открыто же существовавший «Фонд содействия рабочим печатного дела», «не пользовался влиянием в значительной степени, вероятно, потому, что лучшие силы шли в нелегальный союз» [1]).

Слабость обоих названных организаций наглядно проявилась во время известной сентябрьской (1905 г.) забастовки московских типо-литографских рабочих, о которой мы будем говорить еще ниже. Охватив около 6.000 рабочих, эта забастовка на месте двух бессильных союзов создала могущественный и влиятельный совет типо-литографских рабочих, из которого позже возник московский союз рабочих печатного дела.

Весною же 1905 года в Москве делается попытка образовать союз приказчиков, по преимуществу, торгующих с'естными припасами (в союз входили и мануфактуристы). Весеннее движение среди московских приказчиков в пользу раннего закрытия лавок и воскресного отдыха толкнуло их на мысль образовать союз для достижения этих целей. Сразу возникло несколько инициативных групп (молочники, мануфактуристы, торгующие лесным товаром, в писчебумажных магазинах и т. д.). Одна из них, убив на выработку уставов несколько месяцев, распалась. Другая оказалась более счастливой. При содействии московской группы Р. С.-Д. Р. Партии она в июне положила начало союзу торгово-промышленных служащих. Однако, этот союз сделал ту же ошибку, результаты которой мы видели уже у типографских рабочих. Приняв целиком всю программу-минимум с.-д. партии, он заранее ограничил круг своих членов. Приняв в свой состав до 300 наиболее сознательных приказчиков, союз застыл в своем росте. Широкие массы отпугивала от него его политическая программа,

---

[1]) *К. Дмитриев.* Профессиональные союзы в Москве. Стр. 4.

как это подтвердилось при переговорах с другими инициативными группами.

Среди булочников союз возник, как непосредственный результат их весенней стачки. Он был организован при ближайшем содействии московского комитета с.-д. партии (большевиков), и сразу принял партийную физиономию. Ему удалось сплотить около себя небольшое, но очень активное ядро булочников, которое впоследствии легло в основу их широкого профессионального союза.

Летом 1905 года местная группа (меньшевиков) с.-д. партии делает еще попытки образования союзов среди ткачей, столяров, но неудачно [1]).

Ниже мы еще подробнее остановимся на различных способах возникновения профессиональных союзов, пока же только отметим, что в то время, как в Петербурге профессиональные союзы создаются вне всякого участия социал-демократической *организации* и, в лучшем случае, при содействии отдельных социал-демократов, в Москве союзы организуются под непосредственным влиянием местных социал-демократических организаций. Благодаря этому обстоятельству, профессиональные союзы в Петербурге принимают с самого своего зарождения партийно-нейтральный характер, ведут самостоятельное существование и избегают в своей среде разлагающих фракционных разногласий. В Москве же союзы при своем возпикновении принимают не только партийный, но даже и фракционный характер. Они освобождаются от него только осенью 1905 года, когда, столкнувшись с широким массовым движением, они в интересах сохранения своего влияния должны были открыть доступ всем рабочим данной профессии и освободиться от организационной зависимости от партии, т.-е. стать партийно-нейтральными союзами.

Из провинциальных городов мы можем отметить только *Харьков*, где профессиональное движение делает попытки выйти из подполья еще до дней «свободы». С 1898 г. в Харькове существовало легальное «Общество взаимопомощи лицам, занимающимся ремесленным трудом». Обладая сравнительно широким уставом, оно выгодно отличалось от других подобных обществ своею полною независимостью от каких бы то ни было посторонних рабочему движению влияний. Во главе общества стояла группа рабочих, связанных идейно, хотя, может быть, и узкими взглядами, но глубоко преданных рабочему движению.

Взгляды русской социал-демократии того времени на легальные организации вообще не только, к сожалению, помешали местной социал-демократической организации найти почву для совместной работы, но даже создали взаимно-враждебное настроение. Между тем, названное общество пользовалось не малым влиянием среди харьковских рабочих. По образцу этого общества, обслуживавшего, главным образом, механических рабочих, образовались общества: портных, табачников, позже—строительных рабочих. Несмотря на свою легальность и бдительный надзор администрации, харьковское общество

---

[1]) *К. Дмитриев.* Профессиональные союзы в Москве, стр. 5.

механических рабочих не могло устоять под напором жизни. В 1900 г., как мы указывали выше (I гл.), оно оказывает, под видом пособия безработным, помощь сосланным и арестованным за известную политическую демонстрацию харьковских рабочих. В 1904 году в обществе было 1300 членов, к этому времени общество уже окончательно сформировалось в прочную организацию, выдвинуло из своей среды умелых руководителей, поставивших себе определенную цель: развить деятельность общества не только в области взаимопомощи в узком смысле, но и принять на себя задачу бороться за улучшение условий труда механических рабочих и содействовать таковому улучшению для всех рабочих вообще. Признание необходимости развития профессионального движения в России по образцам, которые дает опыт культурных стран, побудило общество выдвинуть вопрос о созыве всероссийского с'езда представителей профессиональных обществ рабочих [1]).

Январские дни не прошли, конечно, бесследно и для харьковского общества механических рабочих. Оно решило делать теперь открыто то, что раньше оно делало только тайно. Общее собрание общества ассигнует суммы в несколько сот рублей для помощи семьям товарищей, убитых на улицах Петербурга, Риги, Варшавы, Лодзи. Во время летней забастовки механических рабочих в Харькове общество отчисляет 500 рублей в пользу бастующих - не членов общества (члены общества получают помощь согласно устава, как безработные) и об'являет бойкот всем изменившим товарищеским постановлениям. При содействии того же общества летом 1905 г. открывается в Харьхове автономное отделение петербургского союза рабочих печатного дела.

IV.

Широкое развитие профессионального движения в России начинается только со времени осенних событий 1905 года, в которых возникшие до того профессиональные организации сыграли немоловажную роль.

Прологом к октябрьским дням послужило движение среди московских рабочих во второй половине сентября. Началось оно среди типографских рабочих, в частности, печатного заведения Сытина. Забастовка 1,100 сытинских рабочих из за неудовлетворенных администрацией типографии экономических требований послужила поводом ко всеобщей типографской забастовке в Москве. Для руководства стачкой возник при деятельном участии нелегального социал-демократического типографского союза, о котором мы говорили выше, *совет депутатов типографских рабочих*. Все решения, касавшиеся забастовки, постановлялись только им, и все отдельные типографии обязывались беспрекословно подчиняться его решениям. Совет вырабатывал общие требования через свой исполнительный орган (15 чел. из 300), вел переговоры с хозяевами и разными учреждениями, заведывал стачечным

---

[1]) Професс. движение в Харькове. Вторая конференция проф. союзов. Спб. 1906, стр. 61.

фондом и т. д.[1]). В последовавшие непосредственно за забастовкой дни свободы совет типографских депутатов превращается в открытый профессиональный союз московских типографских рабочих.

Забастовка типографских рабочих повлекла за собою, с одной стороны, целый ряд уличных политических демонстраций и кровавых столкновений с полицией и войсками, с другой стороны, вызвала забастовочное движение среди рабочих других профессий. 25 сентября забастовали рабочие-булочники в булочной Филиппова, и в тот же день последовал настолько же жестокий, насколько и нелепый расстрел булочной Филлипова и избиение рабочих [2]). Поведение полиции и войск только обострило движение московских рабочих, и подготовило то боевое настроение рабочей массы и всего общества, которое было необходимо для назревавшей уже в то время забастовки московского железнодорожного узла. Она не долго заставила себя ждать. 7 октября забастовали—первыми—машинисты Московско-Казанской жел. дороги.

Движеиие среди московских рабочих не могло остаться без отклика в Петербурге. Уже не говоря про географическую близость, про существовавшую издавна и неоднократно проявлявшуюся моральную солидарность петербургских и московских рабочих, поддерживаемую деятельностью социал-демократических организаций, с лета 1905 года установилось между рабочими Петербурга и Москвы и более тесное организационное общение. Делегат, ездивший по поручению совещания петербургских профессиональных союзов в Харьков (о нем мы будем говорить ниже), останавливался в Москве, вел переговоры с представителями тамошних профессиональных организаций, в том числе и с союзом типографских рабочих. Эта поездка положила фундамент будущего прочного общения профессиональных союзов Москвы и Петербурга.

1-го октября в Петербург приезжает делегат из Москвы от совета депутатов типографских рабочих. Созванное по этому случаю союзом рабочих печатного дела общее собрание членов привлекло более трех тысяч человек. Собрание встретило очень сочувственно доклад делегата о московских событиях и единогласно приняло предложение своего бюро: оказать денежную помощь московским товарищам и для моральной поддержки их требований *об'явить на три дня забастовку-демонстрацию.*

Это решение имело историческое значение как для самого союза рабочих печатного дела, так и для дальнейшего хода революционных событий. Блестяще, по солидарности выступления, проведенная стачка произвела неизгладимое впечатление на всю массу типографских рабочих, она подняла их нравственно в собственных глазах, показала наглядно, что такое солидарность и товарищеская дисциплина и подготовила их к предстоящим боям. Имя союза рабочих печатного дела приобретает с этого момента широкую популярность не только среди

---

[1]) *К. Дмитриев.* Професс. союзы в Москве. 1906. Стр. 11.

[2]) См. заявление администрации по делам Д. Филиппова фабричному инспектору. „*Право*", 1905, № 40, стр. 3360.

типографских рабочих, но и вообще в Петербурге. За две недели число членов союза возросло в 3 раза. [1]).

Не менее важное значение имела трехдневная забастовка типографских рабочих и для общего хода революционных событий. Она перебросила стачечную волну из Москвы в Петербург и наглядно демонстрировала перед широкими массами рабочих всю нравственную мощь и величие организованной забастовки не из-за своих экономических интересов, а для поддержки своих товарищей. Забастовка из за солидарности была только первым шагом, вторым должна была быть политическая забастовка. Типографская забастовка в революционной атмосфере, созданной собраниями и митингами в высших учебных заведениях, явилась прелюдией к октябрьской всеобщей политической забастовке.

Мы не можем здесь следить за развитием революционных событий осени 1905 г., за деятельностью Советов Рабочих Депутатов и той ролью, которую пришлось сыграть в их деятельности профессиональным союзам, сложившимся уже до октябрьских дней, особенно в Петербурге и Москве [2]). Достаточно будет сказать, что если профессиональные союзы, возникшие в первый период, отдавали в октябрьские и ноябрьские дни все свои силы на борьбу за политическое освобождение России, то «захваченные» и завоеванные свободы не только дали возможность уже существующим союзам развить и укрепить свое существование, но и явились эпохой в развитии профессионального движения в России.

Уже в период митингов, когда в приотворенные университетской «автономией» двери высших учебных заведений широко хлынула рабочая масса, жаждавшая услышать свободное слово, рядом с боевыми политическими лозунгами раздался широкий призыв организоваться для борьбы с капиталистическою эксплоатацией в профессиональные союзы. Особенно широко прозвучал этот призыв, когда завоеванные октябрьской забастовкой свободы дали возможность открыто собираться и свободно говорить не только рабочим крупных университетских городов, но всему российскому пролетариату. В изголодавшейся, измученной, десятки лет эксплоатируемой рабочей массе призывы к борьбе с капиталистами за улучшение условий труда, призывы к профессиональной организации находили звучный отклик. Затаенные и лелеяные годами мечты о лучшей жизни начинали как будто осуществляться; к ней указывался, по крайней мере, выход—сплочение и единение эксплоатируемых в профессиональные организации для борьбы с эксплоататорами. Рабочая масса хваталась за эту мысль, как утопающий за соломинку. Еще не понятые и не осмысленные профессиональные союзы становятся все более и более популярной формой организации. От Петербурга до Тифлиса и от Варшавы до

---

[1]) В июле вступили в союз 223 члена, в августе 211 чл., в сентябре 182 чл., в октябре 1.084 чл., в ноябре 1.810. „*Печатный Вестник*“, 1905, № 5, стр. 13.

[2]) Подробности относительно роли петербургских союзов см. *В. Гриневич*. Очерк развития профессионального движения в С.-Петербурге. „Образование“. 1906, № 9.

Владивостока по всем углам России разливается стихийная волна профессионального об'единения рабочих для борьбы с предпринимателями [1]).

Завоеванные и неограниченно осуществляемые в течение двух месяцев гражданские свободы вызвали глубокий процесс брожения в рабочей массе. После долгих лет беспросветного существования, жестокой и безнадежной борьбы пред ней открылось, наконец, широкое поле свободного и самостоятельного строительства. Конечно, различные элементы рабочего класса в силу различия их экономического положения и культурного уровня, в силу различия их сознательности различно претворяли открывшуюся возможность свободной самодеятельности. Если одних она толкала расширить рамки своих организаций, другим давала возможность оформить их и вывести из подполья, то третьих,—а таких было огромное большинство—она вообще впервые пробуждала к сознательной жизни, стихийно подымала на борьбу с предпринимателями и в процессе этой борьбы сплачивала их в организации. Соответственно этим различиям, можно проследить различные типы возникновения профессиональных союзов.

Революционный под'ем произвел глубокое впечатление и на те элементы рабочего класса, которые находили себе поле деятельности в дореволюционный период в легальных обществах взаимопощи. В целом ряде городов эти общества, с одной стороны, расширяют круг своих членов, с другой стороны, выдвигают на первый план экономическую борьбу и, стремясь взять руководство ею в свои руки, превращаются в профессиональные союзы, как напр., Харьковское общество взаимопомощи лицам, занимающимся ремесленным трудом, Екатеринославское общество тружеников печатного дела, общество взаимопомощи официантов в Москве и др. [2]). Конечно, они в общей массе обществ взаимопомощи составляли незначительную часть. Многие общества взаимопомощи—особенно приказчиков—были отягчены круп-

---

[1]) В *Петербурге*—за $1^1/_2$ месяца до декабрьского запрещения собраний мы насчитали около 82 общих собраний профессиональных союзов. В это время насчитывалось в Петербурге, уже 44 профессиональных союза. В *Москве* „за два месяца не осталось, кажется, ни одной профессии, где бы не совершался... процесс первичных образований союзной деятельности, и только разразившиеся декабрьские события внесли задержку в наступательный ход движения. К декабрю в Москве насчитывалось более 50 профессиональных союзов, с количеством записавшихся членов до двадцати пяти тысяч". В *Одессе* „в октябрьские дни профессиональные союзы вырастают, как грибы. Ежедневно во всех залах университета и других местах происходят общие собрания различных союзов, избираются уставные комиссии, утверждаются выработанные уставы и т. д.". В *Нижнем Новгороде* „манифест 17 октября безусловно дал сильный толчок пролетариату к его объединению... Быстро, один за другим начали расти профессиональные союзы". „Во время фактической свободы, в городах северного района—*Ярославле, Костроме, Рыбинске*—профессиональное движение рабочих выразилось заметными успехами". В *Варшаве* в „конституционные дни"... „началось лихорадочное устройство профессиональных союзов". („Вторая конференция профессиональных союзов". Спб., 1906 г. Доклады. Стр. 46, 77, 86, 96, 101). „Дни свободы и на екатеринославских рабочих отразились небывалым подъемом самодеятельности. Началась спешная мобилизация рабочих сил в профессиональные союзы" („*Вестник Труда*", № 2, 1906 г. Екатеринослав).

[2]) „*Вестник Труда*". 1906 г., № 2. Екатеринослав. *К. Дмитриев.* Проф. союзы в Москве, Спб., 1906 г., стр. 8.

ными капиталами, которыми члены обществ боялись рисковать при перемене физиономии обществ, на многих обществах лежала еще каинова печать зубатовщины [1]).

Гораздо более серьезную роль в возникновении профессиональных союзов сыграли образовавшиеся под влиянием январских и февральских забастовок 1905 года первичные профессиональные об'единения рабочих через свободно избранных ими депутатов: *советы депутатов в Москве, комиссия уполномоченных в Харькове, заводские комиссии в Баку* и т. п. Выборные, депутаты, уполномоченные, в Петербурге старосты должны были быть представителями рабочих во всех их отношениях с администрацией, и в то же время депутаты являлись лишь выразителями коллективной воли рабочих данного предприятия, ответственными за все свои действия пред их общими собраниями. Вполне естественно, что эти советы депутатов и комиссии уполномоченных должны были взять на себя очень скоро защиту интересов труда в данном производстве в полном ее об'еме [2]). Дальнейшим шагом является об'единение депутатов одной профессии в общий совет. Как в Москве, так и Харькове, где эти первичные профессиональные об'единения играли крупную роль при зарождении профессионального движения, образование таких общих советов и комиссий происходит осенью 1905 года, когда они уже выступают в роли руководителей стачек (типографщики, столяры, ленточники, табачники в Москве, механические рабочие, мельничные рабочие, табачники в Харькове). Эти-то об'единенные по профессиям советы депутатов, комиссии уполномоченных во многих случаях послужили зародышами будущих союзов. Так возникли в Москве союзы типографских рабочих, ленточников, табачников, столяров, развесочников чая, кондитеров, ткачей, игрушечников и т. д. [3]).

В тех производствах и в тех городах, где не существовало вышеописанного института выборных депутатов, профессиональные союзы возникли через посредство групп инициаторов. Мы уже выше указывали, как возникли, таким образом, в Петербурге союзы приказчиков, конторщиков, портных, сапожников, часовщиков и т. д. Громадное большинство союзов в Петербурге и в других городах возникли через посредство групп инициаторов. Группа более сознательных рабочих обыкновенно заранее вырабатывала устав союза и затем, созвав собрание рабочих данной профессии, после выяснения целей и задач союза, предлагала устав на утверждение. В громадном большинстве случаев устав утверждался без изменений, тут же выби-

---

[1]) Насколько призраки зубатовщины были еще страшны, особенно в Москве, показывает резолюция, принятая на собрании 800 кондитеров 6 ноября 1905 г. в Москве: „начавшееся профессиональное движение вообще, кондитеров в частности, должно быть ограждено от вторжения агентов зубатовщины. Возникающий профессиональный союз кондитеров ничего не имеет общего со старым зубатовским союзом". „*Начало*", № 5, 1905 г.

[2]) См. „*Союз*", 1906 г., № 2, Харьков, а также и *Первая конференция проф. союзов раб. по металлу*, стр. 25.

[3]) См. *Вторая конференция проф. союзов*, стр. 63; *К. Дмитриев.* Проф. союзы в Москве, стр. 13; „*Союз*", № 2, 1906 г., Харьков.

ралось правление союза, куда попадали обыкновенно члены группы инициаторов, и союз начинал свое существование.

Во многих случаях профессиональные союзы возникли непосредственно в процессе борьбы рабочих данной профессии с предпринимателями. Иногда рабочие, собираясь для обсуждения и выработки требований, тут же решали организовать союз, иногда, обратно, общими собраниями при организации союза пользовались для того, чтобы выработать и пред'явить предпринимателям свои экономические требования. Чаще уже по ликвидации стачки рабочие учреждали профессиональный союз. Так возникли в Петербурге первый проф. союз—союз рабочих печатного дела, а осенью союзы портово-кораблестроительных рабочих, рабочих мебельно-обойного дела, рабочих золото-серебряного производства, официантов и др., в Москве союз табачников, столяров, в Одессе союзы рабочих пробочного производства, союз пивоваров, рабочих по производству обоев, регистрация судовых команд черноморского торгового флота и т. д. [1]).

Изолированно по способу своего возникновения стоят профессиональные союзы еврейских рабочих в Северо-западном крае и Польше. Они вырастали непосредственно из партийной нелегальной организации Бунда. Характерной особенностью еврейской социал-демократии—Бунда—было то, что, возникший из организаций, руководивших экономической борьбой, она ни в один период своей деятельности—не исключая самых жгучих моментов политической борьбы—не выпускала из своих рук руководства экономической борьбой еврейского пролетариата. Завоеванные осенью 1905 года гражданские свободы дали Бунду только «возможность отделения политической организации от профессиональной и освобождения первой от руководства экономической борьбой» [2]). Следующее описание характеризует способ возникновения бундовских профессиональных союзов: «основаны они все по инициативе бундовской организации: наши политические сходки [3]) созывали известных им рабочих какой-либо профессии на учредительное собрание, собрание это выбирало организационную комиссию для выработки устава, который потом обсуждался и принимался на следующем учредительном собрании. В некоторых профессиях политическая сходка сама вырабатывала устав и вносила его на обсуждение учредительного собрания... Все союзы партийные. В уставе их отмечено, что они стоят на почве классовой борьбы и признают руководство Бунда в своей профессиональной борьбе; по уставу некоторых союзов от членов требуется еще признание политической борьбы в форме парламентаризма. Это требование выставлено в виду

---

[1]) См. *В. Гриневич.* Очерк разв. проф. дв. в Петербурге. *„Образование"*, № 9, *К. Дмитриев. Проф.* союзы в Москве, стр. 18. *„Рабочий союз"*, № 3, Москва, 1906 г.

[2]) *Вторая конференция проф. союзов*, стр. 101.

[3]) „Политическая сходка" есть название одной из партийных ячеек местной бундовской организации. Она выбиралась рабочими данного цеха, принадлежащими к организации, и руководила как политической, так и экономической борьбой данного цеха. Выборные „политических сходок" составляли руководящий коллектив, который, в свою очередь, из своей среды избирал местный комитет Бунда. В. Г.

имеющихся у нас анархистов, агитирующих против политической борьбы. Союзы автономны и самостоятельны в своих делах. В бюро каждого союза входит представитель местной бундовской организации, которому принадлежат право вето (право вето не распространяется на наличный состав бюро и применяется только в случае отклонения союзов от принципов классовой борьбы в сторону цехового профессионализма); кроме того, союзы отчисляют 25% из своих доходов (в иных 20%) в пользу организации Бунда» [1]).

При всем разнообразии форм возникновения профессиональных союзов профессиональное движение в России характеризуется с первых же шагов единством целей и задач, которые оно себе ставит. С самого своего возникновения профессиональные союзы в России самоопределяются как боевые организации пролетариата для борьбы против эксплоатации труда. Два момента играли здесь решающую роль. Профессиональные союзы возникли в России в эпоху революции, отвечая давно назревшей потребности в организации для экономической борьбы, и потому, естественно, должны были отразить в себе боевой характер эпохи. Кроме того, профессиональные союзы выступают как самостоятельные организации уже после того, как социал-демократия действовала в России более 10 лет, и ее идеи господствовали в рабочем классе. Идейная гегемония социал-демократии обеспечила нашему профессиональному движению безусловно классовый характер, с первых же шагов ему чужды утопии о гармонии интересов капиталистов и рабочих. Признав непримиримость классовых интересов эксплоатируемых и эксплоататоров, профессиональное движение в России определило, как основную задачу профессиональных союзов: *борьбу за улучшение общих условий труда, как лучшее средство борьбы—стачку.* В силу этого союз должен стремиться, с одной стороны, об'единить возможно более широкую массу рабочих, для чего доступ в союзы должен быть сильно облегчен, и, с другой стороны, главные средства союз должен накоплять в стачечный фонд, а все другие виды пособий подчинять боевым целям союзов.

Эти основные положения общи для преобладающего большинства профессиональных союзов в России. В кажущемся противоречии с высказанным находятся уставы союзов, принятые даже в эпоху неограниченных свобод [2]). Действительно, многие из них походили на уставы «жалких обществ взаимопомощи». Но, как мы указывали уже на это в другом месте [3]), в тот период возникновения профессионального движения уставы не являлись действительной программой, нормирующей деятельность союзов: они были ярлыком, так или иначе оформлявшим организационное ядро союза. И если руководители профессионального движения не имели часто времени заняться выработкой нормального устава, если у многих из них нехватало для этого достаточного умения, опыта и знания, то в глазах рабочей массы

---

[1]) Бундовские профессиональные союзы в Вильне. *Вторая конференция проф. союзов*, стр. 109.

[2]) О типе теперешних уставов мы будем говорить ниже, в гл. IV.

[3]) *В. Гриневич.* Очерк разв. проф. движ. в Петерб. „*Образ.*“, № 9, 1906 г.

устав являлся в тот момент ненужною формальностью (такие голоса очень часто раздавались на собраниях), и сознательного отношения к нему не могло быть. Вот почему, если, с одной стороны, и принимались уставы «жалких обществ взаимопомощи» [1]), то, с другой стороны, принимались уставы, в которых, как цели союзов, выставлялось: «добиваться Учредительного Собрания», или «требовать отдачи всей земли в уравнительное пользование крестян» (Устав союза рабочих и служ. осветит. предприятий) или «борьба с произволом, усмотрением, кумовством, взятотничеством, тунеядством и т. д.». (Устав союза служащих и рабочих С.-Пет.-Варш. ж. д.).

В заключение мы должны остановиться на явлении, характерном для развития профессионального движения в России и отмечавшемся уже в русской профессиональной печати. В самую горячую эпоху возникновения профессиональных союзов—в октябре и ноябре 1905 г.—организуются раньше всего рабочие наиболее отсталых производств, те элементы, которые раньше не принимали никакого участия в рабочем движении: приказчики, ремесленники, булочники, садовники, официанты, извозчики и т. д. и т. д. Союзы фабрично-заводских рабочих возникают в это время сравнительно редко. Союзы рабочих по металлу возникают в Петербурге и Москве только весною 1906 г.[2]). Некоторые пытались об'яснить это явление тем, что фабрично-заводские рабочие, как более сознательные, не желали в революционную эпоху создавать экономические организации, «принижающие размах революционного движения».

В действительности же оно об'ясняется тем, что политическая забастовка и все связанные с нею события октября, ноября и декабря 1905 г. пали своею главною тяжестью на фабрично-заводских рабочих. Их передовые сознательные элементы играли руководящую роль в Советах Рабочих Депутатов, на них же обрушились, главным образом, правительственные репрессии; вполне понятно, поэтому, что они не имели возможности посвятить свое время организации союзов. К тому же организованное закрытие целого ряда заводов и фабрик, в ответ на попытку революционного проведения восьмичасового рабочего дня, создало безработицу, совершенно неблагоприятствующую созданию экономических организаций. Нужно еще прибавить, что именно фабрично-заводские элементы рабочих имели все-таки, хотя и первичные, об'единения для руководства экокомической борьбой в форме заводских комиссий, советов депутатов и т. д. Часто эти учреждения являлись даже конкурирующими с возникавшими новыми формами профессиональной организации [3]).

Поэтому союзы фабрично-заводских рабочих возникают по преимуществу весною 1906 г., после того, как рабочий класс начинает

---

[1]) Уставы этого типа обыкновенно списывались с устава союза рабочих печатного дела, который был выработан летом 1905 г., в соответствии с условиями его полулегального существования.

[2]) О попытке организовать союз раб. по металлу в Петербурге еще до октябрьских дней см. мой „Очерк разв. пр. дв. в Петербурге“ „*Обр.*“, № 8, 1906.

[3]) См. *Первая конференция проф. союзов рабочих по металлу*. Стр. 33—35.

оправляться от тех неслыханных репрессий, которые ему пришлось перенести от декабрьской реакции. Та же волна реакции смела окончательно массу профессиональных союзов, возникших среди тех элементов трудящихся, которые, как по своему культурному уровню, так и по условиям производственных отношений, не были совершенно приспособлены к организации: как официанты, дворники, наемная прислуга, повара, извозчики и т. д. Вынесенные наверх революционной волной, они исчезли с поверхности рабочего движения вместе с падением ее.

ГЛАВА III.

Местные об'единения профессиональных союзов.

I.

Различие условий труда и условий производства в различных отраслях труда заставляет рабочих в борьбе с предпринимателями за общее улучшение их экономического положения об'единяться в боевые союзы по производствам и профессиям. Тем не менее все союзы отдельных производств и профессий связаны друг с другом целою сетью взаимно-переплетающихся интересов.

Не говоря уже о том, что полная политическая свобода является для всех профессиональных союзов необходимым условием для планомерного развития их деятельности и что поэтому содействие поднятию умственного, нравственного и культурного уровня и классового сознания рабочих есть их общая задача,—интересы отдельных союзов взаимно связаны даже в их непосредственной профессиональной борьбе. Условия труда в одной какой-либо профессии находятся несомненно в зависимости от условий труда в других профессиях, т.-е. следовательно, между прочим, и от организованности рабочих в этих профессиях; поэтому, профессиональные союзы заинтересованы в большей сознательности и организованности массы рабочих не только своей, но и других профессий.

Кроме того, закрепление за рабочими их завоеваний в форме социального законодательства невозможно без сильных профессиональных организаций, по крайней мере, в наиболее крупных отраслях труда.

Эта общность интересов является источником той солидарности профессиональных организаций, которую мы наблюдаем во всех странах Западной Европы и Америки.

Конкретно эта солидарность выражается в создании национальных и местных об'единений союзов различных профессий, как в целях агитации за профессиональное об'единение и укрепление более слабых профессиональных организаций, так и в целях совместного выполнения целого ряда союзных функций, не связанных со специальными условиями той или иной профессии: юридической и медицинской помощи, культурно-просветительной деятельности, устройства лекций, библиотек, устройства убежищ для рабочих и т. д., и т. д.

Почти во всех странах, на известной стадии развития профессионального движения, возникают эти органы местного об'единения, получающие в различных странах различные названия: в Англии—«рабочие советы» (Trades council), во Франции—«биржи труда» (Bourses de travail), в Германии—«картели профессиональных союзов» (Gewerkschaftskartelle).

В России эти органы местного об'единения получили название «*центральных бюро профессиональных союзов*» и, зародившись в столицах, уже в первой стадии профессионального движения сыграли крупную роль в истории возникновения, развития и укрепления русских профессиональных союзов.

Молодые профессиональные союзы, возникшие, как мы видели выше, в первой половине 1905 года, с первых же своих шагов натолкнулись на одно крупное препятствие. Будучи первыми попытками новой для России формы организации рабочего класса, молодые союзы были поставлены перед трудной задачей проложить самим себе дорогу. Никакого опыта, никакой практики позади них не было. Между тем, необходимы были компетентные указания при определении функций союзов, их внутреннего строения, их задач и взаимных отношений, необходимо было известное идейное руководство, тем более, что сами рабочие организаторы понимали, какое огромное значение для будущих успехов профессионального движения будет иметь установление с первых же шагов единства в определении задач, планомерность в агитации и организации.

Поводом к первому совещанию представителей петербургских профессиональных союзов послужило предложение харьковского общества взаимного вспоможения лиц, занимающихся ремесленным трудом, созвать всероссийский с'езд профессиональных союзов, о котором мы уже упоминали в I главе. На этом совещании присутствовали представители союза рабочих печатного дела, союза конторщиков и союза приказчиков,—всего 5—6 человек, которые решили для более близкого ознакомления с харьковским предложением послать одного из товарищей в Харьков и Москву.

По возвращении делегата из поездки, было созвано второе совещание; на нем присутствовали уже представители семи союзов; кроме перечисленных выше—представители союзов часовщиков, портных, сапожников и фармацевтов. Собрание, выслушав доклад делегата о поездке, высказалось принципиально за созыв с'езда, приняло план харьковских товарищей об организации районных бюро и решило превратить свои совещания в постоянное учреждение — *центральное бюро петербургских профессиональных союзов*. Об уставе этого учреждения тогда еще не подымался вопрос. *В основу организации был положен принцип выборности*. В состав центрального бюро должны были входить *выборные* представители от союзов, имеющих не менее 50 человек членов. На этом же собрании были установлены цели нового учреждения: *подготовка с'езда профессиональных союзов и содействие развитию профессионального движения в С.-Петербурге*.

В Москве, где, как мы видели, профессиональные союзы возникают при более непосредственном участии партийных организаций и где, благодаря этому, фракционный раскол внесен был отчасти и в профессиональное движение, — орган местного об'единения союзов создается позже. Поводом к первому совещанию союзов послужило, как и в Петербурге, предложение Харьковского Общества.

С 24 сентября в Москве происходит ряд совещаний московских профессиональных союзов при участии уполномоченных сорганизовавшихся уже к тому времени центральных бюро профессиональных союзов С.-Петербурга и Харькова. Из этих совещаний организовалось затем «бюро уполномоченных московских профессиональных союзов» (первоначальное название московского центрального бюро [1]). Как и в Петербурге, бюро поставило себе задачи: 1) «содействие развитию профессионального движения (выработка уставов, организация новых союзов, участие на с'ездах и т. п.) и 2) ведение подготовительных работ по созыву всероссийского с'езда представителей профессиональн. союзов» [2]).

Идентичность задач, поставленных себе петербургским и московским бюро, отнюдь не являлась результатом того факта, что инициатива организации их принадлежала одной и той же группе деятелей. С дальнейшим развитием профессионального движения мы наблюдаем возникновение центральных бюро во всех более или менее крупных районах об'ективно с потребностями движения.

Их возникновение в провинции, где персональная связь союзов с партийными организациями обычно гораздо теснее, чем в столицах и крупных центрах, показывало, что местное профессиональное движение, достигнув на известной стадии своего развития определенной степени организационной дифференциации с движением политическим, чувствует потребность в органах местного об'единения, а то обстоятельство, что эти органы ставят себе повсюду одне и те же задачи, показывает, что последние не искусственно созданы, а выдвигаются об'ективно потребностями движения.

Позже нам придется еще вернуться к деятельности Центральных Бюро в деле всероссийского об'единения профессиональных союзов, теперь мы остановимся на первой и основной задаче Центральных Бюро профессиональных союзов: *содействии развитию местного профессионального движения.*

II.

Деятельность Центральных Бюро в этой области очень обширна. В различные периоды движения, в зависимости от различных общих и местных условий, выдвигались на первую очередь различные ее стороны. Мы рассмотрим здесь деятельность Центральных Бюро не в

---

[1]) В Саратове и Курске Ц. Б. существуют под именем Лиги содействия профессиональному движению (см. „*Проф. Вест.*“, № 13—„*Р. Союз*“, № 6).

[2]) *Бюллетени Музея Содействия Труду*. М. 1905, № 1, стр. 4.

хронологической последовательности ее развития, а по тем основным областям, на которые, на наш взгдяд, можно разбить ее.

Единство профессионального движения является одним из важнейших залогов успешности профессиональной борьбы. Но единство трудно достижимо там, где между союзами нет единомыслия относительно основных принципов профессионального движения, задач и характера профессиональных союзов, относительно, по крайней мере, наиболее общих и крупных вопросов, выдвигаемых ходом профессиональной борьбы и движения.

В русском профессиональном движении органами для такого согласования взглядов союзных деятелей служат, с первых же шагов движения, центральное бюро профессиональных союзов (Ц. Б.). При самом возникновении Петербургского Ц. Б. на его обсуждение ставятся два важных принципиальных вопроса: о характере профессиональных союзов и об их отношении к социалистическим партиям (партийность или не партийность союзов). Эти же два основные вопроса выдвигаются в первую очередь также и в начале деятельности московского Ц. Б. (бюро уполномоченных).

По первому вопросу обнаружилось полное единомыслие не только внутри Ц. Б., но и между петербургским и московским Ц. Б. Профессиональные союзы должны носить пролетарско-классовый характер, в состав их не должны были допускаться ни предприниматели-капиталисты, ни члены фабрично-заводской администрации, ни полухозяйчики и посредники (в ремесленных союзах). Союзы ни в коем случае не должны превращаться в кассы взаимопомощи, а быть боевыми организациями рабочих данной профессии для борьбы с капиталистами за общее улучшение условий труда. Главным средством борьбы была признана стачка, и потому материальные средства должны были накопляться, главным образом, в стачечном фонде. Взаимопомощь должна входить в функции союза лишь постольку, поскольку она вызывается боевыми задачами союзов: помощь дорожная, во время безработицы и т. п.

Этот взгляд на основные задачи и характер профессион. союзов, об'ясняющийся классовым характером и традициями русского рабочего движения, глубоким проникновением рабочих масс,—благодаря долголетней пропаганде и агитации социал-демократии,—принципами классовой борьбы, явился затем, как мы указывали, руководящим принципом при организации союзов, как в революционную эпоху октябрьских дней, так и в эпоху наступившей затем реакции. Позже этот взгляд был подтвержден авторитетными решениями второй всероссийской конференции профессиональных союзов.

По второму вопросу—о партийности союзов—уже не было того единогласия между петербургским и московским Ц. Б. В то время, как в петербургском Ц. Б. сторонников партийных союзов почти что не оказалось, и Ц. Б. высказалось почти единогласно за организацию партийно-нейтральных союзов, в Москве по этому вопросу,—в виду указанных уже нами причин,—не было достигнуто единомыслия. Ре-

шено было устроить митинг, посвященный выяснению этого вопроса[1]). Конечно, это был не особенно остроумный выход из созданного фракционным и партийным расколом положения. Отчет об этом митинге заканчивается двусмысленным указанием, что «далее прения уклонились в сторону оценки тактических приемов обеих партий (с.-д. и с.-р.) вообще»[2]).

Из других крупных вопросов общего характера, обсуждавшихся Центральными Бюро, отметим вопрос о законе об обществах и союзах 4 марта 1906 г. Ниже нам придется еще более подробно остановиться как на самом законе, так и на принципиальном отношении к нему представителей союзов на второй всероссийской конференции. Здесь мы укажем только, что взгляд конференции нашел поддержку как в столичных, так и в организовавшихся к тому времени в целом ряде крупных городов Центральных Бюро. Тактика бойкотирования закона 4 марта нашла себе очень мало сторонников. Единство, проявленное в данном случае профессиональными союзами по всей России, дало им, с одной стороны, возможность сильно расширить те рамки, в которые втискивал их деятельность закон 4 марта, и с другой стороны—как мы увидим ниже—дало сильный толчок развитию профессионального движения в провинции.

Несравненно более широкую и интенсивную деятельность развивают Центральные Бюро *в области непосредственного содействия как существующим, так и вновь возникающим профессиональным организациям.* Деятельность эта выражается преимущественно в *агитации* и *организации.* Петербургское Ц. Б., начинающее правильно функционировать сейчас же после окончания ноябрьской политической забастовки, оформляет свою организацию. Оно, с одной стороны, начинает издавать в агитационных и информационных целях свой печатный орган «Профессиональный Союз», с другой стороны, учреждает выборный исполнительный орган—*секретариат.* В Москве этот исполнительный орган назывался исполнительной комиссией; позже название секретариата было принято повсюду и в провинции.

Естественно, что вся тяжесть работы Ц. Б. падала на секретариаты. В период широкой агитации за профессиональное об'единение секретариаты пытаются ввести в нее планомерность и единообразие. Петербургский секретариат в ноябре и в начале декабря 1905 г. не только распределял имевшиеся в его распоряжении помещения для собраний, но и распределял агитаторов, инструктировал их, давал организаторам всякого рода указания, сведения, справки. Ограниченное количество деятелей, способных выступать на собраниях в качестве агитаторов по вопросам профессионального движения, служило причиной того, что не только в провинции, но и в столицах члены секретариатов обыкновенно являлись и главными агитаторами. Нужно, впрочем, добавить, что административные репрессии, сводившие устную агитацию до минимума, облегчали в этой области задачи секретариатов.

---

[1]) *Бюллетени Музея Содействия Труду.* М. 1905, № 1, стр. 6.
[2]) Там же, № 2, стр. 7.

Тем большая ответственность пала на них в области организации. Уже в предыдущей главе мы указывали, что период октябрьских и ноябр'ских дней в истории профессионального движения был по преимуществу периодом агитации за профессиональное об'единение. Только благодаря полной неоформленности большинства союзов, благодаря отсутствию в них какой бы то ни было внутренне-организационной спайки членов, декабрьская реакция могла так легко смести их с лица земли. Но декабрьская же реакция и поставила пред профессиональными союзами серьезно вопрос об их внутреннем организационном укреплении. Первым шагом в этом направлении было *оформление союзов*. Организации, которые не знают количества своих членов, не имеют регулярных доходов и денежных фондов, никогда не могут, конечно, быть силой страшной для предпринимателей.

Поэтому возрождающиеся после декабрьского разгрома союзы начинают вводить у себя правильную запись и регистрацию членов, обязательность членских взносов, все члены снабжаются членскими билетами или книжками;—начинает устанавливаться в союзах правильное счетоводство и денежная отчетность. Действия правлений (или бюро) союзов контролируются специально выбранными ревизионными комиссиями. В этой с виду мелочной и технической—а в действительности имеющей громадное значение для правильного функционирования союзов—работе секретариаты играли очень важную и трудную роль. Без помощи и советов Центрального Бюро, в лице ли общего собрания бюро или его исполнительного органа—секретариата, не обходились даже наиболее крупные союзы. Иначе и быть не могло: за короткое время существования русского профессионального движения его опыт,—если можно так выразиться,—накоплялся в органах об'единения союзов, в центральных бюро. Естественно, что только отсюда он в случае нужды и черпался профессиональными союзами. Центральные Бюро не ограничивали, конечно, своей деятельности только советами и помощью уже существующим союзам. Очень часто от них исходит, если не инициатива, то во всяком случае серьезная поддержка всяких начинаний при организации новых союзов. Так, петербургское Ц. Б. оказало серьезную помощь своими силами организовавшемуся весною 1906 года союзу рабочих по металлу [1]). С укреплением Ц. Б. их деятельность становится настолько известной и популярной, что к ним обращаются—особенно в провинции—за содействием силами и советами при организации всякого нового союза.

В крупных центрах промышленности деятельность секретариатов выходит далеко за пределы данного города. Так, московскому Ц. Б. пришлось потратить очень много сил на организацию профессиональных союзов в центральном промышленном районе. Одной из главных задач секретариата екатеринославского Ц. Б. было содействовать организации союзов в Донецком бассейне—в этом центре металлургического и горнозаводского промысла [2]).

---

[1]) См. Первые шаги деятельности нашего союза. Пробн. ном. *„Рабочий по металлу"*. Спб. 1906. Стр. 17.

[2]) *„Рабочий Союз"* М. № 6. Корресп. из Екатеринослава.

Наряду с непосредственным содействием организации союзов Центральным Бюро приходилось решать принципиальные вопросы организационного характера, имеющие серьезное значение для правильного развития союзов, а также вопросы, возбуждавшие спор между отдельными союзами. К последним относились, главным образом, вопросы о размежевании союзов: должны ли рабочие по дереву, работающие на металлическом заводе, принадлежать к союзу рабочих по металлу или союзу рабочих по обработке дерева, или однородный спор в Петербурге между союзом рабочих по обработке дерева и союзом архитектурно-строительных рабочих. В Москве Ц. Б. приходилось также обсуждать вопросы о размежевании союзов, о доступе женщин и малолетних в союзы, о заключении тарифных соглашений и т. д. [1]).

С вступлением закона 4 марта в силу пред Ц. Б. была поставлена еще одна серьезная задача. После того, как Ц. Б. решили использовать закон 4 марта в целях открытого существования союзов, необходимо было выработать такой тип устава, который, удовлетворяя требованиям закона, в то же время минимально затемнял бы истинный характер профессиональных союзов. Эта работа выпала на долю, главным образом, столичных Ц. Б. Петербургское Ц. Б. посвятило этому вопросу целый ряд заседаний, кроме того, подготовительно вопрос рассматривался в юридической комиссии при Ц. Б., куда в качестве экспертов приглашались несколько раз видные петербургские юристы, как прис. пов. Андронников, М. Бернштам, Винавер и др.

Устав, выработанный московским Ц. Б., оказался очень удачным и получил большое распространение на юге, где он брался за образец при регистрации союзов [2]). Выработкой устава, однако, не ограничивалась деятельность Ц. Б. Закон 4 марта окружал союзы целым рядом формальностей, а присутствия об обществах и союзах усложняли их различными бюрократическими придирками. Отсюда возникал целый ряд формальных вопросов, и необходимы были указания, справки, советы. Менее сложные и технические разрешали обыкновенно секретариаты, более сложные передавались на обсуждение юридических комиссий, а принципиальные решались в заседаниях Ц. Б.

III.

Широкую деятельность развивают Центральные Бюро также и в области *совместной организации отдельных союзных функций*. В данном случае, помимо тех стимулов, на которые мы указали в начале этой главы, действуют стимулы, обычные для всякой кооперации.

Целый ряд союзных функций могут быть осуществлены только совместно всеми союзами, другие с гораздо меньшей затратой сил и

---

[1]) „*Рабочий Союз*“. М. 1906. № 6.

[2]) См. „*Рабочий Союз*“. М. 1906, № 6, стр. 7, „*Проф. Союз*“. Спб. 1906, № 18—19, стр. 39.

с большими результатами при совместной их организации. Конечно, все эти функции не связаны со специальными условиями того или иного производства, той или иной профессии.

При организации юридической и медицинской помощи, в культурно-просветительной деятельности, при устройстве лекций, библиотек и т. д. различие производственных условий, различие условий труда не могут играть никакой роли, но для более широкой и прочной постановки всех этих функций экономия сил и средств, благодаря совместной организаци их,—имеет огромное значение.

За организацию *юридической помощи* петербургское Ц. Б. берется, как только оно оформило свое собственное существование. Заседания 2 и 9 декабря 1905 г. посвящены обсуждению устава юридической комиссии и принципов ее деятельности [1]). В основу организации юридической помощи были положены следующие принципы. Для руководства юридическою помощью членам профессиональных союзов организуется при Ц. Б. юридическая комиссия. Она состоит из членов-юристов и членов-рабочих. Первый состав членов-юристов предлагается секретариатом и избирается Ц. Б. Затем новые члены-юристы предлагаются секретариатом по соглашению с юридической комиссией, в случае разногласия, решающий голос принадлежит Ц. Б. Члены-рабочие избираются и делегируются отдельными союзами. Юридическая помощь оказывается. как при отдельных союзах, так и при Ц. Б. Для этого члены-юристы распределяют между собою отдельные союзы, и каждый из них становится до известной степени постоянным юрист-консультом данного союза. Кроме того, они по очереди устанавливают юридические дежурства при Ц. Б. Все вопросы принципиального и общего характера решаются на общих заседаниях юридической комиссии, где присутствует и секретариат Ц. Б. с правом решающего голоса.

Из вопросов, более всего возбуждавших споры при организации юридической помощи, отметим вопрос о том, должна ли помощь оказываться только членам союзов, или всем рабочим, обращающимся за ней, и вопрос об оплате юридической помощи. Первый вопрос решался в том смысле, что бесплатную юридическую помощь получают только члены союзов, не члены союзов могут пользоваться услугами союзных юрист-консультов только за плату. Однако, позже, с увеличением числа членов многие союзы ограничили доступ не-членам во время дежурств юрист-консультов и требуют пред'явления членских билетов [2]).

Что касается оплаты труда юристов, то вторая конференция профессиональных союзов вынесла по этому поводу руководящую резолюцию общего характера: «Высказываясь против принципа благотво-

---

[1]) Устав юридической комиссии при Центральном Бюро петербургских проф. союзов напечатан в „*Проф. Союзе*". Спб. 1906. № 9—10, и в приложении к книге *И. Умбрейта*: „Значение и задачи Центр. Бюро проф. союзов". Спб. 1906. Изд. „Молот".

[2]) Последнее условие введено также и в положение об оказании юридической помощи, утвержденное московским Ц. Б. летом 1907 г. См. „*Проф. Вестник*", № 10, стр. 12.

рительности при организации юридической, медицинской и т. п. помощи, конференция рекомендует принцип оплаты этих услуг не отдельными членами союзов, а союзом или соединением союзов, как коллективным целым» [1]).

Конечно, не всегда и не везде этот принцип мог быть проведен строго в жизни. Устав юридической комиссии предусматривает, напр., ежемесячные отчисления профессиональных союзов в кассу юридической комиссии, однако, эти отчисления совсем не поступали. Петербургское Ц. Б. только очень короткое время оплачивало труд дежуривших в помещении секретариата юристов [2]). В Екатеринославе всякий союз, желающий пользоваться услугами юристов, вносит за каждого своего члена 2 копейки в месяц. Деньги эти поступают в распоряжение юридической комиссии, состоящей из 5 рабочих, выбранных Ц. Б., и юристов. В различных пунктах города устроены дежурства в вечерние часы, за каждое дежурство юристы получают вознаграждение [3]). Однако, в большинстве случаев юристы ограничиваются вознаграждением за выигранные иски [4]).

Что касается содержания юридической помощи, то, благодаря общему зачаточному состоянию статистики в нашем профессиональном движении, очень трудно выяснить, в каких случаях больше всего обращались члены союза за юридическою помощью. Вообще же можно разделить ее на две области: во-первых, помощь организациям, как таковым, сюда относятся все вопросы, связанные с законом 4 марта, помощь при выработке уставов, при сношениях с присутствием об обществах и союзах, заключение различных договоров и т. д., и во-вторых, помощь членам союзов, главным образом, в вопросах, возникающих в сфере отношений их с предпринимателями: иски о вознаграждении, об увечьи, о взыскании заработной платы и т. д. Не редки бывали, однако, обращения за помощью и в частно-правовых случаях вплоть до семейных споров.

На общих заседаниях юридической комиссии рассматривались соответственно принципиальные вопросы двух категорий: одни, касающиеся практики союзов, как таковых, вроде указанных нами выше вопросов, связанных с законом 4 марта; различные законопроекты по рабочему вопросу, законы о праздничном отдыхе, законы 15 ноября, об условиях легализации обществ взаимопомощи и т. д. Другие вопросы касались юридической практики в связи с отношениями рабочих и предпринимателей, как напр., «пред'являть ли иски по 431 ст.

---

[1]) *Вторая конференция проф. союзов.* Спб. 1906. Стр. 31 и 188.

[2]) Плата была установлена в 2 р. 50 к. за каждое дежурство. См. доклад по поводу юридической помощи, в заседании Ц. Б. 30 января 1907 г. „*Проф. Вестник*“, № 3.

[3]) „*Рабочий Союз*“ М. 1906 г., № 6, стр. 13.

[4]) Выработанные московским Ц. Б. летом 1907 г. положения об оказании юридической помощи предусматривают оплату труда „юридического секретаря“ за ведение дела 5% с взысканной суммы, в случае окончания дела мирсм вне суда уплачивается 2%. За дачу советов и составление прошений союзы, имеющие доход до 500 р. в месяц, уплачивают юристу 3% с ежемесячного дохода, а получающие свыше 500 р.—25 р. в месяц. „*Проф. Вестник*“. Спб. 1907, № 10.

уст. о промышл. за сверхурочные (сверх нормальных 10) часы работы в ремесленных мастерских», или «могут ли ремесленники требовать от хозяев заработную плату за 2 недели, в случае увольнения без предупреждения» и т. п. [1]).

Попытка со стороны Центральных Бюро организовать *медицинскую помощь* имела гораздо менее успешные результаты. Нужно сказать, что, благодаря недостаточности русского законодательства об охране труда, деятельность профессиональных организаций в сфере организации медицинской помощи разделяется на два типа: для фабрично-заводских рабочих, которых закон обеспечивает бесплатною медицинскою помощью за счет предпринимателя, она будет выражаться в наблюдении со стороны профессионального союза или Центрального Бюро за соблюдением предпринимателем предписаний закона и организацией экспертизы в случаях увечья; для ремесленных же и других рабочих она должна будет выражаться в организации непосредственной (бесплатной или дешевой) медицинской помощи.

Центральные Бюро в Петербурге, Москве, Екатеринославе сделали попытки организовать последнюю. Петербургским Цент. Бюро было потрачено много времени и сил, пока представители от союзов совместно с группою врачей и других лиц медицинского персонала выработали основы организации медицинской помощи и устав медицинской комиссии при Ц. Б. [2]). Медицинская комиссия должна была функционировать приблизительно на тех же основаниях, как и юридическая (см. выше). Для оказания медицинской помощи весь город должен был быть разбит на районы, в каждом районе должно было быть определенное количество «союзных» врачей. Их списки публикуются для сведения членов союзов, и каждый из последних по пред'явлении им своей карточки (членского билета) имеет право воспользоваться бесплатными советами врача. Расплата же с врачем должна была происходить через посредство союза, которому он пред'являл счет (по талонам) данных советов или сделанных визитов, по известной установленной таксе. На таких же основаниях предполагалась организация медицинской помощи и в Москве [3]).

Гораздо выше постановка медецинской помощи в Екатеринославе. Там она организована по следующей системе. Союз уплачивает в центральную кассу за каждого члена 5 коп. в месяц, за что член союза получает помощь, как на дому у врача, так и на дому у себя, приплачивая только в последнем случае за извозчика, если таковым врач пользовался. Из среды Ц. Б. выбрана комиссия из 5 членов, которые совместно с врачами регулируют все дело. Врачи на месячном жаловании. Этим, однако, медицинская помощь не ограничивается. Существующая в городе фабрично-заводская больница, содержимая по закону предпринимателями, переходит согласно утвержденному администрацией уставу общества, в руки об'единенного собрания предпринимателей и представителей всех союзов, входящих в общество.

---

[1]) См. заседание юридической комиссии. „*Проф. Союз.*“ Спб., 1906 г, № 9—10.
[2]) Устав напечатан в „*Проф. Союзе*“. Спб., 1906, № 12.
[3]) Проект устава и доклад медиц. комиссии. См. „*Рабочий Союз*“. М. 1906, № 9.

Правление больницы состоит из 8 предпринимателей, 6 рабочих, избираемых каждою группою отдельно, и 3 врачей, избираемых рабочими. Деньги предприниматели передают в ведение этого правления. Кроме того, союз рабочих по металлу ввел своих врачей в консультацию по осмотру увечных, чем он имеет возможность влиять на определение потери трудоспособности увечных [1]).

Нам неизвестно, насколько успешной оказалась организация медицинской помощи в Екатеринославе, но в Петербурге и Москве она окончилась полной неудачей. Союзы не рассчитали ни своих сил, ни своих средств. Наконец, постоянные административные репрессии мешали постановке такого сложного дела. Только отдельные союзы (печатники, портные, конфетчики в Петербурге) организовали у себя медицинскую помощь в самой примитивной форме. Эта неудача выяснила перед союзами тем большую необходимость агитации за организацию бесплатной медицинской помощи государством и муниципальными учреждениями.

В области *культурно-просветительной деятельности* Центральным Бюро предстоит еще только развить все свои силы. До сих пор главным препятствием служили административные репрессии. С одной стороны, администрация или прямо запрещала лекции, или ставила их в совершенно невозможные условия, с другой стороны, репрессии последних двух лет против «неблагомыслящих» свели число пригодных лекторов до минимума. К тому же многие из них часто отказываются читать, не желая из-за 1—2 лекций подвергаться репрессиям.

Несмотря на эти, в высшей степени неблагоприятные обстоятельства, Ц. Б. по мере сил стараются организовать лекции, занятия, основывать библиотеки. Особенное внимание обращено на эту сторону деятельности за последнее время, когда стало заметно увеличение интереса рабочих масс к самообразованию [2]). Так, по поручению петербургского Ц. Б. в октябре 1907 г. созвано было специальное совещание из представителей крупных союзов и существующих в городе культурно-просветительных учреждений. Совещание это пришло к следующим выводам: 1) особой лекторской группы при Ц. Б. решено не устраивать, а воспользоваться услугами уже образовавшихся в городе лекторских групп; 2) для согласования деятельности просветит. учреждений с запросами союзов устраивается комиссия из представителей секретариата и просветительных учреждений; 3) предполагается не только удовлетворять требования отдельных союзов на те или иные лекции, но и организовать самостоятельно по районам лекции и курсы по различным отраслям знания и 4) признано желательным устроить ряд лекций по истории, теории и практике профессионального дви-

---

) „*Вестник Труда*“. Ек. 1906. № 2, 3 и 6; „*Рабочий Союз*“. М. 1906, № 6.

[2]) Состоявшаяся в Симферополе в августе 1907 г. конференция правлений союзов, созванная местным Ц. Б., рекомендовала Ц. Б. „немедленно повести с помощью правлений союзов регистрацию безграмотных и открыть для них школы или организовать кружки грамоты, по возможности централизовать, а если нельзя будет, то расширить в отдельных помещениях библиотеки и читальни“... („*Профессион. Вестник*“ № 13, стр. 14).

жения для должностных лиц и руководителей союзов. План этот был одобрен Ц. Б. [1]). Осуществление его во многом будет зависеть от петербургского градоначальника.

Что касается устройства совместных библиотек, то большинство союзных представителей в Ц. Б. не согласилось в этом с мнением совещания и высказалось за устройство союзных библиотек. Интересно отметить этот факт в том отношении, что подобный союзный «патриотизм» относительно библиотек П. Умбрейт отмечает и в германских союзах [2]). Как часто психология рабочих совпадает при известных условиях даже в мелочах.

Отчасти к культурно-просветительной деятельности Ц. Б. мы можем причислить также и их более или менее непосредственное участие в издании обще-профессиональных печатных органов. Подробнее мы еще коснемся этого вопроса в следующей главе, здесь же мы отметим только, что и в этой работе крупным препятствием были административные преследования. «Профессиональный Союз» в Петербурге, «Рабочий Союз» в Москве, «Вестник Труда» в Екатеронославе, «Союз» в Харькове, «Южный Профессиональный Листок», «Рабочее Дело» и «Союз» в Одессе, «Газета Ремесленников» в Н.-Новгороде, «Вестник Труда» в Воронеже и другие местные органы, посвященные общим вопросам практики и теории проф. движения, прекратились или вследствие непосредственного запрещения, или вследствие непрерывных конфискаций со стороны местных административных органов.

IV.

В сфере непосредственной профессиональной борьбы деятельность Центральных Бюро, в силу поставленных себе задач, значительно уже. Центральные Бюро в России сознательно, имея пред собою опыт Западной Европы, исключили из сферы своей деятельности непосредственное руководство экономической борьбой. Всякая серьезная экономическая борьба требует тщательного изучения условий данной отрасли промышленности и условий труда в данном производстве, предполагает уже знакомство как с промышленной кон'юнктурой, так и с положением рабочего рынка. Все это по силам только специальной организации данной профессии—профессиональному союзу. Только профессиональный союз в состоянии решить, можно ли и должно ли об'явить стачку в данной отрасли промышленности; только он может определить, какие шансы есть на то, что собранный долгими усилиями стачечный фонд будет затрачен с пользою. Решение же вопроса об об'явлении стачки в Центр. Бюро явилось бы совершенно случайным, так как выносить его приходилось бы представителям профессиональных союзов, которые в большинстве случаев не имели бы представления об условиях той отрасли промышлен-

---

[1]) „*Профессион. Вестник*". СПБ. 1907 г., № 15, стр. 13.

[2]) *П. Умбрейт.* Значение и задачи центр. бюро проф. союзов. Спб., 1906 г стр. 77.

ности, в которой должна быть об'явлена стачка. Выдача пособий из центрального стачечного фонда вела бы к бесконечным недоразумениям, так как представители каждого союза, естественно, были бы склонны сохранить средства на случай стачки в своей профессии.

Эти соображения легли в основу решения Ц. Б. не ставить в свои задачи непосредственного руководства экономической борьбой. Только в самом начале деятельности Ц. Б. в Петербурге и Москве мы можем отметить случаи создания стачечного фонда при Ц. Б., из которого суммы выдаются не стачечникам, а самим союзам, которые в данный момент ведут стачки, и выработки в Ц. Б. требований стачечников [1]). С дальнейшим развитием движения случаи руководства стачками Ц. Б. можно отметить только, как исключения [2]).

Вышесказанная тактика со стороны Ц. Б. не означает, конечно, их индеферентизма к профессиональной борьбе. Мы уже выше указывали, что их главные задачи обусловлены интересами профессиональной борьбы. Кроме того, в целом ряде нижеуказанных случаев Ц. Б. вмешиваются непосредственно в профессиональную борьбу.

Это бывает раньше всего в тех случаях, когда от успеха или неуспеха стачки зависят серьезные интересы рабочих не только данной, но также и других профессий (напр., в случаях стачек из-за права об'единяться в союзы и т. п.); в случаях, когда стачки принимают широкие размеры и благодаря недостатку материальных средств могут окончиться поражением союза, чем будет нанесен не только материальный убыток рабочим данной профессии, но и ущерб авторитету вообще профессиональных организаций и не только в данном месте, но во всей стране; в случае более или менее значительных локаутов; наконец в случаях применения такого метода борьбы—как, напр., бойкота, успех которого зависит от широкой поддержки его рабочими массами.

Проявленная в этой области деятельность Ц. Б. дает целый ряд примеров, доказывающих высокую степень классовой солидарности нашего молодого профессионального движения. Мы отметим только наиболее характерные случаи.

Стачка булочников в Петербурге в июне 1906 г. явилась крупным событием в профессиональной жизни. Уже не говоря о том, что в этой борьбе шел вопрос об улучшении положения 8.000 рабочих, влачивших до того времени поистине нечеловеческое существование, но, кроме того, это была первая крупная, подготовленная и планомерно проведенная, благодаря существованию профессионального союза, стачка. Неудача ее грозила нанести большой ущерб профес-

---

[1]) „*Профес. Союз*". Спб., 1906 г., № 6—7.

[2]) Ц. Б. в *Ковно* „ставит себе задачей... руководить забастовками в неорганизованных цехах". („*Проф. Вестник*" № 14). В *Симферополе* „союзы, не рассчитывающие при начале забастовки своими силами довести забастовку до конца, а предполагающие обратиться за помощью к другим союзам или к кассе Ц. Б., не имеют права начинать забастовку самостоятельно, без одобрения Ц. Б.". („*Проф. Вестник*" № 13).

сиональному движению столицы в целом, успех ее обещал поднять высоко популярность профессиональных организаций. Эти соображения побудили петербургское Ц. Б. выступить энергично на помощь булочникам. Оно предоставило своих организаторов и агитаторов в распоряжение стачечного комитета булочников, оно призывало в специальных обращениях отдельные союзы прийти на помощь булочникам своими силами, средствами, помещениями и т. д. Петербургские рабочие энергично отозвались на эти призывы и тем обеспечили победу булочников [1]).

Такую же единодушную поддержку встретила стачка матросов торгового флота в Одессе в ноябре 1906 г., об'явленная, как известно, из-за попытки уничтожить профессиональную организацию матросов, так называемую «регистрацию моряков черноморского торгового флота». Одесское Ц. Б. постановило всеми средствами поддержать моряков, командировало своего одного представителя в стачечный комитет, взяло на себя расходы по агитации, выпуску листков и т. д. Об'явленный Ц. Б. сбор в пользу стачечников дал 900 руб.

Отметим здесь также интересный случай вмешательства Ц. Б. в небольшую стачку, в которой притом были выставлены очень незначительные экономические требования. Мы говорим про стачку 200 рабочих на картонно-толевой фабрике Наумана в Петербурге (июнь 1907 г.). Вмешательство Ц. Б. было вызвано тем, что здесь, как в вышеотмеченной стачке моряков в Одессе, в качестве организации, доставляющей штрейкбрехеров, выступил «союз русского народа». Опасность дезорганизации, которую пытается внести в рабочие массы это «патриотическое» учреждение, заставило петербургское Ц. Б. обратиться с призывом к петербургским рабочим помочь «науманцам». В короткий срок было собрано *1.078 р. 82 к.* [2]).

Из случаев вмешательства Ц. Б. при локаутах отметим деятельность Московского Ц. Б. при локауте типографских рабочих в Москве в феврале—марте 1907 г. Серьезное значение происходившей борьбы заставило откликнуться на нее союзы и других городов. На своем заседании 20 февраля петербургское Ц. Б. приняло, напр., резолюцию, в которой оно выразило свое сочувствие московским типографским рабочим и обещало «в случае нужды оказать им всякую поддержку» [3]). Но наиболее ярко проявилась классовая солидарность русских рабочих во время известного локаута в Лодзи, где польские и еврейские фабриканты выбросили на улицу зимою до 40.000 (считая с семьями) польских и еврейских рабочих. В целом ряде городов—можно сказать почти по всей России—как отдельные союзы, так и Ц. Б. открывают широкую агитацию по поводу лодзинского

---

[1]) Из денежного отчета стачечного комитета булочников видно, что только от отдельных союзов и собранных ими поступило 396 р. 25 к. (см. „*Листок булочников и кондитеров*“. Спб., 1906 г., № 4—5). Там же напечатаны постановления Ц. Б. и вынесенная по окончании стачки союзом булочников резолюция по этому поводу. См. также ст. *В. Павловой* „*Союз булочников и кондитеров*“. „*Проф. Вестник*“, № 2).

[2]) Забастовка на фабрике Наумана „*Проф. Вестник*“, 1907 г., № 11—12.

[3]) „*Проф. Вестник*“. Спб., 1907, № 4—5, стр. 21.

лóкаута и призывают рабочих помочь мáтериально своим польским и еврейским товарищам. Насколько широко откликнулись на этот призыв русские рабочие, видно из того, что например, в Петербурге, где Ц. Б. выпустило призывной листок в 10.000 экземплярах, только им одним было собрано в Петербурге *6.245 р. 99 к.* Докладчик из Орехова-Зуева на первой конференции союзов раб. по обраб. вол. вещ. отмечает, что «после агитации по поводу Лодзинского локаута в союз записались 200 человек, при чем лодзинским товарищам собрали 212 р. 24 к.» [1]).

В случаях об'явления бойкота тактика Ц. Б. та же, что и в случае об'явления стачек. Ц. Б. самостоятельно не об'являет бойкота, но в случае обращения к нему какого-либо из отдельных союзов за поддержкой об'явленного последним бойкота Ц. Б. обсуждает подробно как причины об'явления бойкота, шансы его успеха, так и обще-профессиональное значение конфликта и тогда только решает, должно ли оно выступить со всем своим авторитетом в пользу поддержки бойкота. Из случаев местных бойкотов, поддержанных Ц. Б., мы можем отметить бойкот типографии Сойкина в С.-Петербурге в марте 1906 г., бойкот чайных товаров Высоцкого в Москве, бойкот готового платья Мандля там же. Наиболее удачным был бойкот (первый) газеты «ХХ Век» («Русь»), об'явленный петербургским союзом рабочих печатного дела из-за воскресного отдыха газетных рабочих. Бойкот принял всероссийский характер и был поддержан не только петербургским Ц. Б. [2]), но как Ц. Б., так и отдельными союзами почти всех более или менее значительных центров рабочего движения. Это обстоятельство заставило редакцию и издателей «ХХ Века» предложить союзу печатников разрешить спор третейским судом, который, как известно, вынес решение в пользу печатников [3]).

Вышесказанным не ограничивается деятельность Центральных Бюро в сфере профессиональной борьбы. Однако, во избежание повторений, мы здесь не будем останавливаться на их роли в организации помощи безработным, в борьбе профессиональных союзов на почве законов 15 ноября 1906 г. и т. д. Мы рассмотрим их деятельность в этих областях ниже, в соответственных следующих главах.

Это же соображение заставляет нас не останавливаться в этой главе и на другой, имеющей серьезное значение, сфере деятельности

---

[1]) *Первая областная конференция проф. союзов раб. по обр. волокн. вещ. моск. пром. района.* М. 1907, стр. 42.

[2]) Петербургское Ц. Б. не ограничилось только поддержкой бойкота, позже при разборе дела третейским судом, оно послало своего представителя для защиты интересов печатников. (См. *В. Гриневич.* Очерк разв. проф. дв. в Петербурге, „Образов.“, 1906, № 10, стр. 115—117. Также *„Вестник Печатников“*. Спб., 1906, № 3—13).

[3]) Это не помешало „либеральному“ публицисту и издателю газеты „Русь“ позже в момент наступления реакции и преследований союза нарушить свое слово и снова выпускать свою газету по понедельникам. Вторично об'явленный бойкот, к сожалению, благодаря условиям времени не смог быть проведен так интенсивно. Газета г. Суворина до сих пор находится под бойкотом.

Ц. Б.: на представительстве ими обще-профессиональных интересов союзов данной местности и на политических выступлениях Ц. Б. по различным поводам, как всеобщие политические забастовки, выборы в Государств. Думу, обращение рабочей группы 1-й Г. Думы и т. д.

Здесь же мы, в заключение, рассмотрим только общий вопрос о характере и роли Центральных Бюро, как он ставился и ставится в русском профессиональном движении.

V.

Раньше всего несколько замечаний об организации Центральных Бюро. Уже в начале главы мы отметили, что в основу организации Ц. Б. был положен *принцип выборности*. Этот принцип не только не оспаривался за все время существования Ц. Б., но и строго соблюдался. Решающий голос в Ц. Б. имеют только *выбранные* делегаты (правлениями, собраниями уполномоченных или общими собраниями) союзов. Право союзов посылать своих представителей в Ц. Б. устанавливается различно. В Петербурге при зарождении Ц. Б. было оговорено, что правом представительства в Ц. Б. пользуются только союзы, имеющие не менее чем 50 чел. членов. Позже этого ограничения мы уже не находим ни в проектах устава петербургского Ц. Б., ни в последнем уставе, принятом осенью прошлого года (см. прилож. III). Московский устав оговаривает только следующее: правом посылать своих представителей в Ц. Б. пользуются те союзы, которые имеют какой-либо коллектив, будь то правление союза, или делегатское собрание [1]). В то же время, однако, петербургский устав предусматривает, что «новые союзы принимаются в Центр. Бюро только с ведома и согласия общего собрания» (II, п. 2). Московский устав этот вопрос оставляет открытым. В городах, где преобладают бундовские профессиональные союзы, посылать делегатов в Ц. Б. имеют *право* только правления партийных с.-д. союзов. Нейтральные же союзы допускаются лишь с согласия Ц. Б. в случае, если признают принцип классовой борьбы и устав Ц. Б. [2]). Еще более ограниченными являются Ц. Б. в Варшаве, Лодзи, Ченстохове и в Горном районе. Согласно решения январьской (1907 г.) конференции польских с.-д. профессиональных союзов в этих пунктах учреждается Ц. Б. (польские товарищи употребляют германский термин—картели) из представителей всех местных партийных союзов. В исполнительный орган входит, кроме выбранных Ц. Б. членов, секретарь по назначению Центральной комиссии профессиональных союзов (партийный орган польской с.-д. для руководства профессиональным движением) [3]).

В вопросе о способе представительства существует два течения: одни отстаивают пропорциональное представительство, соответственно числу членов союза. Такой способ введен в Петербурге (на основании

---

1) „*Рабочий Союз*“. М. 1906. № 1. Стр. 8.
2) Корресп. из Ковно. „*Профес. Вестник*“, 1907, № 14.
3) См. „Czerw. Szt.“, № 132. (Цитир. по „*Проф. Вестн.*“, 1907, № 3).

последнего устава) [1]), в Екатеринославе, в Бердичеве, в Семферополе и друг. Другое течение отстаивает равное представительство от каждого союза. Оно колеблется от одного человека (Ковно) до трех [в Петербурге (до последнего устава), в Москве, в Казани, в Одессе, в Киеве и друг.].

Мы уже в другом месте высказались против пропорционального представительства, по крайней мере, в настоящий период существования Ц. Б., указывая на то, что в поддержке Ц. Б. нуждаются, главным образом, мелкие союзы, и что пропорциональное представительство, дав крупным союзам преобладание в Центральном Бюро, сделает его менее чутким к местным нуждам профессионального движения [2]). Практика последних $1^1/_2$ лет не убедила нас в противном. К. Дмитриев высказывается за среднюю линию. «Наилучшим способом представительства — по его мнению — является *ограниченная тесными пределами пропорциональность* [3]).

Средства Ц. Б. составляются из процентных отчислений входящих в состав Ц. Б. союзов. Размер отчислений сильно колеблется. В большинстве случаев он составляет 3% месячных доходов союза (Петербург, Москва, Симферополь и др.), хотя бывает и выше 4% (Киев) и достигает даже до 5% (Ковно). Нужно, впрочем, сказать, что эти отчисления поступают в высшей степени нерегулярно, и более крупные Ц. Б. (Петербург, Москва) должны всегда изыскивать посторонние источники дохода.

Исполнительные органы Ц. Б., как: секретариаты, редакционные, ревизионные комиссии и т. д., всегда выбираются на определенный срок и являются ответственными пред общим собранием Ц. Б.

Обратимся теперь к одному из наиболее трудных и серьезных вопросов, возбуждавших более всего споров среди деятелей профессионального движения: *о характере Центральных Бюро* и, в связи с этим, *об обязательности или необязательности решений Ц. Б. для входящих в его состав союзов.* Этот вопрос ставится уже на одном из первых заседаний (оформленного) петербургского Ц. Б., при чем «одни находят, что это должен быть орган руководящий, другие — что, в виду автономности союзов, это должен быть, особенно первое время, орган исключительно служебно-технический» [4]). Тот же вопрос возникает вторично на заседании петербургского Ц. Б. 15 февраля 1906 г. при обсуждении устава Ц. Б. Докладчик определял цели Центр. Бюро следующим образом: «1) об'единение и поддержание пролетариата всех профессий данного города в его борьбе с капиталом, 2) укрепление в нем чувства солидарности и 3) борьба с ари-

---

[1]) Петербургский устав устанавливает следующую норму: союзы, насчитывающие менее 500 человек, могут посылать по 2 представителя, от 500 до 1000— по 3, свыше 1000—по одному на каждую следующую тысячу, при чем число представителей от отдельного союза не должно превышать 7 человек (II п. 1).

[2]) *В. Гриневич.* Организация и задачи Ц. Б. в России. Стр. 14. Пред. к книге П. Умбрейта: Значение и задачи Ц. Б. проф. союзов. Спб., 1906.

[3]) *К. Дмитриев.* Из практики проф. движения в России. Одесса, 1907. Изд. „Освобождение Труда". Стр. 137.

[4]) Протокол 3 заседания Ц. Б. *„Проф. Союз"*, Спб., 1905, № 1.

стократическими тенденциями крупных союзов. Стремясь содействовать экономическому и моральному развитию членов профессиональных союзов, Ц. Б. устраивает следующие комиссии: юридическую, лекторскую, организационную, медицинскую и др.; издает свой орган и оказывает помощь безработным. Задача Ц. Б.—заставить весь пролетариат данной местности принимать и отражать удары, направленные на отдельные союзы»... «В результате прений выяснилось, что все союзы, кроме двух, высказались за служебную, не руководящую роль Ц. Б.» [1]).

Наконец, устав, принятый петербургским Ц. Б. в начале 1907 г., определяет свою цель следующим образом: «Ц. Б. профессиональных союзов, стоящих на почве современного рабочего движения, об'единяет их деятельность и содействует развитию профессионального движения петербургского пролетариата» (I).

Устав московского Ц. Б., где этот вопрос возникает также в самом начале его деятельности, разрешает его гораздо более категорически и ограничительно. § 2 отд. I гласит: «Ц. Б. является для профессиональных союзов органом совещательным» [2]).

В чем же заключается сущность различия между «руководящим» и «служебно-техническим» характером Ц. Б.? Ответить на этот вопрос тем более трудно, что, во-первых, сторонниики «руководящего» характера Ц. Б., насколько нам известно, совершенно не высказывались в профессиональной печати по этому вопросу, и во-вторых, самые термины «руководящий» и «служебно-технический» в различные периоды различными защитниками употреблялись в различном смысле.

Нам приходится здесь поэтому оперировать с аргументами противников постольку, поскольку нам лично приходилось выслушивать их при обсуждении данного вопроса в Ц. Б. Главная причина осложнения вопроса заключалась в том, что органу, который должен был служить для об'единения деятельности *профессиональных* союзов, хотели придать *руководящий политический* характер. Сторонники этого взгляда,—мы нарочно воздерживаемся от наклеивания на них какого-либо из ходячих «ярлычков»,—будучи антагонистами большевиков, фактически становились на одну почву с крайним большевизмом. Считая, что с.-д. партия изжила самое себя и что профессиональные союзы являются теми организациями, которые должны и способны взять на себя руководство всею совокупностью пролетарской борьбы, они пытались превратить Ц. Б., как органы, об'единяющие союзы, в центры для руководства всем пролетарским движением. Не останавливаясь на том многом справедливом, что заключалось в их критике партии и прогнозе роли профессональных союзов в русском рабочем движении, мы должны сказать, что стремление придать Ц. Б. в этом смысле руководящий характер обнаружило то фетишистское предпочтение формы пред содержанием, которое так характерно для всего большевистского направления.

---

[1]) Деятельность Ц. Б. Заседание 15 февраля 1906 г. „*Проф. Союз*“, 1906, № 11.
[2]) „*Рабочий Союз*“. М. 1906, № 1.

Не говоря уже о том, что политическое руководство со стороны органа, об'единяющего партийно-нейтральные профессиональные союзы, не имеющие, следовательно, никакой политической программы, было бы бессмыслицей, закрепление этого руководства за Ц. Б. в настоящее время (а тем более при зарождении Ц. Б.), когда еще не создано прочной органической связи между Ц. Б. и рабочими массами, явилось бы только повторением того принципа построения руководства сверху, который лежит в основе организации с.-д. партии. Но если для последней оправданием служат исторические условия ее возникновения и существования, то повторение в данном случае ее ошибок означало бы только преклонение пред догматизмом форм и абстрактных построений.

Только это обстоятельство заставило противников подчеркивать еще резче «служебно-технический» характер Ц. Б. Между тем, как если выбросить из этого спора привнесенный извне вопрос о политическом руководстве, то обе стороны станут далеко не так непримиримыми. Рассматривая роль Ц. Б. в профессиональной сфере деятельности союзов, мы увидим, что оно далеко не является органом только «совещательным», как ограничивает его московский устав, а очень часто и руководящим [1]). В целом ряде принципиальных вопросов, как отношение к закону 4 марта, к законам 15 ноября и т. д., решения Ц. Б. являлись руководящими для местных союзов. Во всех тех начинаниях, которые сделаны Ц. Б. в сфере организации совместных учреждений, постановления Ц. Б. являются обязательными для входящих в его состав союзов. Но, с другой стороны, в целом ряде вопросов Ц. Б. ограничивалось только принятием решений в виде рекомендаций, в виде советов и т. п.

Установить точно границу, где решения Ц. Б. являются обязательными, где нет—теперь, когда Ц. Б. только складывается, как постоянное учреждение,—очень трудно. К. Дмитриев в цитированной нами выше книге пытается наметить эту линию раздела. Все решения, касающиеся деятельности самого Ц. Б. и его учреждений, или касающиеся участия отдельных союзов в Ц. Б., по его мнению, должны быть обязательными. Но в тех случаях, когда решения обязывают союзы к тем или иным активным шагам, или так или иначе затрагивают область их специфических интересов, Ц. Б. не может настаивать на обязательности решений [2]).

Центральные Бюро, отражающие чутко—по самому способу своей организации—силу местного профессионального движения, вместе с ростом последнего, вместе с укреплением влияния и приобретением

---

[1]) См., напр., статью *А. В.—ича*. О московском Центральном Бюро проф. союзов. „*Рабочий Союз*“. М. 1906, № 5, стр. 7.

[2]) *К. Дмитриев*. Из практики профес. движ. в России. Стр. 142. См также цитированное выше наше предисловие в книге П. Умбрейта. Стр. 14—15. Устав петерб. Ц. Б. гласит по этому поводу: „Все решения Ц. Б. принимаются простым нольшинством голосов, причем, по требованию $^1/_3$ союзов, решение в особо важных случаях считается обязательным для всех союзов лишь по предварительном обсуждении вопроса отдельными организациями (II п. 5).

популярности профессиональных организаций среди рабочих масс, при сохранении и укреплении органической связи с последними—все больше и больше должны будут играть руководящую роль в местном рабочем движении. Но всякое поспешное формальное закрепление руководства за Ц. Б. может им только повредить.

За последний год в профессиональной печати нередки статьи на тему о кризисе в существовании Ц. Б.[1]). Некоторые склонны даже думать, что это учреждение уже пережило себя. Мы являемся решительными противниками этого пессимизма. Присматриваясь тщательно к деятельности Ц. Б., мы не находим положительно никакого внутреннего противоречия, от которого может только разложиться всякое общественное учреждение. И признавая вполне, что Ц. Б. не только в провинции, но даже и в столицах влачат за последнее время печальное существование, мы видим единственную причину этого в административных репрессиях, в политической реакции.

Не давая возможности Ц. Б. отправлять их функции, эти репрессии естественно принижают интерес союзов к Ц. Б.; к тому же, как известно, реакция особенно сильно отзывается на существовании мелких союзов, наиболее активных и наиболее заинтересованных в существовании Ц. Б. элементов.

Задачей Ц. Б. для этого момента является развить свою деятельность по линии наименьшего сопротивления для того только, чтобы сохранить организацию в переходный момент реакции. Усиленная деятельность Ц. Б. за последнее время в культурно-просветительной области[2]) доказывает, что они на высоте тех ответственных задач, которые возложены на них русским профессиональным движением.

---

[1]) См. „*Рабочий Союз*“. М. 1906, № 5. „*Проф. Вестник*“. Спб., 1907, № 2, № 10.

[2]) См. заседание Ц. Б. в Петербурге. „*Проф. Вестник*“, № 15.

ГЛАВА IV.

Закон 4 марта 1906 года.

I.

Декабрьская реакция, несмотря на все сопровождавшие ее ужасы, не смогла уничтожить профессионального движения. Правда, громадная часть профессиональных союзов в столицах и особенно в провинции, возникших в краткие «дни свободы», не выдержала—как мы указывали выше—ударов политической реакции. Но зато те организации, которые сложились в предыдущую эпоху или за свое короткое существование успели оформиться, органически связаться с рабочею массою, пустить в ней глубокие корни,—эти организации в упорной борьбе за существование еще больше окрепли и постепенно приняли форму западно-европейских профессиональных союзов.

Вместе с новым политическим под'емом страны, в связи с началом выборов в первую государственную думу, эти уцелевшие союзы не только расширяют свою деятельность, но и об'единенные на местах Центральными Бюро содействуют возрождению профессиональных союзов в других профессиях. С этого периода начинается планомерное развитие современного профессионального движения.

Правительственной власти пришлось считаться с этим фактом. Не имея возможности задавить профессиональное движение рабочих, оно решило наложить на него узду. Не во исполнение торжественного обещания манифеста 17 октября «установить действительную неприкосновенность личности, свободу слова, собраний и союзов», а только с указанною целью,—как это будет показано сейчас документально,—были изданы 4 марта 1906 г. в ряде других законов о свободах: «*временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий*», получившие в профессиональной печати название *закона 4 марта*.

Одновременно с законом была опубликована и об'яснительная к нему записка госуд. совета, проливающая яркий свет как на истинные мотивы, побудившие правительство издать закон о профессиональных союзах, так и на взгляд правительства на задачи последних.

«Существующее среди указанных лиц (занятых в торговых и промышленных предприятиях), особенно же между фабричными рабочими, стремление к образованию общественных организаций»,—

читаем мы в записке гос. сов.,—«стало за последнее время фактом, с которым нельзя не считаться. Стремление это настолько сильно, что, несмотря на противодействие ему со стороны правительственной власти, рабочие ассоциации создавались повсеместно» [1]). Бессильное бороться с движением, неразрывно связанным с капиталистическим развитием страны, не понимая его сущности, правительство пытается использовать его в своих интересах, открыв рабочим «законный путь к удовлетворению совместными усилиями их материальных и духовных потребностей», так как вместе с тем *„ослабляется для них соблазн уклонения в сторону политики“* (н. к.).

Мы видим, что охарактеризованное нами в I главе отношение государственной власти к рабочему вопросу остается неизменным и после манифеста 17 октября. Нужды и требования рабочих удовлетворяются лишь постольку, поскольку неудовлетзорение их грозит «общественному спокойствию и порядку» и поскольку есть надежда отвлечь внимание рабочих от политических вопросов.

И какою наивностью звучат в устах высшего государственного учреждения слова о том, что «по заявлению председателя Совета Министров в настоящее время имеются довольно благоприятные условия для воздействия в указанном направлении на рабочие массы. В настроении их за последние месяцы (!) замечается сильная перемена... Среди фабричного и заводского населения ныне начинает проявляться стремление к удовлетворению более близких ему экономических интересов. При таких условиях издание закона, нормирующего это движение и вводящего его, так сказать, в законное русло, представляется в настоящее время необходимым и даже вполне неотложным». Тем более, что «по об'яснению статс-секретаря гр. Витте проект... указывает пути к миролюбивому разрешению возникающих на почве борьбы капитала с трудом споров и недоразумений между рабочими и владельцами фабрично-заводских предприятий».

Приведенных цитат достаточно для того, чтобы осветить взгляд госуд. совета на одно из основных требований рабочего класса—*права коалиций*. Конечно, нелепо было бы ждать при этом условии какого-либо закона, мало-мальски соответствующего потребностям профессионального движения. Но госуд. совет сделал более того,—он извратил до неузнаваемости даже правительственный законопроект (проект Тимирязева), представлявший сам по себе жалкое подобие закона о «свободе» союзов [2]).

Мы остановимся здесь только на главных чертах закона 4 марта. Уже само оглавление закона вводит крупное ограничение. «Свобода» союзов распространяется только на лиц, «занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий». Все сельско-хозяйственные рабочие; железно-дорожные рабочие и служащие, служащие телефонов и телеграфов лишены даже и этой

---

[1]) *Закон 4 марта 1906 г. о союзах и обществах.* Спб., 1906. Типогр. мин. вн. дел. Стр. 37. Последующие цитаты взяты из этого же официального издания.

[2]) Текст законопроекта Тимирязева напечатан в газете *„Новая Жизнь“*. Спб. 1905, № 11.

«свободы» [1]). Кроме того, закон вводит ограничение (§ 7) даже и для тех лиц, которые могут пользоваться этой «свободой». Он требует, чтобы «профессиональные общества» составлялись из лиц, «занятых одинаковыми, однородными, либо имеющими между собою связь работами или промыслами». Ниже мы увидим, что этот параграф дал повод местной администрации вмешиваться даже в вопросы внутреннего строения союзов.

Закон 4 марта не только ограничивает круг лиц, которые могут им пользоваться, но и пытается своим определением целей профессиональных обществ направить профессиональное движение по определенному руслу. Госуд. совет отверг даже сверхскромную формулировку правительственного проекта: «профессиональные общества имеют целью исследование и защиту экономических интересов и улучшение условий труда своих членов». По его мнению, «защита интересов предполагает как бы боевое к ним отношение и легко может натолкнуть рабочих на мысль, что борьба с предпринимателями составляет главную задачу предусматриваемых проектом обществ. *Между тем, цель сих последних должна заключаться в мирном разграничении сталкивающихся интересов труда и капитала и в возможном их согласовании*» (стр. 39, н. курс.).

Этот манчестерский взгляд о гармонии интересов труда и капитала госуд. совет пытается навязать нашим союзам. § 1 закона 4 марта гововит: «Профессиональные общества имеют целью *выяснение и согласование* экономических интересов, улучшение условий труда своих членов»... § 2 указывает, что «в частности профессиональные общества могут ставить себе целью: а) изыскание способов к устранению, посредством соглашения или третейского разбирательства, недоразумений, возникающих на почве договорных условий между нанимателями и нанимаемыми; б) выяснение размеров заработной платы и других условий труда в различных отраслях промышленности и торговли и т. д.».

Эта формулировка пытается вытравить из уставов профессиональных союзов всякий намек на их боевой характер и приблизить их к типу гирш-дункеровских касс взаимопомощи.

В остальной своей части закон 4 марта является самобытным творчеством русских государственных мужей, пытавшихся нормировать «свободу союзов» под углом зрения «охранения государственного спокойствия и порядка».

Об'явленный торжественно в §2 разд. 1 явочный порядок открытия обществ и союзов (*«общества и союзы могут быть образованы без испрошения на то разрешения правительственной власти»*) в ряде

---

[1]) Для последней категории лиц введены ограничения даже и в общий закон об обществах и союзах (§ 9—12).

Согласно раз'яснению прав. сената от 16 мая 1907 г., общества лиц, связанных общими профессиональными интересами и занятых в торгово-промышленных учреждениях, хотя и не подчиненных ведению ни фабричного инспектора, ни горного инженера (каменщики, плотники, музыканты, фармацевты и т. п.), должны рассматриваться, как общества профессиональные. („*Торг.-Пром. Газ.*“, 1907, № 213).

статей закона превращается для профессиональных союзов фактически в старый дискреционный порядок открытия союзов. Вместо мин. вн. дел теперь разрешает или «регистрирует» устав союза губернское или городское по делам об обществах присутствие, состоящее в своем большинстве из чиновников, в своем меньшинстве из представителей городского и земского самоуправления, т.-е. представителей дворянства и крупных землевладельцев и крупной буржуазии. От этого «присутствия» зависит регистрация устава. Оно может разрешить или отказать в регистрации, сообщив в последнем случае мотивы отказа (раз'ясн. пр. сен.). Подача заявления обставлена целым рядом тягостных формальностей, а устав, представляемый по закону для регистрации, фактически же для утверждения, должен подробно регламентировать всю жизнь союза. Однако, этим не ограничивается вмешательство администрации во внутреннюю жизнь союза. Союз обязан извещать ее о составе правлений, об изменении устава, об открытии и закрытии отделений и т. д.

Закрытие союзов находится еще в большей зависимости от администрации, чем их открытие. Всякое формальное нарушение устава может повлечь за собою закрытие союза, постановление о котором предоставлено делать, по предложению губернатора и градоначальника, тому же присутствию по делам об обществах. Но, кроме того, в случае, «если деятельность общества угрожает общественной безопасности и спокойствию»,—о том, как растяжимо это понятие, говорит вся русская действительность,—губернатор или градоначальник вправе, «приостановив собственною властью действие общества, о закрытии его предложить на разрешение губ. и гор. по делам об общ. присутствия» (§ 35, I).

Закон 4 марта вводит, наконец, для профессиональных союзов еще одно очень серьезное ограничение. Определив общество, как «соединение нескольких лиц, которые, не имея задачей получение для себя прибыли от ведения какого-либо предприятия, избрали предметом своей совокупной деятельности определенную цель, а союзом—соединение двух или нескольких таких обществ, хотя бы через посредство их уполномоченных»,—закон 4 марта воспретил безусловно соединение профессиональных обществ в союзы (§ 6, II), мотивировав свое решение тою же пресловутою «серьезною опасностью для общественного спокойствия и порядка» (стр. 41).

С другой стороны, разрешив профессиональным обществам открывать отделения, закон сильно ограничил это право условием, «чтобы означенные отделения не имели особого от общества управления» (§ 5, II).

Мы не будем останавливаться на дальнейших деталях закона. Думаем, что и сказанного выше достаточно для того, чтобы убедиться, в какой степени закон 4 марта соответствует праву коалиций. Извратить истинную сущность союзов, превратить боевые союзы рабочих для борьбы с предпринимателями за улучшение условий труда в соглашательские кассы взаимопомощи, установить зависимость открытия и закрытия союзов от местной администрации, санкциони-

ровать вмешательство со стороны последней как во внутреннюю жизнь, так и строение союзов, ввести целый ряд тягостных ограничений деятельности их—это едва ли может означать «открыть рабочим законный путь к удовлетворению совместными усилиями их материальных и духовных потребностей» [1]).

II.

Однако, в сравнении с практикой применения в жизни закона 4 марта, последний может казаться идеально гарантирующим свободу союзов. Переходя к рассмотрению этой практики, мы вступаем в область «неограниченных возможностей». Мы и не думаем, конечно, исчерпать этой темы, она заняла бы слишком много места, но мы попытаемся здесь только наметить наиболее характерные черты из практики применения закона 4 марта в жизни.

На первом месте необходимо отметить обычное в русской административной практике ограничение закона министерским циркуляром. К сожалению, нам осталось неизвестно содержание циркуляра департамента полиции от 10 мая 1907 г. № 72182, но о характере его мы можем судить по следующему циркуляру нижегородского губернатора нижегородскому полицеймейстеру и уездным исправникам за № 2255:

«В последнее время замечается широкое повсеместное развитие профессиональных союзов. Начало возникновения означенных союзов было положено еще в 1905 году «российскою социал-демократическою рабочею партиею», имевшею целью таким путем использовать, в интересах революционного движения, беспартийные элементы и создать из профессиональных корпораций политически организованную силу. Первое время об'единяющим такие корпорации органом являлся «Союз союзов» формально беспартийный, но имевший явно-революционную окраску, а в последнее время при «центральном комитете» вышеназванной социал-демократической партии образована особая профессиональная комиссия для об'единения и согласования работы социал-демократов в профессиональных союзах, и ныне упомянутый «центральный комитет» рассылает в крупные провинциальные города специальных пропагандистов для организации профессиональных союзов, причем имеется в виду распропагандирование «несознательных» не только для привлечения их в ту или другую подпольную организацию, но и в целях приобретения готового кадра боевых дружин для вооруженного выступления на случай роспуска второй Государственной Думы. Вследствие особо напряженной деятельности социал-демократов, профессиональные союзы принимают уже вполне определенный облик социал-демократических организаций и потому являются весьма опасными для государственного строя. Независимо от сего, успехи социал-демократов в профессиональных союзах обратили на эти союзы вни-

---

[1]) Ко всему этому нужно добавить, что одновременно с опубликованием закона 4 марта был изменен § 124 уложения о наказаниях, причем даже за мелкие нарушения закона 4 марта установлены строгие наказания, вплоть до года крепости.

мание и других революционных партий, которые также стремятся, путем влияния на резолюции и платформы профессиональных союзов, постепенно обратить их в социально-политические организации с платформами, наиболее подходящими к своим партийным программам.

Изложенная характеристика профессиональных союзов приводит к необходимости для местных властей обратить на их состав и деятельность самое пристальное и серьезное внимание, допускать их легализацию в порядке закона 4 марта 1906 г. лишь при наличности несомненных данных об отсутствии их связей с социал-демократическими группами, а при первых попытках со стороны означенных организаций к отступлению от установленных пределов деятельности закрывать их в порядке указанного закона. Кроме того, при достаточности оснований к обвинению активных членов таких союзов в принадлежности к революционным сообществам должно быть возбуждаемо уголовное преследование, судя по обстоятельствам дела, по 125, 126 или 102 ст. уг. ул.

Об изложенном, вследствие циркуляра департамента полиции от 10 мая сего года за № 72182, сообщаю начальникам полиции Нижегородской губернии к точному и неуклонному исполнению и руководству, причем предписываю начальникам полиции зорко следить за всеми ненадежными в политическом отношении элементами населения вверенных их управлению районов и обо всех замеченных проявлениях революционного движения со стороны активных членов революционных партий, помимо возбуждения против них уголовного преследования, немедленно представлять мне, самим же принимать энергичные меры, парализующие вредные действия противоправительственных партий.

Подписал: губернатор М. Шрамченко.

Скрепил: правитель канцелярии Познанский» [1]).

Мы не будем, конечно, распутывать этого клубка вырванных случайно из жизненной действительности фактов, полицейских измышлений, политической неграмотности. Для нас достаточно отметить только, какую свободу действий по отношению к закону 4 марта предоставлял местной администрации департаментский циркуляр. Совершенно произвольно вводился новый критерий для ограничения деятельности союзов: существование или отсутствие «связей с социал-демократическими группами», причем определение последнего обстоятельства принадлежит ведь той же местной администрации. Не трудно понять, как далеко расширяются этим пределы ее полномочий. Ведь, в глазах каждого «администратора», социал-демократическая прокламация, найденная в кармане у кого-либо—даже случайного посетителя,—при обыске помещения союза, может служить достаточным доказательством связи профессионального союза с социал-демократическими «группами». Нужно сказать к тому же, что в этих случаях местная администрация прекрасно понимает даваемые свыше указания. Неудивительно поэтому, что, как сообщает корреспондент названной выше газеты,

---

[1]) «*Речь*», 12 июня 1907 г., № 136.

«результатом этого циркуляра на-днях явились обыски и аресты у многих членов профессиональных организаций, воспрещение их собраний и т. п.».

Впрочем, вряд-ли вообще нужны подобные специальные указания. Местная администрация всегда прекрасно улавливает «дух времени», а чрезвычайные полномочия, которыми она облечена почти по всей России, предоставляют ей возможность безгранично толковать этот «дух».

Так, например, кременчугский генерал-губернатор признал вообще «несвоевременным» образование в подвластном ему генерал-губернаторстве профессиональных союзов, и потому издал следующий приказ:

«В г. Кременчуге в последнее время замечается лихорадочное стремление к организации разного вида профессиональных обществ и по сему предмету мне поданы прошения (следует перечисление). Обращаясь к разрешению этих ходатайств по существу, не могу не отметить, что ходатайства эти представляются погоней за новизною и модою, поработившей в последнее время в значительной мере здравый смысл огромного большинства русских граждан (!). Дарована свобода собраний и союзов, воспоследовали Высочайше утвержденные временные правила об обществах и союзах, и этого достаточно, чтобы играющие в «моду» без достаточно серьезного повода и действительной необходимости двинулись к осуществлению разного вида профессиональных обществ только потому, что это в моде, а быть может, по подстрекательству тех темных сил, которые играют в освободительное движение. Указывая, что перечисленные выше ходатайства поданы мне не согласно ст. ст. 9 и 12 временных правил об обществах и союзах, и признавая разрешение таковых обществ в настоящее тревожное время вообще несвоевременным, предписываю полицеймейстеру г. Кременчуга об'явить всем просителям, что ходатайства их уважены быть не могут впредь до снятия в г. Кременчуге, Крюкове и Кременчугском уезде военного положения»[1]).

Не менее решительным оказался и Николаевский временный военный генерал-губернатор. В ответ на поданное заявление о регистрации союза рабочих по металлу, учредители его получили по истечении всех установленных законом сроков сообщение, что «временный николаевский военный генерал-губернатор, в виду явно вредного направления деятельности профессиональных союзов, образование таковых в генерал-губернаторстве в данное время находит недопустимым», почему николаевский градоначальник не нашел возможным в настоящее время даже внести проекты уставов на обсуждение присутствия [2]). Нужно прибавить, что до тех пор в Николаеве не было зарегистрировано еще ни одного профессионального союза, и поэтому мнение о «явно вредном направлении» вытекало из общего теоретического взгляда г. ген.-губернатора на профессиональные союзы!

Конечно, не повсюду г.г. администраторы проявляли такую решительность. Во многих местах самобытное «не пущать» сменялось не

---

[1]) „*Союз*". Од. 1906. № 1, стр. 13.
[2]) „*Рабочий Союз*". М. 1906. № 8, стр. 15.

менее самобытной «волокитой». Закон 4 марта предоставил в этом отношении администрации очень широкое поле деятельности, но административная практика превзошла все границы возможного. При этом оправдывалась русская пословица «что город, то норов» [1]). В Екатеринославе сравнительно очень легко и быстро были зарегистрированы 26 сравнительно либеральных уставов [2]), а в Харькове, т.-е. в десяти часах езды, учредители союзов должны были вести поистине героическую борьбу с присутствием по делам об обществах.

Четыре раза подавали для регистрации рабочие печатного дела свой устав, и каждый раз присутствие его возвращало, несмотря на то, что печатники изменяли каждый раз устав в соответствии с желаниями присутствия, притом или совершенно незаконными или до курьеза мелочными. Присутствие, напр., не пожелало допустить переплетчиков в союз типографских рабочих, т.-е. действовало, нарушая § 7 (II) закона [3]), или оно требовало вычеркнуть слова «и проч.». Ясно, что поправки делались присутствием «с единственною целью— не дать рабочим организоваться на законном основании»[4]).

Столичные союзы также не избежали этой волокиты. Целый ряд союзов месяцами ждали регистрации своих уставов, принужденные неоднократно исправлять уставы в соответствии с желаниями присутствия. Насколько эти желания были произвольны, показывает тот факт, что уставы, зарегистрированные петербургским губернским присутствием, не регистрировались петербургским городским присутствием. Потребовалось специальное вмешательство заинтересованных министерств (предложение Спб. градоначальнику и губернатору от 27 октября 1906 года за №№ 21905 и 21906), чтобы восстановить «единство власти» в пределах одной губернии [5]).

Неудивительно поэтому, что при указанном выше взгляде на свои задачи харьковское присутствие побило рекорд и по числу отказов в регистрации стоит на первом месте. По официальным

---

[1]) „Не столько закон 4 марта, сколько самый дикий произвол царил над союзами,—читаем мы в докладе Орган. Бюро на Всерос. конфер. печатников.—любопытно то, что практика применения закона 4 марта по России представляет самую пе трую картину: все зависит от местного градоначальника, губернатора, а подчас и пристава“ *Прот. перв. всерос. конф. проф. с. р. печ. дела.* Спб., 1907, стр. 12.

[2]) Это относится к лету и осени 1906 г.; после роспуска 2-й гос. думы и в Екатеринославе началось систематическое гонение на професс. союзы.

[3]) Также ограничительно толковал этот параграф и виленский губернатор, не разрешивший переплетчикам об'единиться с типографщиками (см. протоколы перв. всеросс. конф. проф. с. р. печ. дела Стр 8). Однако, благодаря настойчивости, делающей честь харьковским печатникам, правит. сенат в ответ на жалобу учредителей союза рабочих печатного дела на постановление харьковского губ. по дел. об общ. прис. раз'яснил, что в состав одного и того же профессионального союза могут входить одновременно рабочие типографского и переплетного мастерства. В ответ на ту же жалобу прав. сен., кроме того, раз'яснил, что губернские присутствия обязаны, рассматривая уставы общества, сразу указывать на все допущенные в них неправильности, а не возвращать уставы для исправления несколько раз по дефектам, допущенным в первоначальной редакции. См. „*Новое Время*“, 1907. № 11159.

[4]) Закон и жизнь. „*Союз*“ Харьк., 1906, № 1.

[5]) *Закон 4 марта 1906 г.* Спб., тип. М. В. Д., стр. 11.

данным по 1 июля 1907 г. харьковским присутствием было зарегистрировано 7 уставов професс. обществ (из них одно затем закрыто) и 29 *професс. обществам отказано в регистрации* [1]).

Конечно, Харьков не является исключением. В Полтаве учредителям союза печатников в регистрации устава было отказано на том основании, что «хотя, мол, устав и правилен, но печатники народ неспокойный» [2]). В Херсоне рабочие по металлу в сентябре 1906 г. подали устав для регистрации. В октябре устав был рассмотрен, но обжалован губернатором и отправлен в М. В. Д. и до сих пор (июль 1907 г.) ответа нет [3]). Из Могилева (губ.) пишут, что «местные сатрапы в легализации категорически отказывают, не взирая на закон 4 марта [4]). А Ростовский на Дону полицеймейстер без обиняков заявил портным, осмелившимся попытаться организовать свой союз, на основании закона 4 марта: «никаких законов 4 марта я не знаю и знать не хочу, а революционных слов, как Организационное Бюро, и революционных собраний я не допущу» [5]).

Мы могли бы привести еще бесконечно много подобных примеров из разных концов России, но думаем, что и вышесказанного достаточно для того, чтобы охарактеризовать практику применения в жизни закона 4 марта.

Было бы, конечно, большою ошибкою думать, что вместе с зарегистрированием устава профессионального союза прекращаются все его мытарства. Можно сказать, что, наоборот, с этого момента они только и начинаются. Правда, теперь становится трудно отличить, где вмешательство и преследования администрации совершаются на основании закона 4 марта, где в силу чрезвычайных положений об

---

[1]) См. *В. Святловский.* Профес. движение в России. Спб., 1907, стр. 171. Эти данные почерпнуты автором из официальных материалов главного по фабричным делам присутствия, собранным к 1 июля 1907 г. По сведениям, собранным через фабричных инспекторов, к 1 июля 1907 г. в 59 губерниях и областях России числилось 861 профессиональное общество. Из них действующими считались 643 (74,7%), отказанных в регистрации—187 (21,8%) и закрытых 31 (3,6%).— Автор, посвятив целый ряд таблиц этим материалам, отнесся, однако, к ним очень мало критически. Так, даже поверхностное знакомство с таблицей распределения по губерниям существующих и закрытых обществ и тех, которым в регистрации отказано, обнаруживает грубое противоречие с действительностью. Достаточно, сказать, что в рубрике закрытых союзов по Петербургской губернии не числится ни одного общества, а по Московской—только 4. Напомним хотя бы только закрытие всех петербургских професс. союзов после роспуска первой госуд. думы! Следовательно, в данном случае мы имеем дело или с неверными сообщениями фабричных инспекторов, или с тем фактом, что фабричные инспектора не сообщают главному по фабричным делам присутствию о закрытии союзов в порядке чрезвычайных положений об охране. Так или иначе, приведенные выше данные совершенно не дают представления о тех репрессиях, которым подвергаются професс. союзы в действительности.

[2]) *Протоколы первой всеросс. конфер. союза раб. печ. дела.* Спб., 1907, стр. 13.

[3]) „*Профессион. Вестник*“. Спб., 1907, № 10, стр. 13.

[4]) Там же, № 6, стр. 12.

[5]) „*Листок для рабочих портных, портних и скорняков*“. Спб., 1906, № 10. Корресп. из Ростова на Д.

охране. Конечно, для самих союзов последнее обстоятельство было безразлично.

Несомненно только то, что зарегистрированные на точном основании закона союзы были стеснены в своих самых элементарных действиях. В Одессе градоначальник, напр., издал приказ, чтобы в помещении правлений союзов одновременно не собиралось *более трех лиц*. Ясно, что таким приказом убивалась в корне деятельность союза. Достаточно было быть в помещении правления трем должностным лицам союза, чтобы никто из посторонних не имел права войти в него. При этом полиция неусыпно следила за точным исполнением этого приказа. Этим не ограничилось вмешательство полиции. Последовало приказание открывать помещения правления только на те промежутки времени, которые были раньше об'явлены, как приблизительные часы приема. Наконец, ключ от помещения прявления должен храниться не у дежурного члена правления, а у дворника или хозяина дома [1]).

Подобное внешательство отнюдь не является исключительною особенностью одесской полиции. Повсюду, не исключая и столиц, полиция ограничивает совершенно произвольно деятельность союзов. Запрещение собираться в помещении союза, аресты собраний в последних, даже если там заседает только правление союза (Ростов-на-Дону, Петербург), бесконечные обыски как помещений союзов, так и членов правлений и, наконец, бесконечные и беспричинные аресты, высылки и даже ссылка различных должностных лиц союзов[2]),— таковы условия, при которых приходится действовать нашим легальным профессиональным союзам [3]).

Особенно тяжело отражались на деятельности союзов преследования администрации при устройстве общих собраний и при вмешательстве последней в экономическую борьбу.

Агитация—одно из самых необходимых условий для успешного развития профессионального движения,—была сведена в деятельности русских профессиональных союзов до минимума, благодаря невозможности свободно собираться. Не говоря уже о том, что за время существования союзов право собраний неоднократно отменялось властью местной администрации (напр., в Петербурге, в периоды с половины декабря 1905 г. до конца января 1906 г., после роспуска 1-й гос. думы, до начала 1907 г., после роспуска 2-й гос. думы, в течение $1^1/_2$ месяцев,—нельзя было вообще получить разрешения на собрание), но даже в «либеральные» периоды собрания «разрешались» с большим трудом, и в лучшем случае эти разрешения обставлялись целым рядом стеснительных обстоятельств.

---

[1]) „*Освобождение Труда*". Одесса, стр. 97.

[2]) В течение семимесячного существования московского союза рабочих по металлу из 48 человек правления и кандидатов к ним было арестовано и выслано 36. (*Первая конфер. професс. союзов раб. по металлу*. 1907, стр. 5).

[3]) Мы не имеем возможности останавливаться здесь на отдельных фактах полицейских преследований. Хронику их—хотя и не полную—можно найти в журн. „Профессион. Союз", 1906 г. и „Професс. Вестник", 1907 г.

Мы уже указывали в другом месте на петербургскую практику [1]; в провинции она была еще более стеснительна. В Одессе, наприм., одно время собрания были запрещены по воскресным и праздничным дням и могли происходить только в будни, причем только от 4 до 8 часов. Это стеснительное распоряжение было отменено только после угрозы (машино-строительных рабочих) забастовкой и посылки ходока в гос. думу. Но оно сменилось всякими придирками: «Требовали нотариального засвидетельствования подписей лиц, хлопотавших о собраниях, разрешали исключительно «деловые» собрания для выслушивания отчетов и выборов, окончательно перестали разрешать учредительные собрания для образования новых союзов, а в последнее время стали запрещать и общие собрания уже существующих союзов» [2].

В Нижнем-Новгороде смена губернатора ознаменовалась закрытием общества приказчиков, воспрещением созыва общих собраний обществу рабочих печатного дела на все время чрезвычайной охраны, недопущением общих собраний обществу рабочих судоходно-машинной команды, столярам, запрещением обществу портных библиотеки-читальни, запрещением чтений и лекций о профессиональном движении и т. д. [3].

На с'езде профессиональных союзов Донецкого бассейна в декабре 1906 г. вырисовалась яркая картина гонений на союзы со стороны заводской администрации и полицейских властей. Между прочим, юзовский генерал-губернатор после долгих настояний разрешил рабочим новороссийского общества (5.000 чел.) собраться на следующих условиях: собрание должно произойти непременно в будний день, число собравшихся не должно превышать 100 человек и список их должен быть отправлен в участок (!). Рабочие, конечно, не пожелали воспользоваться таким милостивым разрешением [4].

На 2-й конференции союзов рабочих по металлу центрального промышленного района (август 1907 г.) докладчики с мест нарисовали очень мрачную картину разрушения союзов. Между прочим, московскому союзу пришлось со времени первой конференции вести работу в самых невозможных условиях. На собраниях не позволялось говорить даже о заводских делах. Градоначальник Рейнбот заявил: «рассуждения о просветительной деятельности—не дело союза»! Сильно тормозилась деятельность и из-за отсутствия квартир. Домовладельцы, под давлением полиции, не сдавали их союзам [5].

В северо-западном крае еврейские рабочие фактически лишены права собраний, так как местная администрация не разрешает пользоваться на собраниях еврейским разговорным языком (жаргоном), единственно доступным рабочей массе. Не миновали профессиональные союзы и сенатских «раз'яснений». 16 мая 1907 г. правит. сенат раз'яснил, что «профессиональные общества не могут быть признаны

---

[1]) См. наш „Очерк разв. проф. дв. в С.-Петербурге". („*Образ.*", 1908, № 9).
[2]) „*Рабочий Союз*". М. 1906, № 3, корр. из Одессы.
[3]) „*Портной*". Спб., 1907, № 5—6, корр. из Н.-Новгорода.
[4]) „*Товарищ*", № 143, 1906.
[5]) „*Профессион. Вестник*", Спб., 1907, № 14, стр. 12.

имеющими право устраивать публичные собрания», а 6 июня, что «профессиональные общества не имеют права устраивать концерты, спектакли и вечера, так как это право не упомянуто в законе о профессиональных обществах».

В свое время как в профессиональной, так и в общей печати указывалось, что эти раз'яснения настолько-же вводят новые сильные ограничения в деятельность союзов, насколько не соответствуют тем законам, которые они раз'ясняют.

Среди сенатских раз'яснений мы находим только одно действительно правильное, именно о том, что «профессиональные общества имеют право составлять капиталы для выдачи пособий своим членам во время стачек, ибо законом 2 декабря 1905 г. экономические стачки не запрещены» [1]). Позже мы увидим, что местные администраторы «раз'яснили» и это раз'яснение, но, тем не менее, оно не теряет своего громадного принципиального значения для деятельности союзов.

Чтобы закончить картину тех ограничений и репрессий, которым подвергалась деятельность профессиональных союзов под флагом закона 4 марта, мы должны остановиться еще немного на практике *закрытия союзов.*

Нам незачем, конечно, и говорить, что, насколько затруднительно было возникновение союза и его существование, настолько же легко было прекращение деятельности союзов. Позже нам придется еще коснуться массовых закрытий профессиональных союзов в связи с усилением политической реакции и роспусками государственной думы 1-го и 2-го созыва, теперь же мы остановимся только на «индивидуальных» случаях.

Как мы указывали выше, официальные данные о числе закрытых союзов грубо не соответствуют действительности. К сожалению, профессиональные союзы до сих пор не имели возможности мало-мальски организовать свою собственную статистику. Мы не можем, поэтому, оперировать какими-либо достоверными цифрами и ограничимся только указанием причин закрытия союзов в наиболее типичных случаях.

Здесь пред нами опять целая гамма административных усмотрений. Союзы закрываются и за нарушение мелких формальностей,— как было недавно (октябрь 1907 г.) закрыто-петербургское общество печатников; за напечатание в уставе не на сооответственном месте подписи г. градоначальника,—как московский союз техников; и за «вредную агитацию» и найденную в помещении союза «брошюрку тендециозного содержания»,—как проф. об-во рабоч. и работниц пробочного производства в Одессе; и за поддержку забастовавших товарищей,—как союз приказчиков в Харькове; и за сбор в пользу жертв лодзинского локаута,—как союз рабочих по обработке металла в Брянске; и из-за «могущих быть незакономерных действий»,— как общество взаимопомощи прислуги в Тифлисе; и из-за напечатанного в московских газетах, вышедших в понедельник после роспуска 2-й

---

[1]) *„Торгово-Промышл. Газета“*, 1907, № 213.

гос. думы, аншлага — «напечатано с разрешения московского союза рабочих печатного дела»,—как был закрыт последний; и из-за об'явленного бойкота, как союз портных и портних в Москве, депутации которого московский градоначальник ген. Рейнбот заявил: «Вы ничего не имеете права делать без меня, приходите ко мне,—я день и ночь к вашим услугам; но сами ничего не смейте начинать; я этого не потерплю»! [1]) и т. д. и т. д.

В об'яснительной записке к проекту «временных правил об обществах и союзах» гос. сов. совершенно правильно отмечает, что «не поддается точному определению в законе, что следует понимать под целями или действиями, угрожающими общественному спокойствию и безопасности» (стр. 23). Но, вместо того, чтобы из этой верной посылки сделать верный вывод и не вводить в закон это туманное определение, государств. совет, совершив логический кунстштюк, преподставил административной власти разрешать все вызываемые этим определением сомнения.

Административная практика в этой сфере, как показывает вышеприведенный перечень, меньше всего, конечно, способствует вкоренению в рабочие массы сознания «законности», а беспрерывное разрушение,по усмотрению того или иного администратора, профессиональных организаций, созданных с затратой стольких сил и жертв, не только не ослабляет в рабочих массах, но еще больше усиливает в них «соблазн уклонения в сторону политики».

III.

Посмотрим теперь, как отнеслись к охарактеризованному нами выше закону 4 марта существовавшие в то время профессиональные союзы, из которых многие возникли в революционную эпоху октябрьских дней, которые все действовали на почве «захватного права», вне какого бы то ни было надзора со стороны государственных властей.

Слухи о скором опубликовании закона о профессиональных союзах проникли в печать уже в середине января 1906 г. Это обстоятельство заставило петербургское и московское Центр. Бюро профес. союзов, обсуждавших уже в то время необходимость созыва второй всероссийской конференции проф. союзов для решения целого ряда организационных вопросов, поспешить с ее созывом и поставить на ней в первую очередь вопрос о новом законе. Было ясно, что к каким бы решениям конференция ни пришла, борьба с ограничительным законом будет тем более продуктивной, чем больше единства проявят профессиональные союзы в своей тактике по отношению к закону.

Вторая конференция, состоявшаяся в конце февраля в Петербурге, закончила свои занятия за неделю до официального опубликования закона 4 марта. И, хотя конференция имела в своих руках как текст правительственного законопроекта (см. примеч. на стр. 80), так и текст исправленного госуд. советом законопроекта, тем не менее

---

[1]) *„Портной"*, Спб., 1907, № 3—4, корр. из Москвы.

существовавшая во время заседаний конференции неопределенность относительно будущего закона известным образом отразилась как на дебатах, так и на постановке вопроса. Инициаторы конференции предполагали, что конференция, обсудив общую линию поведения по отношению к закону о союзах, выработает в то же время целый ряд практических мер для ограждения действительной свободы союзов и их боевого характера; особенно много надежд на конференцию в этом отношении возлагали провинциальные союзы.

Между тем, конференция занялась, главным образом, принципиальным вопросом, при каких условиях вообще могут союзы легализоваться, и могут ли и должны ли союзы легализоваться с точки зрения переживаемого момента?

Первая половина этого вопроса, в общем его виде, не могла возбудить разногласий уже в силу состава второй конференции. Вторая же половина вопроса возбудила тем более споров, что оценка «переживаемого момента» являлась в то время одним из наиболее злободневных и спорных вопросов. Декабрьские ужасы отходили в прошлое, наступала волна политического под'ема, и если в политической жизни с одной стороны господствовали преувеличенные надежды на госуд. думу, то, с другой стороны, еще царили над умами крайние боевые лозунги, в пользу которых пытались даже интерпретировать декабрьские события в Москве и др. городах.

Окружающая политическая атмосфера отразилась и на работах конференции. Поэтому первый же оратор после докладчика начал с «оценки момента». «Мы живем в переходное время, когда в жизни куются права. Мы решительно не использовали бы момента, если бы пошли по старому руслу законности,—говорил он,—останемся же попрежнему на почве революционного захватного права. Считаться с этими временными правилами совершенно излишне, так как они не имеют никакого значения»[1]). Лодзинский делегат доказывал, что «вопрос о легализации—вопрос тактики, и решает его оценка того, приблизит-ли нас легализация к новой революционной вспышке, поднимет ли она революционное настроение масс? С этой точки зрения я признаю легализацию вредной» (стр. 156). Варшавский делегат, представлявший наиболее крайне эту точку зрения, указывал: «конечно, если бы настоящее законодательство не было временное, если бы оно выражало действительное соотношение общественных сил, если бы мы стояли перед ликвидацией революции или затяжною реакцией, тогда могда бы быть речь о том, как, пользуясь точным смыслом закона, превратить союзы без вреда для их деятельности в юридически оформлен-

---

[1]) *Вторая конфер. профессион. союзов.* Спб., 1906 г., стр. 148—153. Небезинтересно для иллюстрации политических „настроений" отметить, что автор этих слов немногим позже, чем через год, отстаивая необходимость регистрации союзов соответственно требованиям закона 4 марта и указывая, что „на эту же точку зрения стали постепенно и все профессиональные союзы", находил, что „*некоторый диссонанс* внесла так называемая 2-ая конференция профессиональных рабочих союзов" (н. к.). (*В. Сеятловский.* Современное законодательство о профессиональных рабочих союзах. Спб., 1907, стр. 125).

ные... По моему мнению, все попытки действовать в рамках легальности действуют угнетающим образом на революционное настроение масс, а потому недопустимы» (стр. 150—151).

Эти взгляды на «легализацию» союзов вытекали из ошибочности основной точки зрения части делегатов на задачи и современное положение профессионального движения в России, опиравшейся на пережитки старых теорий об «использовании» профессионального движения, о «тред-унионистской» тенденции в развитии рабочего движения. Виленский делегат формулировал эту точку зрения так: «Мы должны признать, что главное значение профессионального движения в том, поскольку *оно способствует партийной работе*» (н. курс., стр. 153). Варшавский делегат видит «задачи профессионального движения в развитии революционного настроения в массах» (стр. 157). По его мнению, «о профессиональном движении (в России), как о таковом, сейчас и речи быть не может» (стр. 151).

Этой точке зрения на профессиональное движение и на легализацию союзов была противопоставлена другая. В качестве делегата от петербургских профессиональных союзов, автор этих строк, ссылаясь на материал, который дали отчеты делегатов о положении дел на местах,—и в частности отчеты Варшавы, Вильно и Лодзи,—показал, что профессиональное движение в России есть не «фикция», а *факт*. Иначе и быть не могло. Противоположность интересов как политических, так и экономических наемных рабочих и капиталистов не прекращается и в наиболее революционные моменты жизни страны. Эта противоположность интересов приводит к беспрерывной борьбе наемных рабочих против капиталистов. Российский пролетариат вел, ведет и будет вести эту борьбу независимо от того, какой политический строй сложится в России. Экономические и политические интересы рабочих тесно друг с другом переплетены. Экономическая профессиональная борьба требует полной демократизации политического строя. Она непреодолимо толкает рабочих на путь политической борьбы. Но политическая борьба не должна, однако, заслонять важности значения экономической борьбы. Поэтому, отдавая должное серьезности настоящего революционного момента, сознательные элементы пролетариата не могут и не должны упускать из своих рук руководства экономической борьбой. Уже при минимальной политической свободе экономическая борьба находит себе точки опоры в форме профессиональных союзов, т.-е. открытых организаций широких рабочих масс, и перед сознательными элементами рабочих не ставится вопрос: быть или не быть профессиональным союзам, а взять-ли на себя руководство этими союзами или же предоставить их волнам стихии? Ответ может быть только один, и сознательные рабочие в России уже дали его. Они стали во главе профессионального рабочего движения. Теперь, когда реакция пытается отнять у рабочих завоевенные ими свободы, они не отступят от него только потому, что закон извращает понятие профессионального союза. Ведь нужно ясно отдавать себе отчет в политической кон'юнктуре. Февраль 1906 г.—это не октябрь—ноябрь 1905 г. Власть теперь в руках реакции, и, как только будет издан

закон, о «явочном» порядке нельзя будет и думать. Уйти в подполье профессиональные организации не могут. Подпольное существование отражается вредно и на политических организациях, для профессиональных же организаций—это смерть.

Признав это и согласившись с тем, что профессиональное движение есть факт, которого не могут уничтожить никакие законы, мы придем к выводу, что «бойкотировать» закон—это значит играть на руку «гапоновщине», «ушаковщине» и т. п. Необходимо использовать закон, который дает все-таки возможность открытого существования широких рабочих организаций, но использовать, считаясь с ним только формально, *содержание же деятельности профессиональных союзов должно остаться таким, каким его обусловливает экономическая борьба рабочих против капиталистов.* В этом случае перед профессиональными союзами станет еще одна задача—*расширить рамки закона до полной свободы коалиций и стачек.*

Мы позволили себе остановиться так подробно на нашей аргументации в изложении, записанном нами под непосредственным впечатлением конференции [1]), только потому, что почти двухлетняя практика подтвердила полностью выставленные в ней положения.

Уже на конференции провинциальные делегаты (Одесса, Киев, Н.-Новгород, Николаев) целым рядом фактов подтвердили, что профессиональные союзы должны существовать открыто, а так как провинциальные власти своими репрессиями совершенно уничтожили возможность существовать «явочным» порядком, то пред ними стоит дилемма: или воспользоваться законом, или отказаться от организации союзов.

Конференция должна была считаться с этим, и потому, в свою резко негативную резолюцию внесла следующую оговорку: «В случае же, если проектируемый закон войдет в силу, конференция считает допустимым, в виде исключения, при полной невозможности существования союзов на других основаниях, использовать этот закон, превращая его из орудия закабаления рабочего класса в исходный пункт новой, еще более упорной борьбы для завоевания права стачек и коалиций» [2]).

Как мы уже знаем, «проектируемый закон» был опубликован через неделю после окончания заседаний конференции и через три недели «вошел в силу», а тиски полицейского режима, усиливавшегося с каждым днем, несмотря на выборы в первую Гос. думу, делали «полную невозможность существования союзов на других основаниях» не «исключением», а общим правилом для всей России. Усиливающаяся реакция не допускала возможности существования союзов на почве «революционного захватного права». И жизнь ставила профессиональные союзы пред той дилеммой, на которую мы указывали на конференции. Союзы должны были использовать закон

---

[1]) *В. Гриневич.* Вторая конференция професс. союзов. „*Професс. Союз*“, 1906. № 16—17, стр 35—36.

[2]) *Вторая конференция професс. союзов.* Спб., 1906, стр. 25.

4 марта или уйти в подполье. Они предпочли сделать первое. Вот почему вышеприведенная оговорка в резолюции конференции *сделалась фактически руководящей директивой для профессиональных союзов* [1]).

Обсуждение закона 4 марта как в столицах, так и в провинциальных Центральных Бюро и в отдельных профессиональных союзах обнаружило очень мало сторонников «бойкотирования» закона. Повсюду, во всех концах России, несмотря на все справедливое возмущение, вызванное в рабочей среде законом 4 марта, была сделана трезвая оценка политических условий и значения единственно положительной стороны закона 4 марта, *возможности для союзов существовать открыто*. Признав для себя необходимым воспользоваться законом, профессиональные союзы ограничиваются только исполнением формальных предписаний. Суб'ективно и об'ективно,—как мы это увидим в нижеследующих главах,—профессиональные союзы остаются тем, чем их создала экономическая действительность,—боевыми организациями рабочих для борьбы с предпринимателями за общее улучшение условий труда.

Практика русских профессиональных союзов показала, что нет опасности «принижения движения» законом 4 марта. Она оказала, несомненно, влияние и на тактику бундовских профессиональных союзов (еврейских рабочих), представители которых на конференции, как мы видели, были наиболее ярыми противниками «использования» закона. В середине июня 1906 г. Центр. Комитет Бунда разослал по всем бундовским организациям заявление, в котором он предлагает последним *легализировать профессиональные союзы*. Свое решение Ц. К. мотивирует, с одной стороны, необходимостью лучше организовать профессиональную борьбу, с другой стороны, необходимостью создать такие центры, вокруг которых могли бы сконцентрироваться рабочие массы [2]). Учредительный с'езд всеобщего союза кожевников, состоявшийся весной 1907 г. и на котором были представлены 17 проф. союзов кожевников из 16 городов и местечек преимущественно северо-западного края, также высказывался за легализацию союзов на основании закона 4 марта, рекомендуя в то же время «и в этих узких легальных рамках вести экономическую борьбу во всем ее об'еме. Одновременно с этим союзы должны добиваться замены этих узких рамок полной свободой союзов» [3]).

До последнего времени принципиально высказывались против легализации на основе закона 4 марта только польские профессиональные союзы, примыкающие к польской социал-демократии.

---

[1]) „Временные правила об „обществах и союзах" явились исходным пунктом новой волны роста союзов. Неуклонно идя по ясно намеченному второй Всероссийской конференцией проф. союз в пути постоянного „использования" названных правил, местное профессиональное движение сделало ряд крупных побед в области экономических завоеваний и укрепления своих организаций",—читаем мы в органе, стоявшем близко к одесскому Ц. Б. проф. союзов (*„Южный проф. листок"*. Одесса, 1906 г., № 1, стр. 6).

[2]) Цитируем из *„Yolkszeitung"* по *„Профессион. Союзу"*. 1906, № 20—21, стр. 43—44.

[3]) *„Наша Трибуна"*. Вильна, 1907, № 12, стр. 24—25.

Нужно, впрочем, сказать, что военный режим, царящий в Польше, не дает возможности легализоваться даже и тем союзам, которые этого желают. После роспуска 2-й госуд. думы в Москве и Московской губернии, как и во многих местах, не отменив официально действия закона 4 марта, местная администрация фактически не регистрирует ни одного устава професс. союза. На этой почве во фракции большевиков с.-д. подняло голову течение, агитировавшее против легальных профессион. союзов и за устройство нелегальных проф. союзов. Особенно рельефно это течение выразило свои взгляды в известной резолюции московской областной партийной конференции [1]) (август 1907). Эта агитация, однако, обречена в широких рабочих массах на неуспех, потому что грозит превратить открытые профессиональные организации рабочих масс в заводские придатки партийной конспиративной организации.

Несомненно, что существование самодеятельных организаций,—и, особенно, рабочих профессиональных союзов,—в рамках полицейско-бюрократического режима полно внутренних противоречий. Сколько бы этот режим ни пытался ограничить формальными рамками деятельность этих организаций, само появление которых обусловлено экономическою необходимостью, он уже в силу своих специфических свойств не в состоянии ни уследить, ни остановить развития последних, потому что эти организации связаны всем своим существом тысячами невидимых нитей с живою действительностью. Вот почему, наши профессиональные союзы, зарегистрированные на основании закона 4 марта, действовавшие под неусыпным надзором администрации, облеченной неслыханными нигде исключительными полномочиями, развили полностью деятельность боевых профессиональных организаций западно-европейского типа; несмотря на все ограничения закона, профессиональные союзы на местах создали органы для об'единения их деятельности, больше того,—во многих местах эти органы выступали, как официальные учреждения (участие екатеринославского Ц. Б. в реорганизации фабрично-заводской больницы, присутствие официальных представителей петербургского Ц. Б. в думской комиссии по организации общественных работ для безработных и т. д.); несмотря, наконец, на все ограничения закона, профессиональные союзы развили широкую деятельность в направлении областного и всероссийского об'единения союзов одних и тех же профессий.

Конечно, в руках государственной власти имеется всегда средство для разрешения этих противоречий,—*сила, прекращающая существование самодеятельных организаций.* Но, поскольку это средство применяется в частных случаях, оно не достигает цели, поскольку оно было бы применено для окончательного уничтожения семодеятельных организаций, оно означало бы возвращение к положению, когда,—

---

[1]) См. *В. Гриневич.* Два пути. „*Проф. Вестник*“, № 14 и *К. Дмитриев.* Плохой совет. „*Рабочий по металлу*“, № 22.

говоря словами госуд. совета,—«отрицательные стороны быта рабочих естественно ставились всегда в укор правительству, и движение рабочих, вместо того, чтобы задаться целью улучшения их экономических и социальных условий, приняло характер революционной борьбы с осударственным порядком» [1]).

---

[1]) *Закон 4 марта 1906 г.* Спб., тип. М. В. Д., стр. 37.

ГЛАВА V.

Организация и функции профессиональных союзов.

I.

Революционная атмосфера октябрьских дней, давших сильный толчек развитию профессионального движения в России, мало благоприятствовала планомерному оформлению союзов. Мы уже указывали выше, что за исключением союзов, сложившихся в предшествовавший период, громадное большинство профессиональных союзов, возникших в октябрьско-ноябрьские дни, представляли из себя в сущности только организационные ядра из сознательных рабочих, задачей которых была по преимуществу агитация за профессиональное об'единение. Только декабрьская реакция, уничтожившая большинство этих зачаточных организаций, поставила серьезно перед профессиональным движением организационный вопрос.

Опубликование закона 4 марта сильно усложнило последний. Профессиональное движение при выработке своих организационных норм должно было теперь считаться не только с теми естественными условиями, которые определялись как развитием производственных отношений, так и развитием самого профессионального движения, но оно принуждено было считаться также и с совершенно искусственными ограничениями закона.

Бюрократическому аппарату государственной власти было гораздо легче следить за формой профессиональных рабочих организаций, чем за содержанием их деятельности. Вот почему, гораздо легче проследить влияние закона 4 марта на организационные формы профессиональных союзов, чем на их функции. Нужно, впрочем, прибавить, что в данном случае наши профессиональные союзы, следуя западно-европейскому опыту, умышленно приспособляли до известной степени свои организационные формы к требованиям закона и полицейским условиям, желая охранить неприкосновенность своих функций.

Однако, при всем этом и организационное строительство далеко выходит за пределы закона 4 марта, основной ошибкой которого является то, что он на десятилетия отстал от хода действительности. Поэтому, будущий историк нашего профессионального движения сделал бы большую ошибку, если бы он судил о деятельности и организации наших союзов по их уставам. Закон 4 марта превратил

последние из ценного документа, отражающего программу и строение союза, в канцелярскую «отписку».

Преобладающей формой профессиональных организаций в России являются *союзы по производствам* (Industrieverband), охватывающие рабочих всех профессий в данном производстве, как, например, союзы рабочих по металлу, союзы рабочих печатного дела, союзы рабочих по обработке дерева, текстильных рабочих и т. д. Правда, при возникновении союзов в октябрьские дни распределение рабочих по отдельным союзам (размежевание союзов) представляло из себя очень пеструю картину, в различных городах рабочие родственных профессий сочетались в союзы самым разнообразным порядком. Кроме того, повсюду, за исключением Петербурга, и особенно, в провинции, на юге, организовались не только союзы по профессиям или цехам (Branchenverband) как, например, союзы модельщиков, ткачей, столяров и т. д., но даже союзы отдельных подцехов, как, например, союз рабочих заказных дамских верхних платьев в Одессе [1]).

Поэтому, вторая конференция профессиональных союзов, обратив внимание на то, «что во многих местах в родственных профессиях организуются самостоятельные союзы», рекомендовала «при организации союзов не дробить их по мелким отраслям профессий» [2]). Под влиянием, отчасти, этого постановления конференции, а главным образом, под давлением производственных отношений в дальнейшем развитии профессионального движения, преобладание получают союзы по производствам.

Условия для образования союзов по производствам у нас в России особенно благоприятны. Союзы создаются при наличности более развитого капитализма, чем в свое время на Западе, на почве широко раскинувшегося машинного производства или подчиненной крупному капиталу домашней промышленности. С первых же шагов союзы сталкиваются с быстро и свободно организующейся силой предпринимателей и применением предпринимательскими союзами самых утонченных «европейских» способов борьбы (локауты, черные списки). И строятся союзы, как общее правило, на чистом месте, не имея надобности считаться с ранее существовавшими организациями [3]). Более того, традиции экономической борьбы предыдущего периода, когда стачки обыкновенно охватывали все предприятие, психологически способствовали организации союзов по производствам. Они являются господствующими как в фабрично-заводских предприятиях, так и в ремесленных отраслях производства. Среди первых заметно стремление организоваться в самостоятельные союзы только у модельщиков, среди вторых у литографов, переплетчиков, граверов

---

[1]) „В Москве, в противоположность Петербургу, наблюдается чрелвычайное дробление союзов". (*К. Дмитриев.* Проф. союзы в Москве. Спб., 1906, стр. 30).

[2]) *Вторая конференция професс. союзов.* Спб., 1906, стр. 29 и 184—188. Этому вопросу на конференции был посвящен специальный доклад. Выставленные в нем положения развиты докладчиком подробно в главе III (Размежевание союзов) его ценной работы. *К. Дмитриев.* Из практики профессионального движения в России. Организация союзов. Ор. 1907 г., стр. 41—64.

[3]) *К. Дмитриев.* Из практики проф. дв. Стр. 50.

(в Москве), машинных рабочих. Однако, происходящий за последние $1^1/_2$ года процесс всероссийского и областного об'единения союзов отдельных производств заставляет и эти союзы примыкать или входить полностью в родственные им организации (союзы рабочих по металлу, союзы рабочих печатного дела).

Преобладание союзов по производствам поставило пред русским профессиональным движением тем более остро вопрос о делении союза на секции и взаимных отношениях между последними. Крупное производство, об'единяя в предприятия рабочих различных профессий, не настолько еще нивелирует условия их труда, чтобы на ряду с созданием общих интересов уничтожить специальные интересы отдельных профессий. При этом условии, очевидно, прочность профессиональной организации будет зависеть от того, насколько последняя, отстаивая общие интересы рабочих данного производства, способна обеспечить защиту и этих специальных интересов. Сложность производственных отношений между отдельными профессиями в различных производствах, различная зависимость одной профессии от другой не дают возможности установить какую-либо определенную систему взаимных отношений секций в союзах по производствам. Разнообразию отношений должно соответствовать и разнообразие организационных форм [1]).

Нужно к этому добавить, что эти организационные формы не представляют из себя чего-либо прочного, застывшего. С развитием движения, с расширением функций союзов и сферы их влияния изменяются взаимные отношения секций и пределы автономии последних. Поэтому в практике русских союзов мы встречаем, с одной стороны, такие союзы по производствам, в которых профессиональные различия в его составе не находят почти отражений в его строении, во всяком случае они не закрепляются организационно в его строении. Все органы союза выбираются всеми членами союза, независимо от принадлежности их к различным цехам и профессиям. Рядом с постоянными союзными органами существуют зачаточные формы автономных секций в виде собраний уполномоченных от данной профессии или общего собрания его членов. Они не имеют ни своей кассы, ни своих исполнительных органов. Их постановления не имеют обязательной для союза силы. Роль их сводится, главным образом, к подготовке материала для общесоюзных решений, они же часто служат одним из орудий для исполнения последних. Подобные формы организации имеют место там, где общие всему союзу интересы почти целиком поглощают и покрывают интересы отдельных цехов и профессий, что обусловливается взаимною технической зависимостью последних в производстве (с. р. по металлу, с. р. печатного дела и др.).

С другой стороны, прямую противоположность первому случаю представляют те организации, в которых центр тяжести лежит в секциях, а об'единенный орган их имеет незначительные полномочия

---

[1]) *К. Дмитриев.* Из практики проф. движения, стр. 101.

и сравнительно узкую область деятельности. В этом случае организация представляет из себя скорее не один союз, а более или менее тесную федерацию отдельных союзов. Примером такой организации может служить, напр., корпорация городских рабочих в Москве в 1905 г. Только общность предпринимателя об'единяет ее членов [1]). К этому же типу организации приближаются союзы строительных рабочих. С.-Петербургский союз архитектурно-строительных рабочих распадается на восемь секций. Общее правление состоит из представителей секций. Каждая секция имеет свой совет делегатов и даже свои собственные кассы из специальных источников (от производимых секцией работ). Забастовки общие (цеховые) нуждаются в санкции общего правления.

Между этими двумя крайними организационными формами располагается целый ряд переходных ступеней: влияние отдельных профессиональных групп на состав общесоюзных учреждений, влияние их на состав исполнительного органа, выделение секциями самостоятельных органов (делегатские собрания по профессиям, цеховые комиссии), выбор специальных делегатов для цеховых собраний по более низкой норме (модельщики в Москве), расширение компетенции секций, в виде права на образование самостоятельных касс, фондов и т. д. из добавочных взносов членов секции или специальных доходов (см. выше), и наконец, даже право секций в известных случаях, более или менее самостоятельно, об'являть стачки.

Значительное расширение рамок автономии секций, ослабляя внутренне организационную связь союза и выдвигая в секциях на первый план специальные цеховые интересы, понижает, несомненно, боевую силу и готовность союза. Это соображение легло в основу решений профессиональных конференций по вопросу о внутреннем строении союза. Первая всероссийская конференция печатников, высказавшись за слияние на местах союзов отдельных профессий печатного производства и «считая деление единого союза на секции нежелательным в виду того, что такое деление ведет к понижению боевой способности союза», все же рекомендовала, однако, «признавать секционное выделение отдельных профессий, в случаях, если таковые грозят отколоться в отдельный союз». Причем, «при образовании секций автономия для них допускается лишь в пределах, не противоречащих боевой способности всего союза. Касса должна быть централизована» [2]).

Признание необходимости иметь общую, централизованную кассу и сосредоточить руководство стачками в руках союзного правления, а роль цеховых комиссий ограничить служебными целями, характеризуют постановления не только первой конференции союзов рабочих по металлу и первой конференции союзов портновского цеха, но

---

[1]) *К. Дмитриев.* Из практики проф. движения, стр. 103 и след.

[2]) *Протоколы первой всерос. конфер. с. р. печатного дела.* Спб., 1907, стр. 122.

и постановления о внутреннем строении союзов первой конференции архитектурно-строительных рабочих [1]).

Конечно, эти поставновления могут быть признаны союзами только как руководящие директивы. Внутреннее строение союзов находится еще только в процессе оформления, чтобы можно было подчинить их строго очерченным нормам. И насколько вредно для боевой силы союза излишнее расширение автономии секций, настолько же грозят единству профессиональных союзов излишние преграды, которые могут им ставиться. Здесь может действовать только общий руководящий принцип, который К. Дмитриев, следуя С. и Б. Беббам [2]), устанавливает в своей цитированной нами книге: *Для обеспечивания или отстаивания своих специальных интересов каждой профессиональной группе в союзе должна быть предоставлена автономия, но, однако, так, чтобы эта их самостоятельность не нарушала интересов их товарищей по союзу.*

II.

Органами союзов на местах,—как общее правило,—являются: *законодательным*—общее собрание всех членов союза, *исполнительным*—правление союза, выбираемое общим собранием.

В эту общую схему управления союзом, которую можно найти положительно во всех уставах русских прпфессиональных союзов, жизнь внесла значительные поправки. Уже выше мы указывали, что в некоторых союзах по производствам правление состоит из представителей отдельных секций, выбираемых на секционных общих собраниях. В союзах, охватывающих большую территорию, правление выбирается не одним общим собранием, а составляется из членов, делегируемых районными правлениями, выбираемыми в свою очередь районными общими собраниями членов союза (напр., С.-Петерб. союз раб. по металлу [3]). Союз рабочих печатного дела в С.-Петербурге—под слиянием административных репрессий—также должен был разбить ввою деятельность на 12 районов, причем в каждом районе выборные избирали председателя и секретаря. Районные председатели входили с правом решающего голоса в правление, выбиравшееся общим собранием [4]). Приблизительно таким же методом избиралось правление в С.-Петербургском союзе приказчиков.

Но наиболее значительные преобразования в организацию органов управления союза внес и при своем дальнейшем развитии еще внесет *институт делегатских собраний* (советы выборных уполномоченных, представителей, депутатов и т. д.), играющий в русском профес-

---

[1]) *Постановления 1-го совещания (конференции) архитектурно-строительных рабочих.* М. 1907, стр. 21—22.

[2]) *С. и Б. Веббы.* Теория и практика английского тред-унионизма. Спб., 1900 т. I, стр 96.

[3]) *Первая конференция проф. союзов раб. по металлу*, стр. 35—36.

[4]) См. „*Голос Печатника*“, Спб., 1906. №№ 7, 8 и 9.

сиональном движении очень важную роль [1]). Мы уже указывали во II-й главе, что депутатские советы, состоявшие из выборных по мастерским или заводам и фабрикам, для обсуждения профессиональных нужд рабочих данного производства, явились теми зародышами, из которых в дни свободы развились современные профессиональные союзы во многих производствах. С другой стороны, мы указывали, что петербургский союз рабочих печатного дела, возникший в половине 1905 г., не имея возможности устраивать общие собрания, учредил, для распространения своего влияния на более широкие массы рабочих печатников и для установления более тесной связи между ними и правлением союза,—совет выборных от типографских заведений.

В октябрьско-ноябрьские дни, когда беспрепятственно устраивались многочисленные митинги и собрания, когда свобода слова ничем не была ограничена, учреждения вроде советов выборных отступают на задний план. Тем более выростает их значение с наступлением реакции, когда, с одной стороны, на союзы посыпался град правительственных репрессий, а с другой стороны, была до крайности затруднена возможность общения организации с рабочей массой. Советы выборных являлись в этот момент единственными связующими звеньями. Эта роль советов выборных была быстро оценена деятелями профессионального движения. Поэтому, напр., петербургский союз рабочих по металлу, сладывающийся весною 1906 г., с самого своего возникновения вводит у себя институт делегатских собраний (районные делегатские советы и общегородской делегатский совет). Еще раньше он был введен в союзе приказчиков.

Препятствия, чинимые администрацией союзам при устройстве общих собраний и все усиливающиеся репрессии правительства по отношению к союзам заставили последние обратить внимание на делегатские собрания. После официального закрытия всех союзов в Петербурге по случаю роспуска 1-й гос. думы союзы текстильных рабочих, портных, деревообделочников, булочников и др. вводят в свою организацию институт делегатских собраний. По тем же самым основаниям институт делегатских собраний (советов) получает сильное распространение как в Москве, так и в провинции. В своем докладе о положении союзов рабочих печатного дела на конференции печатников Орган. Бюро указывает, что «постоянные организации уполномоченных имеются в Петербурге, Москве, Н.-Новгороде, Самаре, Одессе, Симферополе, Мелитополе, Киеве, Саратове, Риге, Варшаве, Баку, Екатеринославе, Харькове, Вильно и Архангельске, охватывающие в общем 17,000 (платящих) членов союза, т.-е. составляющие более $^4/_5$ всех членов раб. печ. дела» [2]).

---

[1]) Не можем не отметить без удивления указание В. В. Святловского в его книге (Проф. дв. в России, стр. 152), что *„делегатские собрания“* „являются характерною особенностью *организации* одесских профессиональных союзов“ (к. подч.). Неужели автору неизвестно, что институт делегатских собраний достиг наиболее полного развития в столицах (Петерб. и Москве)?

[2]) *Протоколы первой всеросс. конф.* с. р. печ. дела. Спб., 1907, стр. 9.

Принципы, которые кладутся в основание организации делегатских собраний (советов), различны для отдельных союзов. Так, в союзах рабочих печатного дела уполномоченные (выборные) избираются всеми рабочими данного типографского заведения, с требованием, однако, чтобы выборный был членом союза (§ 3 инстр.) [1]), таким же способом составляются советы уполномоченных и во многих ремесленных союзах (булочники, портные, сапожники) [2]). Наоборот, в петерб. и московских союзах рабочих по металлу, в текстильных и других фабрично-заводских союзах делегаты выбираются только членами союзов по мастерским и отделениям по одному на определенное число членов (обыкновенно 1 на 50). Очевидно, в первом случае советы выборных представляют интересы не только членов союза, но и всей массы рабочих данного производства. Во втором случае советы выборных имеют больше характер союзного представительства.

Отчасти в зависимости от этого различия, отчасти в зависимости от различия задач, которые возлагаются на советы делегатов в отдельных союзах, решается различно и вопрос о законосовещательном или законодательном их характере. Так, цитированный нами выше доклад Орг. Бюро печатников указывает, что в Петербурге в начале 1906 г. вопрос этот был решен в том смысле, что уполномоченные имели лишь совещательный голос [3]). В Москве, наоборот, уполномоченные имели решающий голос. В Одессе собрание выборных получило решающий голос по всем вопросам, кроме кассовой отчетности. В Киеве молодой союз сразу предоставил решающий голос уполномоченным. В союзах рабочих по металлу общегородской делегатский совет является обыкновенно *«высшим законодательным органом союза»* [4]).

С развитием и укреплением института делегатских собраний они все больше получают признание, как законодательные учреждения. Еще летом 1905 г. первая конференция профессиональных союзов портновского цеха указала на то, что, «кроме общего собрания и правления, важно создать советы уполномоченных, которые в дальнейшем должны превратиться в больших городах в *полномочный законодательный орган союза»* [5]). Первая всероссийская конференция печатников (апрель 1907) высказалась еще более решительно. «Признавая, что в крупных союзах общее собрание не может быть повседневным руководящим органом союза, конференция считает необходимым признание собрания выборных *полновластным органом союза*, ответственным перед общим собранием, а правление—его исполнительным органом, ответственным перед ним за все свои действия» [6]). Ответственность

---

[1]) *«Вестник Печатников»*, Спб., 1906 г., № 5.

[2]) См. напр., „О совете делегатов от мастерских“ (*Листок для Портных, Портних и Скорн.* Спб., 1906, № 15), или „Что такое совет старост и что он должен делать?“. (*Листок Булочников и Кондитеров*, Спб, 1906 г., № 8).

[3]) Теперь совет выборных петербургского союза печатников является „законодательным учреждением“. (См. „*Жизнь Печатника*“, Спб., 1906 г, № 8).

[4]) См. § 1 Инструкции органам управления союза рабочих по металлу. Спб., 1907 г.

[5]) *«Листок для Рабочих Портных, Портних и Скорняков»*. Спб., 1906 г., №15.

[6]) *Протоколы первой всеросс. конф. с. р. печ. дела.* Спб., 1907, стр. 123.

правления перед делегатским собранием требовала логически того, чтобы правление выбиралось последним. И действительно, мы замечаем в последнее время, что многие союзы переходят к такому способу выборов правления. Проф. общ. машиностроительных рабочих г. Одессы еще в августе 1906 г. установило, что «вся власть от правления переходит к делегатскому собранию. Правление—исполнитель воли и избирается им» [1]). Цитированная нами выше инструкция органам управления петербургского с. раб. по металлу устанавливает также, что «правление союза в количестве 15 человек выбирается на общегородском делегатском совете» (§ II, 1).

Таким образом, союзная практика сделала центром союзной жизни делегатские собрания [2]). На обязанности правления лежит выполнение всех постановлений делегатского собрания, представительство союза в сношениях со всеми учреждениями и организациями и непосредственное управление внутренними делами союза (касса, канцелярия и т. п.). На обязанности общего собрания лежит высший контроль за деятельностью союза. На обязанности делегатских собраний лежит не только контроль за деятельностью правления, не только решение всех вопросов как внутренне-организационного строительства, так и внешней союзной политики, но—и в этом крупное значение этого института—и *постоянное представительство союзных интересов в рабочих массах.* Делегат (или выборный, уполномоченный) не только представляет интересы своих избирателей, участвуя в обсуждении и решении вопросов союзной жизни в делегатском собрании [3]), но и обратно, он представляет союзные интересы среди своих избирателей и вообще среди рабочих своей фабрики, завода или мастерской. На обязанности выборного лежит: сообщать своим избирателям о положении дел в союзе, проводить в жизнь различные постановления правления и совета выборных, устраивать собрания членов по мастерским для обсуждения с ними всех дел союза, вступать в переговоры с фабрично-заводской администрацией, следить за правильностью поступления членских взносов, распространять журнал и т. д., и т. д.

При добросовестном и аккуратном исполнении своих обязанностей делегаты являются для союза незаменимыми агитаторами и агентами, а при затруднительности устройства общих собраний, при неопытности и неумении рабочей массы решать в большом собрании быстро серьезные вопросы союзной жизни – делегатские собрания (советы) являются для союзов незаменимым учреждением, спаивающим и регулирующим всю союзную организацию и деятельность.

Непрерывные правительственные репрессии против союзов еще более усиливают значение института делегатских собраний. Во время официального закрытия союза, последний при посредстве делегатского собрания всегда может вести полулегальное существование. При по-

---

[1]) „*Союз*". Од., 1906 г., стр. 15.

[2]) *К. Дмитриев.* Из практики проф. дв. и т. д., стр. 93.

[3]) В союзах, охватывающих большую территорию, имеются, так-наз., районные делегатские собрания (советы), состоящие из делегатов данного района.

средстве делегатов правление остается всегда связанным с рабочей массой, так как устройство полулегальных собраний делегатов в небольшом числе (обыкновенно в этом случае увеличивается норма для выбора делегата: 1 на 100) не представляет особенно больших затруднений [1]). Как указывают некоторые признаки, местная администрация уже оценила со своей точки зрения эту роль делегатских собраний. В Москве, Одессе и др. городах делегаты подвергаются преследованиям, вплоть до ссылки. С.-Петербургский градоначальник, допускавший в течение года официальные собрания выборных печатников и других союзов, в числе причин, вызвавших закрытие петербургского общ. раб. печ. дела, выставил *незаконное* (?) существование совета выборных.

Мы не имеем возможности останавливаться здесь на других вопросах союзной организации. Скажем только несколько слов об организации кассы. Вторая конференция рекомендовала установить «при вступлении в союз, по возможности, невысокий вступительный членский взнос, одинаковый для всех». «Периодические взносы, по мнению конференции, желательны в виде процентного отчисления с заработка, и только в тех союзах, где невозможен и затруднителен учет заработка, вводятся взносы определенного размера» [2]).

Однако, союзная практика представляет в этом отношении очень пеструю картину. Размеры вступительных и месячных взносов сильно различаются даже в однородных союзах различных городов. Так, доклад Орг. Бюро печатников, на который мы уже выше ссылались, делает следующую сводку: *вступительный взнос* равен: 25 коп.—в двух союзах, 50 коп.—в 18 союзах, 1 р.—в 14 союзах, 3 р.—в 1 союзе; в 3 союзах совсем нет вступительного взноса, в одном союзе взнос установлен 2-х процентный, в одном—3-х процентный; в двух союзах взнос неопределенный, в 8 союзах взнос установлен по разрядам получаемого жалованья. *Месячный взнос* равен: 20 коп.—в 3 союзах, 25 коп.—в 1 союзе, 30 коп.—в 6 союзах, 35 коп.—в 2 союзах, 40 коп.—в 3 союзах, 50 коп.—в 3 союзах, 1 р.—в 1 союзе, 1 р. 80 коп.—в 1 союзе, 1% —в 18 союзах, 1½% —в 2 союзах, 2% —в 7 союзах и 4 союза имеют взносы по разрядам.

Из 18 организаций, представленных на первой конференции союзов рабочих по металлу, вступительные взносы имели: 1 р.—3 союза, 50 коп.—11 союзов, 25 коп.—3 союза и 20 коп.—1 союз; *месячные взносы:* 25 коп.—10 союзов, 1%—4 союза, 2%—3 союза и 2½%—1 союз [3]). Не менее разнообразны вступительные взносы и в польских союзах. Напр., в Варшаве вступ. взносы 30, 60, 90 коп.,

---

[1]) После закрытия, летом 1906 г., петербургского союза приказчиков, стали создаваться среди приказчиков делегатские собрания. Из представителей рыночных и районных делегатских комиссий образовалась *соединенная делегатская комиссия петербургских приказчиков* —раньше ставившая себе задачей только руководство борьбой за 10-часовой торг. день, а позже перенявшая все функции союза. („*Жизнь Приказчика*", Спб., 1907, № 1, стр. 6).

[2]) *Вторая конференция проф. союзов*, стр. 30 и стр. 133—144.

[3]) См. таблицу в приложении к проток. первой конф. с. р. по мет.

в Лодзи 1 р. 30 коп.,—в Домброве, Сельцах, Заверце—50 к., 75 к., и 1 р., в Ченстохове—25, 40, 60 коп. и т. д. [1]).

Отметим, наконец, то обстоятельство, что рост профессионального движения, с одной стороны, выдвигает из рабочей массы целый ряд способных организаторов—практиков *рабочих*, с другой стороны, он требует для союзной работы деятелей, которые посвящали бы ей все свое время. Таким образом, и в русском профессиональном движении уже начинает создаваться тот слой союзных деятелей—специалистов из рабочих, которые оказали неоценимые услуги в развитии английского и немецкого профессионального движения [2]). Наши «самобытные» политические условия не дают возможности им засиживаться на одном месте и превращаться в союзных «бюрократов». На их голову в первую очередь падают удары реакции—только в Петербурге за последний год были высланы председатели союза булочников, союза портных, союза литографов, секретари союза печатников, союза красильщиков, союза ткачей, союза золотосеребряников, союза деревообделочников, в Москве председ. союза печатников, мы уже не говорим о менее ответственных лицах. Но,—ирония русской жизни!—высланным из столицы профессиональным деятелям суждено распространять и применять в провинции знания и опыт стоящего на высшей ступени развития профессионального движения столиц [3]).

III.

Рассмотрим теперь деятельность профессиональных союзов.

Мы уже указывали в предыдущих главах (II и III), что, под влиянием целого ряда причин, профессиональные союзы в России сложились как боевые организации наемных рабочих для борьбы с предпринимателями за общее улучшение условий труда. Естественно, поэтому, что центром тяжести их деятельности явилось руководство экономической борьбой.

Посвящая этой области деятельности союзов специальную—следующую—главу, мы здесь рассмотрим остальные функции союзов, поскольку они получили более или менее серьезное развитие в русском движении. Эти функции можно разделить на три крупные

---

[1]) Союзы рабочих по металлу Царства Польского. „*Раб. по Металлу*“. Спб., 1907. № 14, стр. 11.

[2]) Вполне понятно, что работа таких деятелей оплачивается союзами; такие платные должности мы встречаем у союзов печатников, в Петербурге—(3), в Москве—(3), в Вильно, Самаре, Одессе, Киеве, Екатеринославе; у союзов рабочих по металлу в Петербурге—(2), в Москве—(2), в Баку—(6), в Луганске—(4), в Донецком бассейне—(7), в Саратове—(1); в большинстве столичных крупных союзов секретари правлений—платные должности. Те из союзных деятелей, которые посвящают союзной работе только свои свободные часы, или имеют посторонние источники для существования, работают в союзах, конечно, безвозмездно.

[3]) „Професс. Вестнику“ пишут, напр., из Казани: „Достаточно было приехать опытному и энергичному товарищу из С.-Петербурга, как союз (булочников) быстро стал расти“. („*Пр. В.*“, № 11—12, стр. 16).

группы: *взаимопомощь, культурно-просветительную деятельность и агитацию.*

Вопрос о *взаимопомощи* в жизни русских профессиональных союзов является одним из наиболее острых [1]). Союзная практика еще далеко не разрешила его, и нам, поэтому, придется здесь только указать те вехи, по которым намечается путь для разрешения вопроса о взаимопомощи в союзах. Трудность вопроса заключается в следующем. Едва только профессиональные союзы, приступив к своей деятельности, чуть-чуть приподняли завесу, за которой скрывались условия труда и жизни русских рабочих, как перед ними открылось море горя и печали: нищенский заработок, ужасные санитарно-гигиенические условия работы и еще более ужасные жилищные условия, полная необеспеченность в случае безработицы, болезни или смерти главы семьи, отсутствие медицинской помощи и над всем этим еще ежеминутно давящий правовой гнет. Пред профессиональными союзами, правда, была поставлена задача изменить коренные причины зла, улучшить общие условия труда, но в то же время профессиональные союзы не могли уйти от повседневной жизни. Потому что, уже не говоря о том, что борьба профессиональных союзов требует времени, что улучшение условий труда совершается постепенно, это улучшение условий труда, как бы относительно в массе оно ни было велико, не уничтожает индивидуальной нужды. Несчастные случаи: болезнь, смерть и безработица остаются висеть по прежнему над головой рабочего. И при отсутствии какой бы то ни было организации государственного или муниципального страхования рабочих, при отсутствии самостоятельных касс взаимопомощи, организации мелкого кредита, медицинской и юридической помощи— мысль рабочего направляется к профессиональному союзу, как к организации, которая должна не только стремиться улучшить условия труда в будущем, но и помогать в нужде рабочего в настоящем.

Перед профессиональными союзами стояла трудная дилемма. Потому что пойти навстречу этим запросам, ввести в деятельность союзов страховые функции на случай смерти, болезни и т. д., это означало бы понизить боевую способность союзов, уменьшить шансы той борьбы, которая является основною целью союзов; заменить улучшение общих условий труда помощью в отдельных несчастных случаях; это означало бы, наконец, вместо интересов массы поставить на первое место интересы отдельных лиц.

Против такого превращения боевых профессиональных союзов в кассы взаимопомощи говорили и другие соображения [2]). Страховые функции в союзах предполагают крупные взносы и сосредоточение в союзах крупных денежных капиталов, а последнее возможно только при более или менее прочном правовом положении рабочих органи-

---

[1]) Нужно, впрочем, сказать, что профессиональное движение всех стран переживало, каждое в свое время, острый кризис в этом вопросе.

[2]) Мы здесь оставляем в стороне рассмотрение принципиального различия между профессиональными союзами и кассами взаимопомощи (см. нашу статью: „К вопросу о взаимопомощи в професс. союзах", „*Проф. Вестник*", 1907, № 6).

заций и «союзов и обществ» вообще. В предыдущей же главе мы видели, каким случайностям подвержено существование рабочих организаций в России.

С другой стороны, постановка страхового дела требует хорошо оборудованной организации, опытных союзных секретарей, правильного счетоводства и т. д., и т. д. Какие бы успехи в этом отношении ни сделали русские союзы, все же даже в наиболее окрепших из них остается желать еще многого и многого.

Тем не менее, последние соображения играют сравнительно менее значительную роль, чем соображения политической целесообразности. Как бы ни смотреть на настоящее политическое положение, как бы ни оценивать взаимное отношение сил революции и контр-революции, несомненно то, что целый ряд острых вопросов, поставленных революцией, должен будет найти себе то или иное разрешение в ближайшие годы. А среди этих острых вопросов далеко не последнее место занимает рабочий вопрос. И если даже в «грозной» декларации Столыпина третьей г. думе нашло себе место упоминание о том, что «государственное попечение о неспособных к труду рабочих, страхование их и обеспечение им врачебной цомощи останавливает теперь особенное внимание правительства», то значит перед государственною властью поставлен остро вопрос о необходимости того или иного удовлетворения требований рабочих в области государственного страхования на случай смерти, болезни, несчастных случаев, потери способности к труду. И вовсе не нужно обманываться относительно того, что может выйти в этой области из сотрудничества столыпинского министерства и сословно-классовой государственной думы, чтобы понять, что профессиональные союзы, вводя теперь в свои функции страхование от перечисленных несчастных случаев, не имея при этом никаких шансов на успешное их выполнение, облегчают капиталистам и государственной власти остро стоящую теперь перед ними задачу государственного страхования [1]). Превращение боевых профессиональных союзов в кассы взаимопомощи в настоящий политический переходный момент не только уменьшит, в ущерб рабочему классу, материальную ответственность капиталистов и государства в государственном страховании, но и ослабит давление рабочих масс на государственную власть для достижения последнего.

Вот почему преобладающее большинство профессиональных союзов в России выбирает в вопросе о взаимопомощи средний путь. Признавая принципиально невозможным для союзов отказываться от функций взаимопомощи, они вводят у себя—по крайней мере в переживаемый период—только те функции взаимопомощи, *которые связаны с боевыми задачами союзов: помощь во время безработицы, дорожную*

---

1) В этом отношении очень характерны лицемерные заявления представителей промышленников на заседаниях „совещания по рабочему вопросу", в декабре 1906 г, о силе профессиональных организаций рабочих (См. „*Торг.-Пром. Газ.*", дек. 1906 г.).

помощь, юридическую помощь и, только отчасти с ними связанную, *медицинскую помощь.*

Так, вторая конференция професс. союзов, указывая, что «профессиональный союз ни в каком случае не должен превращаться в кассу взаимопомощи, а быть боевой организацией рабочих для борьбы против капиталистов», и что «поэтому большая часть всех поступлений должна отчисляться в особый стачечный фонд»,—допускала, что «союзы могут устанавливать выдачу пособий на случай безработицы, дорожную помощь при переездах для отыскания мест..., а в случае крайней необходимости, напр., при массовой безработице, при союзе могут быть организованы особые сборы, дополнительное обложение и пр.». („*Вт. конф.*", стр. 30 [1]).

Действительно, *помощь во время безработицы* является, как показывает союзная практика, одним из наиболее серьезных—после помощи во время стачек—видов материальной взаимопомощи в русских союзах [2]). Это стоит в несомненной зависимости с общим характером последних, потому что, как говорят С. и Б. Веббы, «главнейшая задача этого пособия состоит в защите нормальной заработной платы и других нормальных условий работы от посягательств капитала в плохое время, когда, вследствие конкуренции членов, нужда заставляет их принимать условия предпринимателя» [3]).

Безработица, этот бич рабочих в капиталистическом производстве, висит кошмаром над русским профессиональным движением с момента его возникновения до настоящего времени. Промышленный кризис, переживаемый Россией, главным образом, в металлургической

---

[1]) Для характеристики отношения к вопросу о взаимопомощи, мы приводим ниже резолюцию 3-го с'езда обществ вспоможения частному служебному труду, на котором представители профессиональных союзов составляли меньшинство:

„Принимая во внимание, что только путем упорной классовой борьбы, совместно с остальным пролетариатом, торгово промышленные служащие могут добиться улучшения своего положения, что в этих целях необходима организация массовых боевых профессиональных союзов, что большинство обществ взаимопомощи по узкому характеру преследуемых ими целей, высоким взносам, открывающим в них доступ только наиболее обеспеченным членам профессий, а также нередко и вследствие смешанного своего состава из предпринимателей и служащих, не могут заменить собою профессиональных союзов, принимая далее во внимание, что задачи помощи в известных случаях жизни должны быть возложены на капиталистов непосредственно или через государство, что поскольку помощь входит еще в функции рабочих организаций, последние должны подчинять ее задачам борьбы, что, между тем, в старых обществах взаимопомощь нередко принимает нежелательный благотворительный характер,—с'езд приглашая всех торгово-промышленных служащих вступить в боевые профессиональные союзы, признает необходимым, чтобы существующие общества взаимопомощи преобразовались в профессиональные союзы или сливались с ними, или же временно сохраняли свою самостоятельность, тем или иным путем фактически подчиняли всю свою деятельность, как касс взаимопомощи, профессиональным союзам". (*Протоколы 3-го всероссийского с'езда обществ вспоможе. частному служебному труду.* М. 1906, стр. 176—186).

[2]) Петерб. союз печатников за $1^1/_2$ года (до 1-го июля 1907 г.) израсходовал на помощь стачечников 16 077 р. 42 к. ($26^1/_2\%$), на помощь безработным 8.248 р. 56 к. ($13^1/_2\%$) (см. „*Жизнь Печатн.*". Спб., 1907 г., № 13—14).

[3]) *С. и Б. Вебб.* Теория и практика английского тред-юнионизма. Спб., 1900, т. I, стр. 131).

промышленности, был значительно осложнен политической реакцией после декабрьских поражений рабочих. Правительство ответило рабочим на октябро-ноябрьские политические забастовки, на попытки революционного проведения 8-часового рабочего дня, на декабрьские выступления—закрытием целого ряда казенных заводов. Частные предприниматели следовали примеру правительства и выбрасывали тысячи рабочих с семьями на улицу зимою, обрекая их на холод, голод, нищету... [1]). К тому же страна, еще не оправившаяся от последствий войны, была передана в руки нескольких десятков генерал-губернаторов. Началось господство неслыханного произвола сверху и вакханалия уличного террора «истинно-русских» людей снизу, это в свою очередь вызвало безумную эпопею «экспроприаций», прикрытых в начале идейным флером и обнаружившихся теперь до обыденных грабежей и убийств.

Произвол и анархия, господствующие наиболее резко в провинции, углубляли промышленный кризис и увеличивали с каждым днем армию безработных... [2]).

При таких условиях организовать более или менее удовлетворительным образом помощь безработным для профессиональных союзов, только что возникших, слабо оформленных, без каких бы то ни было или при очень слабых денежных средствах являлось, очевидно, непосильной задачей. А между тем необходимость прийти на помощь безработным диктовалась профессиональным союзам не только чувством товарищеской солидарности, но и интересами той борьбы, которая стоит в центре деятельности профессиональных союзов. Ведь армия безработных есть то орудие, которым капиталисты так охотно пользуются во время стачек для поставки штрейкбрехеров.

Конечно, в первое время в организации союзами помощи безработным отсутствовала какая бы то ни было планомерность. В отдельных союзах, в производстве которых имелись безработные, организовывались специальные сборы по заводам и мастерским, и затем эти деньги раздавались более нуждающимся безработным, при чем некоторым союзам удавалось организовать недурно это дело; так, в Петербурге союз рабочих картоно-картонажного производства собирает на безработных в декабре 1905 г. 440 р. 77 к., союз рабочих золотосеребряного производства с декабря по апрель 1906 года 1.518 р. 33 к., союз рабочих печатного дела по 1-е марта 1906 г. 1.344 р. 77 к., союз тружеников трактирного промысла постановляет отчислять 10% с заработка и собирает 2.111 р. 78 к. По сделанному нами к 1 сентября 1906 г. далеко неполному подсчету в 11 петербургских союзах поступило на безработных 10,547 р. 54 к., и выдано пособий безработным 7.208 р. 39 к. [3]).

---

[1]) „По сведениям Петерб. Сов. безработных, 63% безработных уволены с фабрик и заводов за стачки и „политику“ („*Наше дело*“. М. 1906 г., № 8 стр. 6).

[2]) См. *В. Мукосеев*. Промышл. под'ем или промышл. кризис. „Образование“, 1907, № 8, стр. 32.

[3]) См. *В. Гриневич*. Очерк развития проф. дв. в Петербурге, „Образование“, 1906 г., № 9, стр. 244 и № 10, стр. 126—127.—Мы должны здесь оговорить

Конечно, все эти суммы могли только в очень ограниченном размере удовлетворить нужды той массы безработных, которые были выброшены в декабре 1905 г. на улицу. Отсутствие в то время профессиональных союзов рабочих по металлу, которые составляли главный контингент безработных, вызвало необходимость создать в обоих столицах специальные организации безработных—«советы безработных». Мы здесь не имеем возможности останавливаться ни на истории их возникновения и развития, ни на критике их деятельности. Отметим только, что профессиональные союзы как в Петербурге, так и в Москве, оказывали свое посильное содействие всей положительной работе «советов безработных». Представители профессиональных союзов входили как в общегородской совет, так и в районные советы безработных. Представители петербургского Центр. Бюро професс. союзов входили как в исполн. ком. совета безработных, так и в комиссии при петерб. городской думе по исполнению безработными общественных работ. С другой стороны, профессиональным союзам приходилось открыто бороться с тенденциями, существовавшими в сов. безр., присвоить последнему функции руководства экономической борьбой и превратить его в своеобразное повторение Сов. Раб. Деп.

С упадком деятельности С. Б. и ростом профессиональных союзов, функции первого переходят постепенно к последним. В Москве, где попытка сов. безр. добиться общественных работ окончилась неудачно, и сам С. Б. был распущен, функции его всецело переходят осенью 1906 г. в руки московского Центр. Бюро професс. союзов. При Ц. Б. организуется об'единенная комиссия для помощи безработным. Комиссия составляется из представителей комиссий безработных при отдельных союзах. Союзы отчисляют из своих специальных средств на помощь безработным 50—70% на содержание столовых [1]). Вся организация безработных находится под контролем Центр. Бюро проф. союзов и социалистических партий. Столовые управлялись отдельными союзами и находились только в общем ведении об'единенной комиссии. При столовых обыкновенно концентрировалась вся организация безработных. Здесь производилась регистрация безработных, существовало бюро для спроса и предложения труда и т. д. [2]). В Ялте организация безработных находилась также всецело в руках профессион. союзов.

Однако, эта организация являлась все же только палиативом. С ростом профессиональных союзов пред ними все серьезнее становили-

---

риться. Помимо всех других причин, трудно установить точную цифру помощи безработным и потому, что до раз'яснения правит. сен. о праве союзов образовывать стачечные фонды (см. выше гл. II), многие союзы выдачу пособия стачечников заносили в своих отчетах в рубрику пособий безработным (см., напр., отчет союза булочников в Спб).

[1]) *„Рабочий Союз“* М. 1906 г., № 1, стр. 8. Подробности организации помощи безработным при московском Ц. Б., см. *„Професс. Вестник“*. Спб., 1907, № 10.

[2]) См. описание столовой при московском союзе типографских рабочих. (*П. Орлов. В Москве. „Голос Печатника“*. Спб., 1906, № 2).

лась задача организации планомерной помощи во время безработицы, по крайней мере, *своим членам*. Первым шагом в этом направлении была правильная и систематическая регистрация безработных союзом данной профессии и выработка точной инструкции о выдаче пособий во время безработицы. Действительно, как в столицах, так и в провинции союзы идут этим путем. Так, отчет Орг. Бюро печатников устанавливает, что ко времени конференции (апрель 1907) помощь во время безработицы оказывается *согласно инструкции* в нижеследующих союзах: Петербург, Москва, Смоленск, прибалтийский союз, Варшава (п. с. д. и «Бунд»), Лодзь (бесп.), Киев, Одесса, Екатеринослав, Харьков, Нижний, Саратов, Самара, Уральск, Армавир,—как раз все крупнейшие союзы. Размер помощи определен: в Петербурге в 25 коп. на холостого, в Екатеринославе 35 коп., в Нижнем-Новгороде 25 коп. Помощь оказывается лишь членам союза обыкновенно после трехмесячного их пребывания в союзе, т.-е. аккуратной уплаты взносов. Срок оказания помощи обыкновенно ограничен: в Петербурге и Нижнем-Новгороде до 3-х месяцев, в Екатеринославе не более 100 дней в году. Почти во всех союзах помощь на этих же основаниях оказывается иногородним членам союзов,—разумеется, когда они представляют соответствующие удостоверения [1]).

Союз портных, портних и скорняков в Петербурге выработал инструкцию для помощи безработным еще в апреле 1906 г. [2]). Пособие выдается только тем рабочим, которые не менее 3-х месяцев состоят членами союза. Холостые получают пособие в размере 25 к. в день, семейные рабочие получают дополнительные 10 коп. на каждого члена семьи, которого рабочий содержит на свой заработок. Во многих союзах инструкция устанавливает гораздо более продолжительный срок пребывания в союзе для права получения пособия во время безработицы. Союз рабочих золото-серебряного производства и бронзовщиков в С.-Петербурге выдает пособия только тем членам, которые уплатили свои взносы за *полный год*. Петербургский союз рабочих по металлу устанавливает следующие сроки: для получения пособий при стачках, локаутах и репрессиях требуется пребывание членом союза в течение *шести* полных месяцев, для получения юридической помощи—в течение *трех*; для получения пособий на случай крайней нужды—в течение *двенадцати* полных месяцев (§ VI, 2) [3]). Размеры пособий инструкция устанавливает в

---

[1]) *Протоколы перв. всер. конф. с. р. печ. дела.* Стр. 17.

[2]) См. „*Листок для Рабочих Портных, Портних и Скорняков*“. Спб., 1906 г., № 8. В этой инструкции отдельные параграфы, под видом пособия „безработным“, нормируют также и выдачу пособий стачечникам.

[3]) Вопрос о выдаче пособий безработным является злободневным в петерб. союзе раб. по металлу. На общем собрании союза 9 декабря 1907 г. были приняты следующие предварительные положения: 1) Выдача пособий безработным членам принципиально необходима. Осуществление ее должно стоять в зависимости от повышения членского взноса. Размер повышения, а также форма его (подразрядные, $^0/_{00}$ взносы) должны быть установлены особой комиссией, которой поручается выработать и проект инструкции. 2) Минимальная помощь безработным в качестве переходной меры признается желательной и сейчас. Она должна выдаваться в рамках существующей инструкции“. (См. „*Кузнец*“. Спб., 1907,

1 р. 75 к. одинокому и 2 р. 50 к. семейному еженедельно, сверх того на каждого ребенка старше 14 лет по 30 к. [1]). Следуя примеру западно-европейских союзов, с. р. по металлу увеличивает размер еженедельных пособий в зависимости от срока пребывания данного лица членом союза. Так, после 2-х лет одинокий должен получать 1 р. 85 к., семейный—2 р. 65 к., после 3-х лет—1 р. 95 к. и 2 р. 80 к., после 4-х лет—2 р. 5 к. и 2 р. 95 к., после 5-ти лет—2 р. 15 к. и 3 р. 10 к. Почти все инструкции предусматривают, что потерявший работу, вследствие своей деятельности в интересах союза, получает пособие независимо от продолжительности пребывания в союзе.

Мы уже выше указали, что для планомерной помощи безработным союзы вводят у себя правильную регистрацию безработных данного производства. Регистрация дает возможность союзу удовлетворять спрос на рабочие руки членами своего союза и таким путем облегчать материальные затраты союза. Союзы печатников на своей конференции значительно расширили задачу регистрации безработных. Они вводят регистрацию, как членов союза, так и не-членов, при чем требуют только от не-членов союза, получивших через посредство союза работу, вступить обязательно по прошествии определенного срока в члены союза [2]).

Таким образом, регистрация безработных кладет начало организации союзами бюро по найму труда, которые до сих пор имелись в союзах только в зачаточном виде. С другой стороны, регистрация безработных является необходимым условием правильной организации *дорожной помощи*, являющейся одною из наиболее серьезных разновидностей помощи во время безработицы.

Давая возможность безработному уехать из данного города, союз не только оказывает помощь данному лицу, но и освобождает местный рабочий рынок от излишней конкуренции. Следовательно, дорожная помощь способствует регулированию спроса и предложения труда, но она при этом предполагает широкую взаимную осведомленность сою-

---

№ 3—4). В силу этого решения петерб. союз раб. по металлу выдает пособие безработным членам союза на следующих (временных) основаниях Для права получения пособия во время безработицы необходимо, чтобы член союза уплачивал аккуратно последние двенадцать месяц в членские взносы, и чтобы он числился месяц в регистрационных списках безработных союза. При этих условиях он имеет право на пособие в течение двух месяцев в году, при чем холостые получают 3 рубля, а семейные 5 р.

[1]) В Екатеринославе местный союз рабочих по металлу оказывает безработным членам союза поддержку в размере (еженедельно) 1 р. 40 к. холостым и 1 р 5 к. женатым, мужу и жене, и по 70 коп. на каждого ребенка. Поставить помощь безработным шире и оказывать поддержку и не членам союза оказалось невозможным, вследствие угроз полиции закрыть союз (комиссия безработных была разогнана). („*Раб. по Металлу*“, Спб., 1906, № 5). В союзах рабочих текстильного производства размеры пособия обычно ниже; так, в союзе ситцепечатников в Иваново-Вознесенске, пособие безработным выдается в размере 5 р. *ежемесячно* одинокому, а семейному прибавляется 1 р. ежемесячно на каждого члена семьи. (*Перв. обл. конфер. раб. по обр. волокн вещ.* М 1907, стр 32).

[2]) Для знакомства с типом инструкций регистрации безработных может служить последняя инструкция петербургск. о-ва раб. печ. дела („*Жизнь Печатника*“). Спб., 1907, № 12, стр. 7.

зов в различных местах, как о количестве безработных,так и о спросе на рабочие руки. Вполне верно замечает профессиональный орган петербургских рабочих по металлу в статье по поводу первой конференции союзов рабочих по металлу: «Совершенно невозможно выдавать денежное пособие, не указывая в то же время от'езжающему, где именно он скорее всего отыщет работу, и теряя, поэтому, контроль над уехавшим членом с самого момента его от'езда. А еще менее целесообразно поддерживать за счет местного союза десятки и сотни безработных в то время, как в других местностях имеется, быть может, значительный спрос на рабочие руки. Разумная постановка дела взаимопомощи немыслима без организации союзами *бюро по приисканию труда*. Всероссийское об'единение—и здесь единственный путь к намеченной цели» [1]).

К сожалению, на практике русские профессиональные союзы не смогли до сих пор поставить организацию дорожной помощи на должную высоту. В большинстве случаев дорожная помощь выдается совершенно случайно, без всякой системы. Некоторым шагом вперед является практикуемый теперь некоторыми союзами (р. п. по металлу, печатники и др.) обычай извещать в профессиональных органах, что в таких-то местах много безработных и туда просят рабочих не ездить.

Первую серьезную попытку урегулировать передвижение безработных и выдачу дорожных пособий сделала первая всеросс. конференция с. р. печатного дела. «Признавая, что правильная и широкая организация дорожной помощи требует совместной постановки ее местными союзами при посредстве областных и всероссийского центров, но полагая вместе с тем, что полное об'единение ее возможно лишь при централизации союзной деятельности вообще и союзных касс в частности», конференция выработала все же некоторые предварительные меры, «как первые шаги по пути об'единения дорожной помощи». «1) Устанавливается регистрация безработных на местах и централизация сведений о состоянии безработицы в областных и всероссийском центре (при чем местные сведения в установленный срок доставляются в областные бюро или в Центральный Совет, который, в свою очередь, общую сводку рассылает по всем областным центрам). 2) Центральным Советом распределяются 4 раза в год расходы по дорожной помощи между всеми союзами, согласно кассовой наличности союзов ко времени подведения итогов. 3) Право на дорожную помощь имеет каждый член, плативший членские взносы в продолжение трех месяцев, когда он едет на место с разрешения и удостоверения правления, на основании сведений областных центров. 4) От'езд на родину—дело каждого союза; пособия эти не входят в раскладываемую между союзами сумму. 5) Дорожная помощь не ограничивается расстоянием и выдается в размере стоимости (проезда) до места назначения, согласно указанию обл. или центр. бюро, с прибавлением денег на прожитие во время дороги на первые три дня по одному рублю в день. 6) Дорожным пособием член может пользоваться без ограниче-

---

[1]) Первый шаг. „*Рабочий по Металлу*“,Спб., 1907, № 9.

ния количества раз в году. 7) Получивший пособие не вправе отказаться от предлагаемого союзом места. 8) При переезде в другой город член вступает в местный союз без уплаты вступительного взноса и с сохранением приобретенных в прежнем союзе прав» [1]).

Мы привели резолюцию конференции полностью, потому что она является единственной попыткой детально нормировать организацию дорожной помощи [2]).

Мы не будем останавливаться здесь подробно на других разновидностях помощи во время безработицы. Уже выше мы указывали на организацию московскими союзами столовых для безработных (отчасти на средства городской управы), такие же столовые организовывались в Одессе, в Варшаве и др. городах. Булочники организуют помощь квартирную, потому что рабочие-булочники, пользуясь хозяйской квартирой, во время безработицы попадают в лапы «фатеров» [3]). Петербургский союз булочников и кондитеров устроил общежитие на 200 человек, которое ему обошлось в первый год в 3045 р. 92 к. Право пользоваться общежитием принадлежит только тем членам союза, которые, кроме взносов за 4 месяца, доплатили еще добавочный 1 рубль на обзаведение. При общежитии устроено бюро по приисканию занятий [4]). В Одессе во многих союзах практиковалась помощь безработным путем уступки работающими одного или двух дней работы в неделю безработным по очереди, устанавливаемой союзом. Этот же вид помощи безработным распространен и в Северо-Западном крае [5]).

Помощь безработным—или скорее помощь против безработицы—путем борьбы за уничтожение или сокращение сверхурочных работ (у печатников, рабочих по металлу и др.), или путем борьбы против поштучной платы, за сокращение рабочего дня (как предлагает первая конференция союзов портновского цеха), относится скорее к области экономической политики союзов.

Из других видов взаимопомощи, связанных, правда, скорее не с боевыми задачами союзов в экономической сфере, а с политическим бесправием страны, необходимо отметить пособия арестованным, высланным и сосланным членам союзов, которые иногда требуют от союзов значительных затрат.

Если взаимопомощь в русских профессиональных союзах можно охарактеризовать, в виде общего правила, как связанную с боевыми задачами союзов, то это не исключает, конечно, того, что в тех или иных случаях союзы оказывают помощь своим членам и в различных

---

[1]) *Протоколы перв. всеросс. конфер. с. р. печ. дела.* Стр. 64—64а.

[2]) Первая конференция союзов портновского цеха, „признавая всю важность образования общего *дорожного* капитала“, перенесла окончательную выработку устава общей дорожной кассы на предстоящий с'езд портновских союзов. (*Листок для Портных, Портних и Скорн* Спб., 1906, № 15).

[3]) „Фатерами“ называют содержателей квартир для безработных булочников.

[4]) *В. Павлова.* Союз булочников и кондитеров в С.-Петербурге. („*Професс. Вестник*“, Спб., 1907, № 2).

[5]) „*Вторая конференция проф. союзов*“. Спб., 1906. Стр. 112.—Таким же способом была организована помощь безработным в Коломне (см. *Первая конф. проф. с .р. по металлу.* Стр. 17).

несчастных случаях: болезни, на похороны и т. п. Мы уже выше говорили, что союзам и их органам, состоящим из живых людей, часто трудно пройти мимо того горя и нищеты, которые окружают жизнь рабочего. С другой стороны, несомненно, в менее сознательных и более консервативных и эгоистических слоях рабочих имеется тенденция использовать профессиональные союзы, как кассы взаимопомощи. И часто союзам приходится—во имя единства профессиональной организации—считаться с этими тенденциями. Вот почему, напр., в инструкции петербургского союза раб. по металлу мы находим такой глухой термин, как «крайняя нужда». Из отчетов о собраниях общегородского делегатского совета, где вопрос о взаимопомощи возбудил горячие прения, мы узнаем, что под «крайней нуждой» подразумевается безработица, возникшая не по вине потерпевшего, тяжелая болезнь самого члена союза или кого-либо из его семьи, крупное несчастье, нанесшее серьезный материальный вред потерпевшему, и т. д. [1]).

В виду вполне случайного характера взаимопомощи при несчастных случаях она нигде не регулируется точными инструкциями, и вопрос о выдаче пособий решается обыкновенно правлением союза от случая до случая [2]).

Мы не можем, в заключение, не отметить отношения государственной власти к обрисованной выше деятельности союзов. Если центральное правительство сделало все возможное, чтобы изолировать от профессиональных союзов и вообще от внешней действительности комиссии для борьбы с безработицей второй государственной думы, то представители правительства на местах боролись более откровенными приемами с попытками професс. оюзов облегчить нужду безработных. В Нижнем-Новгороде губернатор запретил устраивать сборы для безработных в торгово-промышленных учреждениях; такого же характера запрещение сделано было и петербургским градоначальником. Эстляндский губернатор запретил профессион. союзам в Ревеле собирать сведения о безработных и их нуждах, ввиду того, что якобы при городской управе существует уже учреждение для этой цели, т. н. бюро безработных [3]). Но оригинальнее всего отношение к вопросу о безработных московского градоначальника ген. Рейнбота, социально-политическая деятельность которого в Москве теперь уже закончилась. Ввиду закрытия московского союза печатников, «депутация рабочих печатного дела просила градоначальника разрешить сбор пожертвований в пользу безработных и устройство бюро, которое распределяло бы эти пожертвования и заботилось бы о предоставлении работы безработным. Градоначальник заявил, что он усматривает в этих домогательствах стремление восстановить в скрытой форме закрытый союз, чего градоначальник ни в каком случае разрешить не может, как не может допустить, чтобы печатники распоряжались безра-

---

[1]) *„Рабочий по металлу“*. Спб., 1907, № 9, стр. 5.

[2]) Петерб с. р. по металлу ввел в последнее время выдачу членам союза пособия на похороны в размере 20 р.

[3]) *„Професс. Вестник“*. Спб., 1907, № 9, стр. 15.

ботными и мешали им работать в праздники, которыми безработные желают воспользоваться, чтобы выпускать газеты. *Градоначальник предложил направлять все пожертвования в пользу безработных к нему; он их будет распределять и он же позаботится об урегулировании отношений хозяев к рабочим»* (К.Н.) [1]).

IV.

Из форм нематериальной взаимопомощи лучше всего организована в русских профессиональных союзах *юридическая помощь*. В главе (III) о местных об'единениях союзов мы уже подробно рассматривали коллективную организацию этой союзной функции местными Центральными Бюро профессиональных союзов. Нам остается здесь только вкратце отметить, как поставлена организация юридической помощи в отдельных союзах.

В громадном большинстве случаев каждый профессиональный союз имеет своего специального юрисконсульта (крупные петербургские союзы имеют обыкновенно двух), который или дежурит в определенные дни и часы при правлении союза, или же назначает для членов союза определенные приемные часы в определенные дни (2—3 раза в неделю) у себя. Члены союза получают юридическую помощь бесплатно, не-члены союза, обращающиеся к союзным юристам во время их дежурства в союзе, обыкновенно должны уплачивать небольшое вознаграждение: 10 коп. за совет, 20 коп. за прошение (Екатеринослав). Хотя в последнее время многие союзы оказывают юридическую помощь только членам союзов.

Первая попытка более или менее подробно нормировать оказание юридической помощи, подчиняя ее в то же время основной задаче союзов, борьбе с предпринимателями за улучшение общих условий труда, сделана в инструкции органам управления петербургского союза рабочих по металлу, выработанной общегородским делегатским советом (1907 г.). Последняя не только лишает права пользования бесплатною юридическою помощью *не-членов* союза, но и ограничивает это право для членов союза требованием уплаты ежемесячных взносов за последние три месяца. Это ограничение не применяется в случаях оказания юридической помощи лицам, пострадавшим за принадлежность к союзу или за деятельность в прямых его интересах.

Инструкция ограничивает также круг тех вопросов, в которых члены имеют право на бесплатную юридическую помощь. Бесплатно юридическая помощь оказывается: а) при столкновениях с предпринимателями на почве договора о найме; б) при защите прав членов союза, гарантированных уставом о промышленности; в) при столкновениях членов союза с административными и полицейскими властями на почве экономической борьбы или их деятельности в интересах союза (VII, 1). Юридическая помощь оказывается в виде: а) подачи устных советов и составления деловых бумаг; б) ведения дел в су-

---

[1]) *„Новое Время“*, 1907, № 11,388.

дебных или иных присутственных местах; в) устройства медицинской экспертизы для определения степени утраты трудоспособности при несчастных случаях. В случаях, при которых не предусмотрена бесплатная юридическая помощь, юрисконсульт союза дает только справки.

Оказание юридической помощи находится под постоянным контролем правления союза. Поэтому, очевидно, во избежание таких выступлений юрисконсульта союза, которые шли бы вразрез с экономической политикой последнего, инструкция устанавливает, что «во всех тех случаях, когда для оказания юридической помощи требуется выступление юрисконсульта союза перед каким-либо судебным установлением, дело не может быть начато без разрешения правления союза. В этих случаях юрист обязан доставить правлению точное изложение обстоятельств дела и свое заключение по его поводу. Этим же правилом он должен руководствоваться всякий раз при переводе дела из одной инстанции в другую. Обо всяком выигранном или проигранном деле юрист представляет подробный отчет правлению союза“ (VII, 5 и 6).

Организация *медицинской помощи* поставлена, как мы это указывали уже в III главе, гораздо слабее. Попытки организовать ее коллективно при посредстве местных Центральных Бюро профессиональных союзов окончились во многих местах неудачею. В некоторых городах эти попытки теперь только делаются. В отдельных союзах, там, где удалось организовать медицинскую помощь, она носит по большей части вполне примитивный характер. Союзы приглашают одного или двух врачей, обыкновенно за определенную плату, которые оказывают членам союза медицинскую помощь бесплатно [1]).

В Киеве союз раб. по металлу имеет четырех врачей-специалистов (внутр. и детск., венерич., зубн., акуш. и женск.) и одну фельдшерицу-акушерку с постоянным ежемесячным содержанием: врачам по 30 рублей в месяц и акушерке-фельдшерице 25 р. Врачи оказывают бесплатно помощь членам союза и их семьям у себя на дому ежедневно в определенные часы. Они обязаны бесплатно выезжать на квартиру к членам союза по вызову последних, при чем проездные деньги (днем трамвай, ночью извозчик) уплачивает врачу вызывающий к себе на квартиру член союза. Акушерка-фельдшерица оказывает бесплатно помощь во время родов. Как медицинской, так и юридической помощью могут пользоваться только те члены, которые уплатили свой членский взнос *и добавочный в 15 копеек*, на что им выдается особый талон на каждый месяц. Талоны пред'являются врачам или юристам. Исключение составляют безработные члены союза, которым до тех пор, пока они не станут на работу, талоны правлением выдаются бесплатно [2]). В Витебске члены союза кузнецов и

---

[1]) Проект организации врачебной помощи, предложенный кружком врачей союзу рабочих печатного дела в С.-Петербурге, к сожалению и остался только проектом. Выработанный этим кружком врачей, совместно с представителями союза, проект устава организации врачебной помощи при профессиональных союзах напечатан в журнале союза: „*Печатный Вестник*“, 1906, № 2.

[2]) „*Професс. Вестник*“ Спб., 1907, № 13, стр. 15.

слесарей пользуются бесплатно медицинскою помощью от «сочувствующих» союзу врачей. Нуждающиеся во время болезни получают один рубль в неделю [1]). В Баку союз рабочих механического производства, благодаря плохой постановке фабрично-заводской медицинской помощи, имеет для членов союза трех врачей: по внутренним, по глазным и зубным болезням. Кроме того, союзом организована врачебная комиссия для экспертизы увечных [2]). Мы уже указывали выше, что в области организации медицинской помощи Центр. Бюро проф. союзов в Екатеринославе удалось сделать больше, чем где бы то ни было. Местному союзу рабочих по металлу удалось, кроме того, после долгих стараний, видоизменить существовавшее там «консультационное бюро для освидетельствования увечных», так, что в него входят лишь вольно-практикующие врачи (а не заводские), избранные правлением союза раб. по металлу и правлением общества врачей промышленных предприятий [3]).

Для более или менее удовлетворительной постановки медицинской помощи в профессиональных союзах, последним придется сделать еще очень многое. Особенно настоятельно эта задача стоит перед союзами ремесленных рабочих и торгово-промышленных служащих, не обеспеченных законом какой бы то ни было удешевленной или бесплатной медицинской помощью. Рядом с требованием государственного страхования, профессиональные союзы должны оказывать посильное давление на местные муниципалитеты в смысле организации бесплатной медицинской помощи под контролем специальных представителей местных профессиональных союзов или представителей Центральным Бюро [4]).

---

[1]) *Первая конфер. проф. с. раб. по металлу*, стр. 31.

[2]) Там же, стр. 26.—Союз нефтепромышленных рабочих в Баку выработал целый ряд практическах мер для борьбы с холерою. (См. корр. из Баку «*Речь*», № 229, 1907).

[3]) «*Рабочий по Металлу*». Спб., 1907, № 5.

[4]) Мы позволим себе остановиться здесь на одном замечании В. В. Святловского в его книге „Професс. движение в России“ (стр. 261—2) по вопросу о медицинской помощи, высказанном им по поводу нашего предисловия к книге П. Умбрейта: „К сожалению,—говорит В. Святловский,—содержательная статья тов. Гриневича не дает полной картины этой стороны деятельности Ц. Б. в России“; „попытка организовать медицинскую помощь была, если не ошибаемся, только со стороны петербургского Центрального Бюро“,—пишет тов. Гриневич (стр. 26). Как видят читатели, Гриневич ошибается тут, как ошибается он, полагая, что „практически только один союз рабочих печатного дела (в Петербурге) организовал для своих членов медицинскую помощь, притом в самой примитивной форме“ („Образование», № 9, стр. 249).—Обращаемся к контексту книги Святловского и видим, что попытка организации медицинской помощи в Моск. Ц. Б. относится *к ноябрю 1906 г.*, в Екатеринославе—*к октябрю 1906 г.*, а наше предисловие датировано *10 августа 1906 г.* Остается в силе ссылка Святловского на союз портных в Петербурге, но, если бы он познакомился с отчетом о собрании, который он цитирует, то он увидел бы, что *9-го апреля 1906 г.* дело шло еще только *о проекте* организации медицинской помощи. Нужно сказать, что вообще В. Святловский обращается очень неосторожно с собранным его сотрудниками материалом. Так, за три страницы до того места, где он посылает нам вышеуказанный упрек, мы находим перепечатанный из „Проф. Союза“ № 12 проект устава организации врачебной помощи при Пет. Ц. Б. с следующим замечанием автора: „*Приведенный*

Культурно-просветительную деятельность ставят себе задачей русские профессиональные союзы с момента своего возникновения. «Содействие умственному и нравственному развитию рабочих»—мы можем встретить, как цель, в уставах союзов, выработанных как в до-октябрьские дни, так и в дни революции. Как совершенно справедливо отмечает К. Каутский: «Для руководства профессиональным союзом и стачкой недостаточно уже быть ловким рутинером и хорошим кассиром, заботящимся, главным образом, о том, чтобы касса была полна, и, по возможности, не оставалась пустой, и не думающим нисколько о том, что происходит вокруг него. Руководитель професс. союза должен быть политиком в широком смысле этого слова. Он не должен быть хитрым дипломатом, думающим, что он будет в состоянии хитростью, без всякой борьбы уладить любой конфликт. Но у него должны быть широкие горизонты, он должен уметь разбираться в той более глубокой экономической связи, которая существует между явлениями, он должен уметь разбираться в отношениях, существующих между политикою и экономикою. Он должен иметь много точек соприкосновения с общим движением пролетариата, находящим свое лучшее выражение в социал-демократии; он должен понимать особенности той профессии, которой служит его организация. Он должен уметь разбираться в тех экономических и политических условиях, при которых происходит данная борьба. Таковы должны быть руководители профессионального движения. *Но в демократических организациях, каковыми являются профессиональные союзы, руководящая роль перейдет в руки таких людей тем скорее, чем усерднее и полнее сами члены союзов будут изучать общее значение вышеуказанных нами факторов. Только в таком случае организации рабочих будут развивать всю ту силу, на которую они способны*" (н. курс.) [1]).

Эти ценные слова Каутского бьют по одному из самых больных мест русского профессионального движения. Вековое рабство, политическое бесправие, хищническая эксплоатация труда, отсутствие первоначального образования и безграмотность обусловили страшно низкий культурный уровень рабочей массы; с другой стороны, отсутствие каких бы то ни было самодеятельных рабочих организаций не приучило рабочую массу к планомерной организованной деятельности и не могло создать в ее среде опытных практических руководителей рабочих.

устав не остался на бумаге, но был осуществлен небольшою, но первоначально энергично и удачно действовавшею организацией, руководившейся следующей инструкцией" (п. к., стр. 257). Следует перепечатка инструкции, и непосредственно вслед за тем буквально следующее от автора: „*Изложенный проект окончился полною неудачею; для правильной постановки дела медицинской помощи у наших союзов не хватило ни средств, ни организационных сил*" (стр. 258), (н. к.). Спрашивается, какой странице читатель должен верить: 257-й или 258-й? А ведь, казалось бы, у В. Святловского, бывшего первую половину 1906 г. одним из редакторов органа петерб. Ц. Б., не могло быть сомнений, что проект устава медицинской помощи при петерб. Ц. Б. был погребен еще весною 1906 г.

[1]) *Г. Роланд-Гольст.* Всеобщая стачка и социал-демократия. Предисловие К. Каутского. Спб., 1906 г. Изд. „Молот", стр. 6—7.

Все это ставило непреодолимые препятствия деятельности профессиональных союзов. В рабочей массе было постоянно настолько горячей беззаветности, геройского самоотвержения, а часто, может быть, отчаяния безысходного положения, чтобы в моменты революционного под'ема творить чудеса и удивлять своим геройством западно-европейское рабочее движение, но у этой же массы было слишком мало дисциплинированности, организационных традиций, скажем даже, культурности, чтобы в моменты революционного отлива или экономических депрессий удерживать завоеванные позиции, и часто даже только соблюдать условия вооруженного мира. И хотя, как мы указывали уже выше, за два года профессиональными союзами сделано очень много в этом отношении, но еще больше остается сделать.

Без поднятия культурно-умственного уровня рабочей массы профессиональная борьба в России будет обречена на случайные, часто, может быть, героические вспышки, но она никогда не может вылиться в непрерывный процесс постепенного завоевания серьезных улучшений в условиях труда. Последнее соображение проникло глубоко в сознание не только руководителей союзов, но и широких слоев членов последних. Стремление к самообразованию пробивает себе все более широкую дорогу и становится особенно заметным в периоды затишья политической и экономической борьбы. Конечно, и в сфере культурно-просветительной деятельности профессиональные союзы встречают серьезное препятствие в виде правительственных и полицейских преследований, потому что государственная власть оценивает ее по своему. Однако, союзам шаг за шагом удается развивать свои культурно-просветительные функции.

В целом ряде профессиональных союзов мы встречаем собственные библиотеки. Из 35 петербургских союзов 14 имели в начале 1907 г. свои собственные библиотеки [1]). Петербургский союз печатников израсходовал на библиотеку 240 р. 68 к. Правда, эта библиотека больше находится в охранном отделении, чем в пользовании членов союза. Громадное большинство провинциальных союзов заводят у себя библиотеки и даже читальни (Москва, Саратов, Астрахань, Екатеринослав, Луганск, Кострома—союз рабочих по обраб. волокн. вещ., Баку, Витебск, Вильна и т. д.).

Гораздо хуже обстоит дело с лекциями. Здесь является, помимо всего прочего, еще одно препятствие—отсутствие лекторов. Отчасти это об'ясняется также правительственными репрессиями, но кроме того, конечно, причиною служит и «кризис интеллигенции». Одни в процессе дифференциации русского общества, под влиянием событий последних двух лет, ушли слишком далеко в сторону господствующих и имущих классов, другие, все еще цепляясь за «крайние» лозунги, считают деятельность в профессиональных союзах слишком мелкою и «принижающей». Так или иначе, но на отсутствие интеллигентов-лекторов жалуются не только в таких углах, как Баку,

---

[1]) Из материалов Орган. Комиссии. („*Проф. Вестник*“ Спб., 1907 г., № 6).

Витебск, Астрахань, Луганск, но даже в центрах: Петербурге, Москве, Саратове и др.

Саратовский союз раб. по металлу пользуется услугами народного университета, получая 200 бесплатных билетов. В Баку были прочитаны 15 лекций до образования союза рабочих механического производства, но сыгравшие большую роль в его возникновении. Читаются лекции в Екатеринославе, в Москве, в последнее время в Петербурге. Но все это носит совершенно случайный характер. В Петербурге в свое время был выработан план более правильной и систематической постановки лекционного дела. Предполагалось организовать специальный курс лекций по теории и практике профессионального движения для членов правлений союзов в целях научной подготовки из рабочей среды секретарей союзов. Чрезвычайная охрана, введенная в Петербурге после роспуска 1-й государственной думы, заставила отложить исполнение этих планов до более благоприятного времени.

Некоторыми союзами организованы специальные вечерние курсы. В Баку союз рабочих механического производства учредил в двух районах технические курсы, в них занимаются свыше 100 человек. В Воронеже при союзе приказчиков имеются библиотека, читальня и вечерние курсы коммерческой арифметики и бухгалтерии. Союз рабочих по металлу Гартмановского завода в Луганске имеет школу для детей членов союза в возрасте от 8 до 10 лет. Всех учащихся в школе 110 человек (мальч. 53, девоч. 57). Школа помещается в здании, временно предоставленном заводом в распоряжение союза. Союз имеет двух учителей, которым платит 120 р. в месяц [1]). Лекции при союзе не читаются за отсутствием лекторов.

Культурное влияние союзов на рабочих достигается, конечно, не только одною просветительною деятельностью. Самое существование организации спаивает уже моральною связью рабочих, подымает членов союзов в культурном отношении над общим уровнем рабочей массы, и в сознании самих рабочих обязывает членов союза быть носителями более высоких культурных и моральных идеалов. Интересно, напр., отметить, что сами рабочие видят в «выборных» тех представителей союза, которые обязаны бороться с пьянством, руганью, грубостью в обращении [2]). В целом ряде статей рабочих в профессиональных органах можно найти отражение того взгляда, что принадлежность к союзу обязывает членов его бороться с невежеством, с пороками, что членство в союзе накладывает моральные обязательства не только в пределах завода, фабрики, мастерской, но и в общественной и в частной жизни рабочего.

V.

Агитация—душа профессионального движения—говорит один из видных деятелей германского профессионального движения, П. Умбрейт.

---

[1]) *Первая конф. проф. союза раб. по металлу.* Стр. 41.

[2]) См. интересную в этом отношении статью (рабочего) наблюдателя в „*Жизни Печатника*“, 1907, № 8. „Несколько слов о наших выборных“.

Эту истину, очевидно, усвоила прекрасно русская административная власть, потому что все ее усилия были направлены к тому, чтобы убить душу русского профессионального движения, чтобы затормазить всякие попытки свободной агитации. професс. союзов. Если оставить в стороне два месяца октябрьских свобод, то можно сказать, что русское профессиональное движение развивалось, *несмотря* на полное отсутствие свободной агитации. Это одно из лишних доказательств тех потенциальных сил, которые заложены в нем.

В предыдущей главе мы уже видели, в какой мере профессиональные союзы имели возможность пользоваться правом собраний. Так наз. «свобода» собраний, регулируемая законом 4 марта 1906 г., или совершенно отменялась властью «неограниченных» местных администраторов, или же обставлялась для професс. союзов такими формальностями и придирками, что для них становилось совершенно невозможным ею пользоваться. На «разрешенных» же собраниях произвол наблюдающих полицейских чиновников, их вмешательство в речи ораторов препятствовали самой умеренной агитации профессиональных организаций и превращали их в сухие, деловые собрания для выслушания отчета правления, для выбора должностных лиц и т. п.

Невозможность вести открыто устную агитацию заставила профессиональные союзы обратить усиленное внимание на агитацию *письменную, на создание профессиональных газет и журналов.* Первый рабочий профессиональный орган появляется в Петербурге летом 1905 г. у печатников, одновременно с возникновением их профессионального союза. «*Печатный Вестник*» принадлежал частной группе рабочих печатников, игравших видную роль при организации союза, но в то же время обслуживал нужды союза. Газета выходила нерегулярно и не была богата ни содержанием, ни материалами: она составлялась рабочими и издавалась на их средства, при почти полном отсутствии помощи со стороны интеллигентов. К тому же ей приходилось вести упорную борьбу с до-октябрьскою цензурою. Пишущему эти строки пришлось на себе испытать ее прелести. Из статьи, данной в «П. В.» об общем собрании членов союза в августе 1905 г., цензор оставил только название и подпись. Газета стала живой только с завоеванием в октябре свободы печати.

В декабре 1905 г. «П. В.» перешел в собственность союза, но на 5 № был приостановлен. Взамен него весною 1906 г. стал выходить «*Вестник Печатников*», В начале и весною 1906 г. в Петербурге появляется уже целый ряд профессиональных органов: «*Листок для Рабочих Портных, Портних и Скорняков*», «*Голос Приказчика*» (позже «*Приказчик*»), «*Листок Булочников и Кондитеров*», «*Голос Извозчика*», «*С.-Петербургский Сапожник*», «*Ткач*», «*Строительный Рабочий*», «*Садовник*», «*Конторщик*», «*Голос Фармацевта*» (позже «*Отклики Фармацевта*»), позже начинает выходить регулярно «*Рабочий по Металлу*» и т. д.

Большинство из этих органов связывает свое появление с невозможностью для рабочих свободно собираться и с необходимостью

для развития профессиональных союзов общения между рабочими, хотя бы через посредство газеты.

В редакционной статье «*Ткач*» пишет: «В последнее время правление союза сделало целый ряд неудачных попыток созвать собрание членов или вообще рабочих волокнистых производств. Собрания не были допущены. Поэтому перед союзом встала чрезвычайно серьезная задача: поискать других путей общения между членами. В качестве такого пути правление избрало издание листка, посвященного общим интересам рабочих ткацких, прядильных и т. п. фабрик». «Неимоверно длинный рабочий день, невозможность даже выспаться и хоть кое-как отдохнуть мешают нам часто устраивать общие собрания— говорит «*Листок Булочников и Кондитеров*». — При таких тяжелых условиях наша газета спаяет нас и восполнит хоть отчасти этот недостаток нашего общения». «Одним из могучих средств об'единить нашу профессию в тесную и дружную семью и является печатное слово,—пишет в редакционной статье «*С.-Петербургский Сапожник*».— Оно дойдет и до того, кто никогда не посещал собраний нашего союза. Нашу газету возьмет всякий сапожник и башмачник, как бы мало ни интересовался он общественными делами» [1]).

Сознавая, какую огромную роль может сыграть в деле сплочения и организации рабочих масс печатное слово, профессиональные органы соответственно и намечают свои цели.

«*Голос Извозчика*» пишет: «Но не все наши товарищи, к сожалению, понимают пользу и необходимость союза. Чтобы пробудить сознание этих товарищей, нам и необходима своя газета. В ней мы будем выяснять наши нужды, обсуждать те пути, что выведут нас из тяжелого нашего положения. В нашей газете мы будем отмечать все случаи произвола и угнетения, которые совершаются над нашими товарищами. И тогда все наши товарищи поймут, что мы стоим за общее и правое дело, они поймут, что мы только тогда и улучшим свое положение, когда об'единимся в тесный и дружный союз, они поймут, что никакая другая газета не стоит так за них, как газета, которую издает союз».

Огромное значение придает газете «*С.-Петербургский Сапожник*». «Мы твердо верим, что газета наша будет желанным гостем за верстаком труженика» Мы верим, что, читая ее, он хоть на минуту перестанет думать только о себе, о своей тяжелой жизни, и почувствует, что здесь же в одном городе живут еще десятки тысяч таких же обездоленных тружеников, как и он сам. Он почувствует себя членом великой рабочей семьи. И загорится в его сердце надежда и просветлеет его взор... Пробуждать сознание товарищей— великая и благородная цель. Но одного этого мало. Недостаточно указать человеку, что ему плохо живется, что он страдает наравне со всеми теми, кто занимается той же профессией, что и он. Надо указать *причины* нашего тяжелого положения и *пути*, которые ведут

---

[1]) См. также „*Вестник рабочих по обработке дерева*“, Спб., № 1, „*Вестник лотосеребрянников и бронзовщиков*“, № 1 и др.

к лучшей доле. Раз'яснением этих вопросов и должна заняться наша газета». Ту же мысль высказывает и «*Листок Булочников и Кондитеров*». «Мы будем говорить много о булочниках, мы будем выяснять их нужды. Недостаточно чувствовать, что плохо живется, недостаточно видеть всю непригодность обстановки, всю каторгу нашей жизни. Надо *понять*, почему она происходит, и как сделать, чтобы наша жизнь стала походить более или менее на человеческую». И, как бы резюмируя, орган московского союза рабочих печатного дела пишет: «Вопросы профессиональной жизни, организации и профессиональной борьбы найдут должное освещение и разработку в «*Печатнике*»... Развивать классовое самосознание пролетариата и отстаивать необходимость самостоятельной его организации—составляет ближайшую задачу «*Печатника*».

Прошло почти два года с того времени, как профессиональные союзы выпустили свои первые печатные органы, как они стали начать их характер и задачи. За это время профессиональное движение создало богатую профессиональную печать, выработало тип русского профессионального органа и сделало его не только незаменимым агитационным средством, но и необходимым организационным звеном во всей деятельности профессионального союза.

Центром издания профессиональной печати попрежнему остается Петербург, хотя в Москве и в провинции появлялись также органы отдельных союзов. Что касается до распределения органов по профессиям, то осталось, кажется, очень мало профессий, которые не пытались бы выпускать свои печатные органы. Печатники имели свои органы в Петербурге [1]), Москве, Киеве; приказчики—в Петербурге, Москве, Н.-Новгороде, Омске, Астрахани, Одессе, Кременчуге; конторщики—в С.-Петербурге; булочники—в Петербурге и Москве; портные—в Петербурге и Москве; рабочие по металлу—в Петербурге, Москве, Варшаве; табачники—в Петербурге и Москве; раб. волокн. веществ—в Петербурге и Москве; чертежники и техники—в Петербурге и Москве; железнодор. рабочие—в Москве; городские служащие—в Москве, кроме того, в Петербурге имели свои органы парикмахеры, извозчики, конфетчики, садовники, сапожники, кожевники, раб. по обраб. дерева, строительные рабочие, фотографы, красильщики, экипажники, часовщики, кузнецы, золотосеребрянники и т. д., т. д. [2]).

Конечно, вся эта масса профессиональных органов представляет собою далеко не однородную ценность. Целый ряд профессиональных органов не могли выпустить больше одного номера, благодаря ли административным репрессиям, или отсутствию материальных средств

---

[1]) В Петербурге, кроме органа с. р. п. д. выходит также (с 1902 г.) журнал „*Наборщик и Печатный мир*“. Он принадлежит частному лицу, в професс. вопросах стоит на вполне буржуазной точке зрения, и распространения среди рабочих не имеет. К такому же типу, повидимому, принадлежит и орган „*Графика*“ в Варшаве.

[2]) См. „*Библиографический сборник*“, № 1. М. 1907. Изд. Истор. Комисс. Учебн. Отд. О. Распр. Техн. Зн.

и литературных сил. Настоятельная потребность в установлении общения между членами союза часто побуждала проф. союзы приступать к изданию органов, не запасшись ни тем, ни другим. Поэтому органы прекращались часто на первом номере, да и те были очень жалкого содержания. Стремление всех проф. союзов издавать свои газеты приняло одно время эпидемический характер, и заставило петербургские союзы поставить вопрос об урегулировании издательского дела. Специальные совещания обсуждали уже с весны 1906 г. несколько раз возможность введения принципа кооперации в издание профессиональных органов, как в смысле техническом, так и в литературном: перепечатыванием принципиальных статей по вопросам теории и практики профессионального движения, совместным составлением обще-профессиональной хроники и взаимным обменом специальной хроники. Целый ряд обстоятельств помешал, однако, осуществлению этих проектов. В последнее время в Петербурге же обсуждался вопрос о совместном издании одного профессионального органа несколькими союзами родственных профессий. Первым таким опытом является вышедший в декабре 1907 г. двухнедельный журнал «*Кузнец*» № 3—4; рядом с общими статьями мы находим в нем хронику, посвященную раб. по металлу, кузнецам, золото-серебрянникам и бронзовщикам, электроосветительным рабочим, экипажникам.

Более крупным союзам удалось, тем не менее, создать прочные, регулярно выходящие, интересные и богатые содержанием печатные органы. Печатники, рабочие по металлу, портные издают в Петербурге свои журналы в течение двух лет только с вынужденными административными репрессиями перерывами. Они же и выработали тип русского професс. органа. Передовая статья по большей части посвящена какому-нибудь злободневному принципиальному политическому или профессиональному вопросу. Затем следуют одна или две статьи, посвященные общим вопросам организации и практики проф. движения, местная хроника и провинциальные корреспонденции. Орган портных уделяет много места вопросам рабочего законодательства и борьбе со специфическими формами эксплоатации ремесленного труда. Орган металлистов регулярно помещает статьи, посвященные обзору общего экономического положения страны и специально положения металлургической промышленности. Орган печатников уделял много места при выработке тарифа специальным вопросам последнего.

Как политические, так и профессиональные вопросы освещались с классовой точки зрения [1]), хотя одновременно редакции уделяли место для свободной дискуссии, см., напр., полемику по поводу выставления проф. союзами собственных кандидатов в госуд. думу в

---

[1]) Конечно, за исключением проф. органов, издававшихся при участии буржуазных партий, как „*Приказчик*“, в Москве, отстаивавший в политических вопросах точку зрения партии к.-д. и „Zycie Robotnicze“ (Рабочая Жизнь) и „Jednos'c“ (Единение), в Польше, примыкавших к народ. демокр. (О них см. ниже, гл. VII).

«*Голосе Печатника*» или полемику по поводу наборных машин в «*Жизни Печатника*».

Заслуживают быть особо отмеченными в целом ряде органов статьи работниц (у портных, ткачей, печатников), как признак все шире пробуждающегося сознания женщин-работниц.

Мы сказали выше, что профессиональная печать была не только средством профессиональной агитации, но и необходимым организационным звеном. Особенно крупную в этом смысле роль она сыграла при областном и всероссийском об'единении союзов отдельных профессий. Расширяя провинциальный отдел (особенно богат он у печатников), петербургские органы постепенно превращались во всероссийские органы печатников, металлистов, портных, при чем они поддерживались не только литературными материалами, но и денежными средствами со стороны провинциальных союзов.

На-ряду с профессиональной печатью, посвященною защите интересов отдельных профессий, создалась профессиональная печать, обслуживающая все местные союзы и посвященная разработке общих вопросов теории и практики профессионального движения. Из всех подобных органов более или менее прочное существование вел только петербургский орган: «*Профессиональный Союз*» (№ 1—21) и сменивший его «*Профессиональный Вестник*» (до сих пор вышло 18 №№). Первый номер «Пр. С.» вышел 21 ноября 1905 г., как орган петербургского Центр. Бюро [1]). Вначале программа журнала была очень узкая: согласно решению Ц. Б. «*Проф. Союз*» должен был быть справочным органом, теоретические же (руководящие) статьи могли помещаться только по вопросам *западно-европейского* професс. движения (?!). Конечно, орган в таком виде мало кого мог удовлетворить, но он приносил известную пользу, давая союзам большой сырой справочный материал. Наконец, 6 апреля 1906 г. Ц. Б. пересмотрело свое решение и расширило программу органа, поручив редакции разработать на страницах «*Проф. Союза*» все те темы, которые были поставлены в порядок дня предстоящего с'езда професс. союзов. В измененном виде редакция успела выпустить только три книжки. 28-го июля журнал был приостановлен в порядке чрезвычайной охраны.

На смену ему появился (только в начале 1907 г.) «*Профессиональный Вестник*». Стоя близко к его редакции, мы воздержимся от критики его, скажем только, что обвинения в «малодоступности его изложения пониманию масс» [2]) лишены основания, потому что он не ставит себе задачей быть агитационным органом для широких рабочих масс. Его задачу составляет разработка вопросов теории и практики профессионального движения в России, рассчитанная на

---

[1]) В. Свитловский делает одну из многих ошибок, когда пишет в своей книге (Проф. дв. в сии, стр. 277), что „номер 1-й вышел... под редакцией пишущего эти строки (Свят кого)"... Редакция в „Проф. С." была все время коллективная, выбранная, и он был только одним из редакторов. До 16 № он был по выбору Ц. Б. в то же время ответственным (по закону) редактором.

[2]) См., напр., корресп. из Армавира „*Проф. Вестник*",

читателей из деятелей профессионального движения (членов правлений, секретарей союзов, организаторов, агитаторов). В частности, он преследует задачу, поставленную себе уже раньше «*Професс. Союзом*» последней стадии, т.-е. разработку вопросов, поставленных в порядок дня предстоящего Всероссийского с'езда профессиональных союзов. Одновременно он отзывается на все текущие злободневные вопросы профессионального движения, стараясь освещать их не с точки зрения местных интересов организаций, а с точки зрения интересов профессионального движения в России в целом. Расширяющаяся с каждым новым номером сеть корреспондентов, дает журналу возможность давать обильный фактический материал и доказывает, что существование такого общепрофессионального органа отвечает назревшей потребности. К сожалению, крайне тяжелые условия печати и недостаток материальных средств препятствуют его дальнейшему развитию.

Попытка создать в провинции местные общепрофессиональные органы оканчивались по большей части неудачно. В Москве при Ц. Бюро были изданы в 1905 г. и в начале 1906 г. «*Бюллетени Музея Содействия Труду*» (2 №№) и «*Материалы по Проф. Движению Рабочих*» (№ 1), содержащие богатый фактический (сырой) материал о первых шагах професс. движения. В конце 1906 г. (октябрь—декабрь) в Москве выходил «*Рабочий Союз*», который хотя и не был официальным органом Моск. Центр. Бюро, но являлся до некоторой степени руководящим органом московских союзов. Вышло всего 10 номеров. В Одессе вышли, один за другим, три журнала местного Ц. Б. осенью 1906 г.: «*Южный Професс. Листок*», «*Рабочее Дело*» и «*Союз*», и все они немедленно прекращались местною властью. Та же участь постигла орган Харьковского Ц. Б.—«*Союз*», которому удалось выпустить всего три №№, и выпущенный вслед за этим один номер «*Труда*». В Екатеринославе вышло десять номеров «*Вестника Труда*», в Воронеже семь номеров «*Голоса Труда*», в Астрахани три номера «*Профессионального Листка*» и т. д. Все эти органы, возникшие преимущественно к осени 1906 г.,—говоря словами «*Вестника Труда*» (Екатерин., № 2),—«по возможности широко обслуживая местное рабочее движение вообще и профессиональное в особенности, регистрируя всякий заслуживающий внимания факт рабочей жизни», стараются сделать свои органы «идейным руководителем в трудной и ответственной работе организационного строительства в районе распространения этого органа».

Кроме профессиональных органов на русском языке, издается целый ряд проф. органов на польском, еврейском, грузинском языках. В Варшаве издается «*Zwiazkowiec*» («Союзник») и «*Sprawy Zawodowe*» («Профессиональное Дело»). В Вильне на еврейском языке издавалось в приложении к газете «*Hofnung*»—«*Professionales Leben*» (с.-д.) и «*Professionales Bewegung*» (с.-с.). В Тифлисе выходит на грузинском языке еженедельный профессиональный орган—«*Ахалик-вехана*» («*Новый Мир*»).

Недостаток материальных средств и отсутствие у рабочих навыка к литературной работе, необходимость обращаться к услугам интеллигенции, также в общем очень мало знакомой со специальными вопросами профессионального движения, сильно тормозят развитие профессиональной печати. Тем не менее, она успела сыграть огромную роль в развитии профессионального движения и сделаться необходимым орудием в деятельности профессиональных союзов.

Уже вследствие этого одного профессиональная печать должна была испытать на себе систематические преследования со стороны бюрократии. Административные запрещения, привлечение редакторов к суду, тюремное наказание, денежные штрафы до *3.000 рублей* (орган московских печатников) — все это применялось для того, чтобы убить профессиональную печать. Особенно сильны были репрессии после роспуска 1-й гос. думы, во время выборов во 2-ю гос. думу,—в связи с участием проф. союзов в избирательной кампании, и ко времени созыва 3-й гос. думы, когда бюрократия пытается ликвидировать все завоевания революционной эпохи.

ГЛАВА VI.

Экономическая борьба и профессиональные союзы.

I.

1905-й год, начавшийся небывалым в России массовым политическим выступлением петербургских рабочих и закончившийся политическою революцией, сыграл крупную роль и в экономической борьбе рабочих. В этом случае более ярко, может быть, чем когда-либо, проявилась органическая взаимная связь между двумя формами эмансипационной борьбы рабочего класса: экономической и политической.

Экономическая стачка металлических рабочих за Нарвскою заставою в Петербурге послужила поводом к первому действительно *массовому* политическому выступлению петербургских рабочих, а затем и к широкой волне политических забастовок по всей России. Эта волна политических забастовок, охватившая до полумиллиона рабочих, в свою очередь, сильно всколыхнула всю рабочую массу. Пробудились наиболее отсталые элементы, проснулось сознание человеческой личности в тех слоях рабочих, которые влачили до тех пор поистине существование рабов и, подвергаясь хищнической эксплоатации, не осмеливались выступить в борьбу даже против непосредственных своих угнетателей—предпринимателей. Происходившие пред их глазами грозные события заставили и эти отсталые элементы задуматься над своей судьбой, стачечная волна указала им способ борьбы, а революционный под'ем в рабочей массе дал им энергию выступить, наконец, в защиту своего человеческого существования.

Вот почему в той интенсивной стачечной борьбе, которая характеризует 1905 год, рядом с обычным элементом, фабрично-заводскими рабочими, мы замечаем рабочих ремесленников, служащих торгово-промышленных учреждений, трамваев, городских учреждений и даже наемную домашнюю прислугу, которые до того времени, в громадном большинстве случаев, стояли далеко от рабочего движения.

Хищническая степень эксплоатации их труда обеспечивала им об'ективно успех в борьбе, а общая атмосфера, созданная революционным натиском всей рабочей массы, неожиданность движения и отсутствие, в большинстве случаев, организации у предпринимателей возмещали отсутствие организации у рабочих, недостаток дисциплины и отсутствие планомерности в их движении.

В целом ряде производств, и притом часто наиболее отсталых, рабочие добились в результате этой стачечной волны сравнительно значительных улучшений условий своего труда. Пользуясь сводкой, сделанной В. Тотомианцем [1]), мы отметим только наиболее заметные из них.

8 ми часового рабочего дня добились рабочие киевских сахарных заводов (совещ. сахарозаводчиков 12 мая 1905 г.), типографские рабочие в Самаре, в инструментальной мастерской завода военно-врачебных заготовлений в Петербурге, на мебельно-столярной фабрике Мельцера и на патронном заводе в Петербурге, на рудниках во Владивостоке, в экспедиции заготовления государственных бумаг, на Корюковском сахарном заводе Бродского, на электрическом трамвае в Тифлисе, типографские рабочие в Орле. $8^1/_2$ *ч. раб. дня* добились крючники в Петербургском порту и на мануфактурной фабрике бр. Морозовых. *9-ти часового рабочего дня* добились железнодорожные рабочие в мастерских. Такой же длины рабочий день введен на многих заводах и в мастерских военного и морского ведомств. 9-ти час. рабочего дня добились также большинство фабрично-заводских рабочих Варшавы и Бердянска и типографские рабочие в Полтаве и в Минске, рабочие костемольного и клееварного завода в Саратове. $9^1/_2$ *час. раб. день* введен на Невском стеариновом заводе, на судостроительном и механическом заводе франц. анон. общ. в Николаеве, добились $9^1/_2$ час. раб. дня также частью кельнеры ресторанов и молочных, и домовые извозчики в Варшаве. Однако, чаще результатом забастовок 1905 г. было сокращение *рабочего дня до 10 часов*. Десяти-часового рабочего дня добилось огромное большинство фабрично-заводских рабочих Лодзи, Сосновиц, Риги, Ковны, Ревеля, Юрьева, Минска, Харькова, пекаря Одессы и ремесленники Кишинева. 16 мая 1905 г. рабочий день на всех заводах морского ведомства и во всех портах сокращен до 10 часов, а в портовых мастерских до 9 часов.

Гораздо меньших успехов достигло забастовочное движение 1905 г. в смысле повышения заработной платы, хотя и в этом отношении в некоторых местах сделаны значительные завоевания. 5 марта городское фабричное управление Варшавы констатировало увеличение заработной платы на 15%. В Ковно заработная плата увеличена для 73% всего числа рабочих. В Иваново-Вознесенске рабочие добились увеличения заработной платы на 7—15%; на мануфактурной фабрике бр. Морозовых заработная плата повышена на 8%; на 20% увеличена заработная плата типографских рабочих в Орле, на 10% заготовщиков обуви в Киеве и т. д., и т. д.

Нам придется ниже еще вернуться к этому характерному явлению экономических завоеваний рабочих в 1905 г.: *значительному сокращению рабочего дня и относительно ничтожному увеличению заработной платы.* Оно в связи с другими обстоятельствами оказало влияние на характер экономической борьбы следующего периода. Теперь мы остановимся еще на ходе стачечного движения осени 1905 г.

---

[1]) *В. Тотомианц.* Экономические результаты всеобщих стачек в России. „*Начало*". Спб., 1905 г., № 9.

После летнего сравнительного затишья, прерванного только событиями в черноморском военном флоте и последовавшими вслед за ними политическими забастовками-демонстрациями на юге России, стачечная волна поднимается в сентябре снова на севере, но на этот раз в Москве. Интересно отметить, что цикл событий осени 1905 г. совершенно идентичен с циклом событий начала года. Как мы указывали уже во II главе, поводом к октябрьским событиям послужили, с одной стороны, забастовки типографских рабочих и рабочих булочников в Москве, с другой стороны, забастовка московского узла железных дорог, те и другие—из-за экономических требований. Революционная забастовка октябрьских дней, встряхнувшая действительно всю Россию, вызвавшая появление исторического манифеста, в то же время, в свою очередь, вызвала широкую волну стачечного экономического движения.

В ходе октябрьских событий политическая забастовка передовых слоев рабочих и экономические забастовки более отсталых слоев, вовлеченных в русло движения общим революционным под'емом, настолько тесно переплетались, что Петерб. Сов. Раб. Депутатов, делая постановление о прекращении октябрьской забастовки 21-го октября в 12 час. дня, специально оговорил, что это постановление не касается экономических забастовок, которые продолжаются своим естественным ходом.

С ростом революционных событий экономические стачки охватывают все более разнообразные профессии, и волна их обрывается только с наступлением декабрьской реакции. Поскольку октябрьские события пробуждали рабочие массы к сознательной жизни, они только содействовали развитию того процесса, толчек к которому дан был 9-го января. Но так как размах их был значительно шире событий начала года, то и результаты их были гораздо глубже. Можно не преувеличивая сказать, что не осталось отрасли труда, в которой рабочие не подняли бы, по крайней мере, протеста против своего нечеловеческого существования. А так как, к тому же, политическая забастовка ложилась главною тяжестью на фабрично-заводских и железнодорожных рабочих, то экономическое стачечное движение среди рабочих более отсталых профессий выделяется осенью значительно рельефнее.

Широко охватывает движение торгово-промышленных служащих (приказчиков, конторщиков, банковых служащих), не выступавших до того времени, за исключением Северо-Западного края и Царства Польского, с массовыми экономическими требованиями. Дружными действиями они добиваются почти на пространстве всей России удовлетворения основного требования: *полного воскресного отдыха*, и во многих местах южной и центральной России значительного сокращения рабочего дня—*закрытия торговых заведений в 8 или 9 часов вечера* [1]) Сильное движение заметно среди целого ряда ремесленных

---

[1]) В Тифлисе приказчики добились обязательного прекращения торговли в 7 час. вечера. („*Голос Приказчика*“. Спб., 1906 г., № 5).

профессий: типографских рабочих, портных, сапожников, ювелиров, бронзовщиков, шапочников, булочников и т. д. Организуют стачку в Петербурге, Москве, Киеве—официанты; даже домашняя прислуга—горничные, кухарки, дворники, прачки подымают свой голос и вырабатывают свои требования в Нижнем-Новгороде, Тифлисе, Москве, Ростове н/Д. Движение среди городских служащих, особенно среди трамвайных рабочих и служащих, резко проявляется в Москве, Тифлисе, Киеве, слабее в Петербурге... Устраивают стачки извозчики и трубочисты.

Однако, значение октябрьских событий для хода экономической борьбы далеко не ограничивается только тем, что они всколыхнули так сильно рабочие массы. Мы уже знаем, что одним из наиболее ценных завоеваний рабочего класса в октябрьские дни была возможность открытого существования рабочих профессиональных организаций. Это обстоятельство превращает октябрьские дни в целую эпоху в истории профессиональной борьбы русских рабочих.

Не вдаваясь даже далеко в глубь ее, мы можем отметить, что основным недостатком ее было отсутствие организованности и планомерности русских стачек. Если даже оставить в стороне первый период 70-х и 80-х годов, когда стачки носили совершенно стихийный характер, и взять позднейший период, когда руководство экономической борьбой находилось уже в руках социал-демократических стачечных касс, союзов, комитетов, то все же приходится констатировать крайне ограниченное влияние этих организаций на ход стачечной борьбы. Быстрые и решительные коллективные действия были всегда затруднены вследствие конспиративности организаций. Широкая предварительная подготовка стачек была совершенно невозможна. Требования не вырабатывались совместно всеми рабочими или их выборными, а обсуждались в узком кругу передовых рабочих, и затем путем прокламаций, листков «комитет» знакомил с ними рабочих и призывал к стачке. Часто бывало еще хуже,—стачка об'являлась неожиданно, как для организации, так и для массы рабочих, из-за каких нибудь случайных столкновений. Уже во время самой стачки рабочие старались формулировать свои требования. Как в первом, так и во втором случае рабочие не имели материальных средств, агитация же в большинстве случаев должна была ограничиваться разбрасыванием прокламаций, листков. Вполне понятно, что при этих условиях только незначительный процент стачек оканчивался успехом рабочих. Сила сопротивления рабочих предпринимателям, благодаря отсутствию руководящей организации, была сведена до минимума. В труде, изданном министерством торг. и пром., приводятся очень интересные в этом отношении цифры. Оказывается, что в то время, как в Англии рабочий в среднем выдерживал 34,2 дня стачки, во Франции 14,3 дня, в Австрии 12,1 дня, в Италии 10,3 дня,—в России рабочий выдерживал стачку в среднем (1895—1904 г.г.) *только 4,8 дня* [1]).

---

[1]) Статистические сведения о стачках рабочих за десятилетие 1895—1904. Спб., 1905. Стр. 42.

Вполне понятно поэтому, какое громадное значение для дальнейшего хода экономической борьбы рабочих имело возникновение в октябрьские дни открытых профессиональных рабочих организаций. Рост рабочего движения уже требовал дифференциации как его руководства, так и его организации, для политической и экономической борьбы. А открытое существование профессиональных союзов обеспечивало рабочей массе контроль над руководством ее экономической борьбой.

Конечно, проследить влияние только что возникших профессиональных союзов на успехи экономического стачечного движения осени 1905 г. очень трудно и даже невозможно. Потому что часто трудно провести линию раздела между только что возникшим союзом и руководимою им первою стачкою, и возникшей стихийно экономической стачкою и зарождающимся в процессе ее новым профессиональным союзом [1]). Во II-й главе мы уже указывали, что очень большой процент русских профессиональных союзов возник из существовавших раньше стачечных комитетов или непосредственно в процессе стачки рабочих данной профессиии или данного производства. Поэтому, хотя в некоторых союзах мы встречаем уже в первые месяцы их существования денежные стачечные фонды [2]), все же в большинстве случаев роль молодых союзов в стачечном движении того времени сводилась только к известному организационному руководству.

Правление или организац. бюро данного союза совместно с представителями мастерских вырабатывали обыкновенно экономические требования, затем созывалось собрание (митинг) и там эти требования после обсуждения утверждались общим собранием. В случае, если пред'явление требований хозяевам вызвало стачку, то переговоры с хозяевами велись обыкновенно через правление союза.

Вместе с декабрьской реакцией, унесшей за собой большинство возникших в октябре и ноябре профессиональных организаций, оборвалась стачечная волна для того, чтобы подняться весною 1906 г. еще с большею интенсивностью. Однако, раньше, чем перейти к этому периоду, мы должны остановиться еще на изменении в правовых условиях экономических стачек, созданном указом 2 декабря 1905 г.

Как известно, до того времени всякий отказ «скопом» от работы до истечения срока найма, всякая стачка считалась преступным действием и каралась уголовным уложением о наказаниях. Правда, с каждым годом соответствующие статьи уложения становились все большим и большим анахронизмом. Рост рабочего движения сделал давно фактически невозможным преследование рабочих за стачку. Но,

---

1) См., напр., описание первой стачки рабочих золото-серебряного производства в Петербурге и возникновения их союза (*Союз раб. зол.-серебр. произв.* 1-й общий отчет. Прилож. к № 14 „*Проф. Союза*". Спб., 1906, стр. 4—5), а также описание стачки мебельно-обойных рабочих („*Проф. С*", № 4).

2) Петербургский союз раб. печ. дела получил в октябре и ноябре 1905 г. в фонд безработных и стачечный 3081 р. 72 к., и выдал за это время стачечникам 1302 р. 46 к.; с. раб. по обр. дерева по отчету на 6-е декабря имел стачечный фонд в 229 р. 72 к.; союз сапожников имел на 1-е января 176 р. 98 к. и т. д. („*Проф. Союз*", №№ 4 и 5, Спб., 1906).

как и во всех других сферах русской жизни, бюрократическое законодательство не поспевало за жизнью. После тридцатилетней стачечной борьбы русских рабочих, после принесенных ими бесчисленных жертв устарелому законодательству, комиссия по рабочему вопросу Коковцева пришла, наконец, к заключению, что «забастовка есть совершенно естественное явление, органически связанное с современными экономическими условиями промышленной жизни, возможное везде, где имеет применение наемный труд, и не могущее быть устраненным посредством подавления и пресечения отдельных случаев его проявления» [1]).

И кто знает, может быть, и это «открытие», запоздавшее на 30—40 лет, было бы погребено в архивах министерства, если бы широкое стачечное движение 1906 года не сделало уголовное преследование экономических стачек абсурдом. Указом 2 декабря была отменена ст. 1358^1, карявшая мирные экономические стачки, статьи же 1358^2 и 1358^3, касавшиеся стачек, сопровождающихся повреждением или уничтожением имущества или угрозами и насилием рабочим, желающим продолжать работать,—остались в силе. Кроме того, «временные» правила 2 декабря установили строгие кары (до 1 г. 4 м. тюрьмы) за стачки на железных дорогах, почтовых, телеграфных и т. п. учреждениях.

Таким образом, рабочие в результате движения 1905 года добились от государственной власти формального признания за ними права на свободу союзов и свободу стачек, празда, ограниченного позже, как изданием специальных законоположений, так еще больше административным усмотрением.

II.

Большинство профессиональных союзов, за исключением сложившихся еще до октябрьских дней, выступают в виде вполне оформленных организаций,—как мы уже знаем,—только с весны 1906 г. В провинции, где декабрьская реакция свирепствовала еще с большею разнузданностью, чем в столицах, большинство союзов, потеряв связь с зачатками организаций, зародившихся в октябрьские дни, возникают большею частью самостоятельно весною 1906 г., уже на основе закона 4 марта [2]). Союзы рабочих по металлу в обоих столицах, союз архитектурно-строительных рабочих и др. в Петербурге возникают также только весною 1906 года.

Это оживление в организации профессиональных союзов совпадает, с одной стороны, с новым под'емом стачечной волны по всей России, а с другой стороны, с под'емом политического настроения страны, связанным отчасти с выборами, а затем с деятельностью 1-й гос. думы.

---

[1]) Цитир. по книге *С. Прокоповича*: «К рабочему вопросу в России». Спб. 1905. Стр. 194.

[2]) См., напр., отчеты одесских профессиональных союзов в сборнике „*Освобождение Труда*“, Одесса, 1906, стр. 73—123, а также доклады о деятельности союзов на конференциях раб. по металлу и раб. по обраб. волокн. веществ.

Только начиная с этого момента, можно говорить о правильном руководстве экономическою борьбою рабочих со стороны профессиональных союзов. Протекшие с того времени почти два года дают богатый материал для оценки их роли в профессиональной борьбе рабочих. За это время профессиональные союзы быстро завоевывают себе полную гегемонию руководства экономическою борьбою рабочих[1]). Они добиваются признания, как органы для руководства экономическою борьбою, не только со стороны друзей, но и со стороны врагов. Эта их роль начинает постепенно, под влиянием опыта двух последних лет, получать признание в некоторых случаях даже со стороны некоторых органов государственной власти.

С гораздо большим трудом поддается учету влияние руководства профессиональных союзов на *успехи экономической борьбы* последних двух лет. Больше, чем в какой-либо другой сфере деятельности союзов, в области руководства экономической борьбой чувствуется крупный пробел в наших союзах — отсутствие какой бы то ни было правильной и регулярной *статистики*[2]).

Не имея возможности, благодаря отсутствию цифровых данных, проследить точно результаты вышеназванного влияния профессиональных союзов, а тем более останавливаться, хотя бы и вкратце, даже только на наиболее серьезных эпизодах экономической борьбы рабочих последних двух лет, мы должны будем в дальнейшем изложении ограничиться описанием общих условий экономической борьбы, ее форм, как со стороны рабочих, так и со стороны предпринимателей, иллюстрируя их наиболее характерными примерами, должны будем остановиться на экономической политике и тактике профессиональных союзов и на внешних условиях их борьбы.

Бросая ретроспективный взгляд на ход экономической борьбы рабочих за последние два года, мы замечаем то же явление, которое, как мы видели выше, характеризует стачечную борьбу осени 1905 г.— преобладание стачек ремесленников, служащих торгово-промышленных, городских и других учеждений, архитектурно-строительных рабочих над стачками фабрично-заводских рабочих. Основная причина этого явления заключалась в том обстоятельстве, что в производствах первой категории, из которых большинство переживало впервые экономическое движение рабочих, господствовала хищническая эксплоатация труда, и потому об'ективно, по условиям производства, делала возможным значительное удовлетворение требований рабочих. Напротив того, в производствах второй категории, где рабочее движение сумело добиться долголетней упорной борьбой значительных улучшений условий труда, эта об'ективная возможность дальнейших уступок была

---

[1]) Мы оставляем в стороне неудачные попытки Петерб. Совета безработных взять на себя организацию стачек (см. нашу статью: „Стач. движение и проф. союзы", „*Народн. Весть*", №№ 2 и 3, 1906 г.) и кой-где существующую еще конкуренцию фабричных и заводских комиссий (см. доклад петерб. с. р. по металлу. *Первая конфер. пр. с. р. по металлу* Стр. 35).

[2]) Только в последнее время союзы начинают серьезно заботиться о правильной постановке статистики. Секретариат Петерб. Ц. Б. вырабатывает теперь листок для текущей статистики стачек („*Проф. Вестн.*", 1907, № 16).

сравнительно гораздо больше исчерпана. К тому же, в первом случае, профессиональным союзам приходилось руководить стачками сравнительно небольших масс рабочих против, по большей части, неорганизованных предпринимателей, а во втором случае приходилось бы руководить стачками крупных предприятий или ряда крупных предприятий против, по большей части, организованных предпринимателей, или таких, которым легко быстро организоваться.

Если мы остановимся на движении фабрично-заводских рабочих, то мы заметим, что оно охватывает преимущественно рабочих текстильного производства, из горно-обрабатывающей промышленности заметно только рабочих нефтяных промыслов, и гораздо меньше рабочих металлургической промышленности. Мы не имеем возможности останавливаться здесь на вопросе, возбуждающем теперь столько споров между нашими экономистами, переживаем ли мы промышленный под'ем или промышленный кризис? Решение его в ту или другую сторону может иметь больше значения для прогноза ближайшего будущего нашего профессионального движения и для ближайшей экономической тактики наших союзов. Что же касается прошлых двух лет, то вряд ли может быть спорным, что наиболее пострадала от кризиса металлургическая промышленность. При чем, конечно, *пострадали рабочие металлургической промышленности.* Закрытие заводов, массовый расчет, как ответ на октябрьскую революцию, безработица—падали своею главною тяжестью на рабочих по обработке металла.

Вполне понятно, что при этих условиях рабочие по металлу не могли вести какой-либо широкой кампании стачек за улучшение условий труда. Даже отдельные, сравнительно небольшие наступательные стачки в громадном большинстве случаев заканчивались неудачно [1]). Только в некоторых городах (Саратов, Витебск, Астрахань) стачки заканчиваются завоеванием 9-часового раб. дня. Преобладают в металлургической промышленности оборонительные стачки. во-первых, для защиты довольно крупных завоеваний, сделанных в 1905 году в области сокращения рабочего дня, а во-вторых, для борьбы со сверхурочными работами, которыми капиталисты пытаются покрыть прежние уступки[2]). Союзы рабочих по металлу ведут теперь усиленную агитацию против сверхурочных работ, которые, помимо всего прочего, еще больше усиливают безработицу, так сильно угнетающую деятельность союзов.

В текстильной промышленности, переживающей известный промышленный под'ем, центром тяжести экономической борьбы является повышение заработной платы. Уже в начале этой главы мы видели, что главным завоеванием 1905 года является значительное сокращение рабочего дня. В докладе из Москвы о положении прядильно-ткацкой промышленности в России на конференции союзов рабочих текстильного производства мы находим следующие дополнительные данные:

---

1) См. „Наш союз в экономич. борьбе". „*Раб. по Металлу*". Спб., 1907, № 21.

2) Статистика по Петербургской губ. указывает, что из 622 промышл. завед. Пет. губ. 281 пользовались сверхурочной работой, т.-е. 46%. Если же взять производство по металлу, то на 125 заведений 66 пользовались сверхурочными работами, т.-е. 53%. (Из судебной практики последн. лет. „*Раб. по Металлу*", № 21).

«Грандиозное стачечное движение 1905 и 1906 годов принесло рабочим прядильно-ткацкой промышленности громадное сокращение рабочего дня. В Московской губернии в 1896 году, т.-е. до закона 1897 г. из 150,000 рабочих по обработке волокнистых веществ 67,000 были заняты односменной денной работой и 83,000 двухсменной. Денные смены работали обыкновенно 13 и 14 часов и доходили до 18 часов чистой работы в сутки. Среди двухсменных решительно преобладали двухсменные ночные работы. В 1905 году, в первую половину года, из 180,000 огромное большинство работало еще по $11^1/_2$ часов (около трех пятых) и тысяч сорок рабочих работали односменной 10-ти часовой и двухсменной 9-ти часовой. Через год, в 1906 году, картина резко изменилась: на $11^1/_2$ часовой работе осталась ничтожная горсть,— всего одна восьмая рабочих; главная масса, почти поровну, распределилась на односменной 10-ти часовой и двухсменной 9-ти часовой. В прядильно-ткацкой промышленности установился рабочий день в 10 и 9 часов. Ночные работы сохранились всего на 20 фабриках с 5,000 рабочих, работающих двумя комплектами день и ночь» [1]).

Этому сравнительно крупному сокращению рабочего дня совершенно не соответствовало завоеванное одновременно повышение заработной платы. Безусловно выиграли только те немногие группы рабочих, которые состоят на месячном или поденном жалованьи. Увеличение же расценок на 5 – 20%, которого добились работающие сдельно и составляющие в прядильно-ткацкой промышленности огромное большинство, было почти целиком поглощено сокращением рабочего времени, принимая уже во внимание увеличение производительности труда. В итоге повышение заработной платы было очень незначительное.

Но и это повышение заработной платы было сведено на нет небывалым повышением цен на продукты первой необходимости, начавшимся в конце 1906 г. и продолжающимся и по сию пору. Пуд кислого хлеба поднялся в Москве в цене с 89 коп. (средняя цена в январе 1905 г.) до 1 р. 09 коп. (средняя в январе 1907 г.),— на 20 коп., или на 24%. В Петербурге в январе 1907 г. цена на хлеб поднялась с $1^1/_2$ к. за фунт до 3 и 4 коп. Из доклада на текстильной конференции из Кохмы (Владимирской губ.) мы узнаем о следующем росте цен в центральном промышленном районе (цены потребительской лавки):

	1905 г.	1906 г.	1907 г. Январь.	1907 г. Февраль.
Мука ржаная пуд.	— р. 85 к.	1 р. — к.	1 р. 10 к.	1 р. 15 к.
„ обдир. „ .	1 „ 05 „	1 „ 20 „	1 „ 25 „	1 „ 30 „
„ пш. I гол. .	1 „ 97 „	2 „ 10 „	2 „ — „	— „ 50 „
„ „ II „ . .	1 „ 77 „	1 „ 90 „	2 „ — „	— „ 10 „
„ „ I красн.	1 „ 87 „	2 „ — „	2 „ — „	— „ 40 „
Масло льнян. фунт	— „ $11^1/_4$ „	— „ 12 „	— „ — „	— „ $13^1/_2$ „
Керосин „	— „ $3^1/_2$ „	— „ $3^3/_4$ „	— „ — „	— „ $4^1/_2$ „ [2])

[1]) *Первая обл. конференция проф. с. раб. по обработке волокнистых вещ. Моск. пром. района.* М. 1907, стр 20.

[2]) *Первая обл. конференция проф. с. р. по обраб. волокн. вещ.* Стр. 22.

Это непомерное повышение цен на предметы первой необходимости, на причинах которого мы здесь не можем останавливаться, подрывало все значение завоеванного повышения заработной платы. Условия жизни остались те же, если не сделались еще хуже.

Между тем необходимо принять во внимание, что революционные события последних лет, пробудив широкие рабочие массы к сознательной жизни, сильно повысили ее культурные потребности. С вовлечением рабочих масс в профессиональные организации эти культурные потребности растут, и стимул для борьбы за повышение заработной платы, следовательно, и за улучшение условий жизни, повышается.

Нужно, впрочем, сказать, что если влияние только что перечисленных факторов и проявляется в текстильной промышленности более резко, то тем не менее оно не является ее исключительной особенностью. Напротив того, влияние этих факторов в большей или меньшей степени можно проследить и во всех других производствах.

Обращаясь к *ремесленным производствам*, мы должны прежде всего остановиться на производстве *печатного дела*, где экономическая борьба за последние два года достигла наибольшей интенсивности, где она завершилась наибольшими завоеваниями и где она больше чем в каком-либо другом производстве была всецело подчинена руководству профессиональных организаций. Необычайный под'ем промышленности печатного дела, обусловленный сравнительной свободой печати, ослаблением цензуры, сильным расширением книгоиздательства и огромным увеличением числа читателей периодической прессы (газет, еженедельников и т. п.), квалифицированный труд, вследствие чего ограниченное предложение рабочих рук и в некоторые периоды почти полное отсутствие безработных,— обеспечили рабочим печатного дела сравнительно легкие победы [1]). А преобладание в печатном производстве заведений в среднем в 80—100 человек (Сытинская фабрика в Москве с 1,000 рабочими является единственной; заведений с несколько сот рабочими очень немного) дало возможность профессиональным союзам легко сплотить в своих рядах большинство печатников и в ходе успешной экономической борьбы подчинить ее всецело своему руководству.

После того, как союзы раб. печ. дела добились значительного сокращения рабочего дня [2]), пред ними стал также резко вопрос об

---

[1]) Нужно; впрочем, заметить, что в настоящее время, с усилением реакции и гонении на периодическую и непериодическую печать, с одной стороны, и с завоеванием уже рабочими довольно крупных улучшений условий труда, с другой стороны, в поступательном ходе экономической борьбы печатников заметна известная заминка. Стачки становится реже и все больше носят оборонительный характер. Конечно, этому способствуют и правительственные репрессии против союзов.

[2]) В докладе Орг. Бюро на первой всеросс. конф. печатников мы находим следующие данные о длине рабочего дня: „*Восьмичасовой* рабочий день полно или частично введен в следующих городах: в Киеве—в восьми типографиях, в Саратове—в части типографий, в Уральске, Елисаветграде, Белостоке, Бердичеве, Могилеве, Полтаве, Тифлисе, Екатеринославе, Одессе, в небольшом количестве типографий Москвы и Петербурга. Однако, господствующей нормой, существующей по России—об этом говорит большинство докладов—приходится считать *девяти-*

увеличении заработной платы. Вот почему первая всеросс. конференция печатников, обсуждавшая в связи с вопросом о выработке тарифа экономические требования печатников, выставила в первую очередь, на ряду с требованиями 8-ми часов. раб. дня и полной отмены сверхурочных работ, требования установления минимума заработной платы и замену сдельной платы повременной. Из других реальных требований, выставлявшихся печатниками в ходе экономической борьбы и, в некоторых городах, в той или иной степени уже удовлетворенных, мы отметим требования: обязательного воскресного и праздничного отдыха; введения автономных фабричных комиссий, пользующихся правом увольнения и приема рабочих; замены ученичества профессиональным образованием; равноправность и равноплатность женского труда и т. д.

Сокращение рабочего дня и увеличение заработной платы являются, конечно, главными и основными требованиями, выставляемыми в ходе экономической борьбы и всеми другими ремесленными производствами. В то же время каждое из последних имеет свои специальные наболевшие мучительные вопросы, различные косвенные пути эксплоатации, озлобление против которых накоплялось десятилетиями и борьба из-за которых еще больше сплачивала ряды пробудившихся к сознательной жизни рабочих.

У *булочников* из таких наболевших вопросов можно отметить требование уничтожения хозяйских квартир и выдачи взамен каждому рабочему дополнительного вознаграждения к заработной плате [1]). Хозяйские квартиры и харчи в руках предпринимателя являются не только источником добавочной эксплоатации, но и средством держать рабочих на низшем культурном уровне, при котором только и возможна хищническая эксплоатация труда [2]). Упорной борьбой булочникам удалось во многих местах добиться воскресного и праздничного отдыха (в Петербурге даже признания праздниками 19 февраля и 1 мая), которого до тех пор булочники были *совершенно лишены*.

У *портных*, *сапожников*, *шапочников* и т. п. производствах злободневным вопросом является борьба против посредников (они называются также хозяйчиками, штучниками, ланцетниками и т. п.) и работы на дому и против поштучной платы. Посредники и поштучная плата

часовой рабочий день. О десятичасовом рабочем дне упоминается лишь в одном-двух докладах». (*Первая всеросс. конф. с. р. печ. дела.* Стр. 15).

[1]) Петербургскими булочниками размер этого вознаграждения был определен в 20 рублей („*Листок Булочников и Кондитеров*“, № 3).

[2]) Нам лично приходилось быть свидетелем, сколько горя и озлобления вызывало в рабочих обсуждение этого вопроса во время стачки булочников в Петербурге в 1906 г. Между прочим, наша бюрократия, выдвигающая обыкновенно в борьбе с рабочими организациями ссылку на интересы *общества*, должна была бы в действительных интересах общества обратить внимание на это требование рабочих булочников. Хозяйские (общие) квартиры фактически обрекают рабочих на безбрачие и заставляют их пользоваться услугами проституции. Сильное распространение, вследствие этого, среди них венерических болезней, при полном отсутствии медицинского надзора и при антисанитарных и антигигиенических условиях как квартир, так и мастерских, представляют действительно серьезную опасность для народного здоровья.

в названных производствах служат не только средством усиленной эксплоатации труда, но и способом борьбы,—особенно посредники,—предпринимателей против профессионального об'единения рабочих, задерживая в то же время развитие техники производства. Широкая поддержка московскими портными стачки у Мандля (сентябрь 1906 г.) мотивировалась со стороны многих мастерских именно тем, что в числе требований, пред'явленных Мандлю, имелись требования принципиального характера: отмена поштучной платы и замена ее месячной и признание уполномоченных [1]). Борьба против хозяйчиков и поштучной платы была выдвинута на первую очередь и первой конференцией проф. союзов портновского цеха [2]). В Екатеринославе и в некоторых цехах в Одессе поштучная плата после упорной борьбы отменена [3]).

Главным содержанием борьбы *торгово-промышленных служащих*, преимущественно приказчиков, является защита завоеванного осенью 1905 г. воскресного и праздничного отдыха и требование сокращения рабочего дня до 10 часов с обеденным перерывом. В тех торговлях, где имеются хозяйские квартира и пища, ведется борьба против них. Нищенская оплата труда приказчиков выдвигает повсюду требование увеличения жалованья. Часто встречающееся требование вежливого обращения указывает на под'ем человеческого сознания даже в наиболе отсталых слоях приказчиков.

Совершенно новым элементом в русском рабочем движении являются *архитектурно-строительные рабочие*, движение среди которых до 1905 г. проявлялось только в Царстве Польском и отчасти в Северо-Западном крае. Будучи в большинстве цехов *сезонными рабочими*, они еще сильно связаны с деревней, где проводят почти полгода. Это несомненно влияет и на их культурный уровень, и на их полукрестьянскую психику. 1905 год, встряхнувший сильно и деревню, отмечается первыми стачками среди архитектурно-строительных рабочих. В 1906 г. появляются уже профессиональные союзы архитектурно-строительных рабочих в более крупных городах и под их руководством стачечное движение принимает более планомерный характер и достигает значительных успехов. В Вильне, Лодзи, Москве, Саратове и др. гор. строительные рабочие добились 9-час. раб. дня, вместо прежнего 14—18-часового. В Саратове каменщики подняли заработок с 80 к. до 1 р. 25 к. (1-й руки) и с 65 к. до 1 р. 10 к. (2-й руки) [4]). Из специальных задач,

---

[1]) «*Листок для Рабочих Портных, Портних и Скорняков*». Спб., 1906, № 17 Стр. 6.

[2]) Там же, № 15. Стр. 7.

[3]) «*Освобождение Труда*». Од., 1906 г., стр. «*Листок для Портных* и т. д.», № 20.

[4]) Желание доказать на практике возможность введения 8 часового рабочего дня при строительных работах увлекло петербургский союз арх.-т.-строит. рабочих на путь самостоятельных подрядов. Работы и при 8-часовом рабочем дне оказались выгодными, но в то же время послужили поводом к целому ряду внутренних недоразумений и повлекли, наконец за собою почти полное разложение союза. Печальный и наглядный опыт петербургского союза заставил конференцию строительных рабочих принять резко отрицательную резолюцию по поводу производительных артелей. См. *Постановления 1-го совещ. архит.-строит. рабочих*. М. 1907 г., стр. 14).

которые преследуют строительные рабочие, отметим борьбу с наймом на долгие сроки (сезон) и с выдачей подрядчиками авансов, так как то и другое является только средствами закабаления рабочих. Еженедельные расплаты, отмена хозяйских квартир и пищи и отмена поштучной платы являются требованиями, встречающимися почти во всех стачках строительных рабочих.

Мы не имеем возможности останавливаться отдельно на условиях борьбы и специальных требованиях рабочих целого ряда других производств, в которых замечается за последние два года более или менее сильное стачечное движение: табачных, деревообделочных, портовых рабочих, судовых команд Каспийского флота, Шлиссельбургского канала, рабочих золото-серебреников, часовщиков, красильного, прачечного дела, грузчиков, каталей, извозчиков легковых и ломовых, прислуги и т. д. и т. д.

Основными требованиями стачечного движения последних лет являются таким образом:

1. Сокращение рабочего дня.
2. Повышение заработной платы.
3. Отмена сверхурочных работ.
4. Замена сдельной платы повременной, и
5. Признание профессиональной организации и, как представителей ее: в ремесленных мастерских—выборных (уполномеченных) рабочих, в фабрично-заводской промышленности,—рабочих комиссий (комитетов).

Последнее требование не только выставлялось в целом ряде производств, но и во многих производствах было удовлетворено. На первый взгляд может казаться странным, что то, чего с таким трудом добиваются долгие годы сильные западно-европейские профессиональные союзы, достигнуто в течение двух лет нашими молодыми профессиональными организациями [1]). Не нужно, однако, обманываться относительно прочности этих завоеваний. Наша фабрично-заводская «конституция» не прочнее ее политической тезки. Предприниматели охотно шли на первых порах на переговоры с представителями союзов, потому что видели в них силу, регулирующую стачечное движение, уничтожающую существовавшую до тех пор «анархию» стачек, и орган, с которым возможно входить в те или иные взаимные обязательства. Но чем больше предприниматели убеждались, что професс. союзы, помимо охраны производства от «дезорганизации», ставят себе главною и основною задачею борьбу за улучшение условий труда и чем реальнее проявлялось это последнее значение союзов, тем резче менялось отношение предпринимателей к союзам рабочих. Мы видим уже с их стороны не только резкий отказ признать организацию рабочих, но и активные шаги (локауты) специально для уничтожения профессиональных союзов рабочих. В свою очередь, рабочим прихо-

---

[1]) Нам лично приходилось замечать, с каким недоверием руководители германского профессионального движения выслушивали фактические сообщения о тех завоеваниях, которых добился в этой сфере хотя бы только петербургский союз печатников.

дится вступать в стачечную борьбу исключительно с целью защиты своей организации. Из числа таких стачек, наиболее изобилующих трагическими эпизодами, необходимо отметить в первую очередь борьбу моряков черноморского торгового флота из-за права на существование их профессиональной организации—Регистрации [1]).

III.

Из всего вышеизложенного можно видеть, что основной формой экономической борьбы, совершающейся под руководством профессиональных союзов, остается попрежнему *стачка*,—форма, обусловливаемая характером самого капиталистического производства. Различие со всем предыдущим периодом экономической борьбы русских рабочих заключается в том, что теперь в преобладающем большинстве *стачки организованы.* Организованы, как в смысле их подготовки и предварительной выработки требований, так и в смысле систематической и планомерной поддержки стачечников, так, наконец, и в смысле планомерного прекращения стачек.

Стачка булочников в июне 1906 г. в Петербурге, о которой мы уже упоминали выше (гл. II), была первым испытынием для русских профессиональных организаций в смысле руководства крупной стачкой, охватывающей несколько тысяч рабочих, выступающих, притом, вообще в первый раз в экономическую борьбу с предпринимателями, к тому же при общем очень низком культурном уровне рабочей массы. Испытание было выдержано блестяще. После предварительной широкой агитации по отдельным булочным и кондитерским в середине мая союз созвал около 150 человек выборных, представлявших почти всю восьмитысячную массу петербургских и пригородных булочников. Собранию было предложено, во-первых, решить принципиальный вопрос о желательности и возможности стачки, и во-вторых, когда на этот вопрос был дан единодушный положительный ответ, на обсуждение собрания был предложен список требований, причем в основу их правление союза положило требования, выработанные общим собранием булочников еще в октябрьские дни. По окончании выработки требований был выбран стачечный комитет, в руки которого было отдано руководство стачкой. В комитет было выбрано, конечно, и большинство членов правления союза. Решено было вести тайно подготовительную агитацию и только по указанию стач. ком. бросать работы. Пособие из средств союза было решено выдавать с третьего дня забастовки по 20 к. на человека.

3 июня стач. комитет призвал рабочих бросить работу, и работа единодушно прекратилась; одновременно рабочие пред'явили по всем

---

[1]) .... В своем полном и общем виде „Регистрация“ была замкнутым профессиональным союзом, а устав ее—договором, охраняющим как ее замкнутость от вторжения неквалифицированных рабочих, так и ее монопольное распоряжение рынком труда черноморского торгового флота“. (*П. Стрельский.* Драма тружеников моря. „Образование“, 1907, № 3, стр. 18).

мастерским вполне однородные, выработанные раньше требования с заявлением, что дальнейшие переговоры будут вестись только через стачечный комитет. С этого дня стачечный комитет собирается ежедневно, ежедневно производится поверка бастующих булочников, ежедневно казначей союза выдает посибия стачечникам (пособия выдавали членам и не-членам союза), одновременно союз организует по мере полицейской возможности собрания стачечников как для сообщений о ходе стачки, так и для чтения лекций, рефератов или для обсуждения политических вопросов дня.

После двухнедельной забастовки хозяева, наконец, должны были уступить и начали переговоры со стачечным комитетом. После неудавшегося соглашения в заседании представителей хозяев и рабочих под председательством петербургского городского головы, мир был заключен примирительной камерой под председательством профессора Л. Явейна. Рабочие добились значительных уступок. После подписания рабочими и хозяевами протокола о соглашении, стачечный комитет об'явил о прекращении забастовки в тех булочных, хозяева которых признали соглашение [1]). Стачка прекратилась так же дружно, как и началась. Стачечный комитет прекратил свое существование вместе с опубликованием своего денежного отчета.

Мы остановились так подробно на описании петербургской стачки булочников, потому что ее *техника* является типичной для стачек, руководимых союзами. Как общее правило, действующее во всех союзах, можно установить, что *ни одна стачка не может быть об'явлена без разрешения правления союза*, если члены союза желают пользоваться поддержкою последнего. Было бы ошибкою видеть в этом правиле проявление «бюрократического централизма», оно представляет из себя только необходимую гарантию контроля со стороны высшего исполнительного органа союза. В самом ведении стачки союзы предоставляют довольно широкую автономию бастующим рабочим. При крупных стачках (одесских моряков, моряков каспийского флота, портных в Москве и т. д.) верховное руководство стачкой находится в руках выборных (уполномоченных), которые, как и петербургские булочники, выбирают свой исполнительный орган,—стачечный комитет; последний действует под постоянным контролем правления союза. Распределение стачечных пособий остается в руках правления союза. У более прочно сложившихся союзов,—как у печатников,—стачечный комитет заменяет само правление и в руках его остается как главное руководство стачкой, так и переговоры с предпринимателями.

При мелких стачках текущее руководство стачкой обыкновенно остается в руках *собрания самих бастующих*, но под непременным контролем специально делегируемого члена правления (большею частью секретаря); в мелких союзах, конечно, и мелкие стачки ведутся самим правлением.

---

1) Протоколы заседаний примирительной камеры и подробное описание хода стачки напечатаны в „*Листке Булочников и Кондитеров*“. Спб., 1906, № 4—5.

Точную регламентацию руководства стачками мы находим единственно только в петербургском союзе рабочих по металлу. Об'ясняется это тем, что до раз'яснения прав. сената о праве союзов иметь стачечные фонды и выдавать пособия во время стачек руководство союзов стачками носило полулегальный характер. Осуществляясь фактически, оно не закреплялось юридически. Поэтому союзы, не желая давать формальных поводов для репрессий против них, часто скрывают инструкции о руководстве стачками под видом руководств о пособиях безработным или вырабатывают смешанные инструкции [1]).

Инструкция органам управления пет. союза раб. по металлу устанавливает раньше всего, что «все забастовки экономического характера как оборонительные, так и наступательные подлежат общему руководству со стороны правления союза» (VIII, 1). Во всех случаях предполагаемых экономических столкновений, какой бы характер они ни носили, должно быть своевременно сделано соответствующее заявление правлению союза с указанием: «а) общего числа рабочих в данном предприятии или мастерской и сколько из них членов союза; б) сколько из членов союза находятся в организации свыше шести месяцев; в) требований, которые предполагается выставить, или, если столкновение носит оборонительный характер, произведенных или предполагаемых ухудшений; г) когда предполагается выставить требования; д) продолжительности рабочего дня, размера заработной платы, количества сверхурочных часов и размера их оплаты». При своем решении правление, следовательно, принимает во внимание не только шансы стачки на успех, но и возможную ее стоимость. Если правление на основании представленного материала решает вопрос в положительном смысле, то «забастовка об'является только тогда, когда не менее трех четвертей рабочих, занятых в данном предприятии, высказывается при тайной подаче голосов за прекращение работы». Мы видим, что, таким образом, возможному увлечению правления союза забастовками положен предел предоставлением верховного решения самим заинтересованным рабочим, при чем установлено даже квалифицированное большинство.

Техническое руководство—раздача пособий, патрули, созыв собраний, отчет—находится в руках специально выбираемой стачечной комиссии (из 3—5 человек), куда правление имеет право посылать своего делегата с правом решающего голоса. В видах охраны интересов союза «правление имеет право об'явить оконченной безнадежную забастовку» (VIII, 9).

Мы не останавливаемся здесь на размере пособий во время стачек и на условиях их выдачи; если (при крупных стачках) союз не устанавливает специальных размеров и условий, то обыкновенно

---

1) См. „Союз раб печатн. дела в С.-Петербуге". Отчет за 1906 г. (*Професс. Вестник*", 1907, № 3, стр. 9), а также „*Вестник Золотосеребряников и Бронзовщиков*". Спб., 1906, № 1, стр. 5; „*Листок для Рабочих Портных, Портних и Скорняков*". Спб., 1906, № 6.

они совпадают с условиями, на которых выдаются пособия безработным (см. гл. V) [1].

По мере развития профессионального движения, пред профессиональными союзами ставится уже более широкая задача: не только внести планомерность в ту или иную отдельную стачку, но и *урегулировать стачечное движение*, придать последнему известную планомерность. Впервые получается возможность говорить о *стачечной тактике*. Конечно, к установлению определенной тактики приходится относиться с большей осторожностью, потому что если необходимость планомерности в стачечном движении вызывается как интересами успешности последнего, так и интересами систематического укрепления профессиональной организации, то, с другой стороны, при относительной слабости наших союзов, неосторожно выработанная тактика может при неуклонном проведении повести к гибели профессиональных организаций.

При настоящем положении профессионального движения у нас возможна только выработка самой общей линии поведения, при чем в этом случае приходится считаться с двумя основными факторами: *условиями производства* [2] *и взаимоотношением сил организаций рабочих и предпринимателей.*

Названным вопросом занимались две конференции: печатников и текстильных рабочих, придя при этом к двум противоположным решениям.

Конференция печатников, обсуждая формы экономической борьбы, раньше всего указывает в своей резолюции, что „установить общую тактику ведения стачечной борьбы невозможно: эта тактика должна прежде всего отличаться гибкостью, должна сообразоваться с особенностями места и времени борьбы». Конференция считает все таки нужным указать, что «единовременные выступления целых городов и областей, требующие особенного напряжения сил и средств рабочих организаций и крайне опасные для них в случае поражения, требуют самого осторожного к себе отношения, самого внимательного учета. Конференция поэтому, считает целесообразным вести борьбу партизанским путем, концентрируя ее единовременно на отдельных городах и предприятиях. Отмечая, однако, что при некоторых условиях

---

[1]) Петерб. союз раб. золото-серебр. произв. и бронзовщиков устанавливает выдачу пособий с 4 го дня забастовки: получившие от хозяина расчет получают пособие с 8 го дня, а получившие при расчете зараб. плату за 2 недели вперед начинают получать пособие с 15 дня безработицы. Такой же порядок выдачи установлен и в петерб. союзе раб. печ. дела.

[2]) На конференции союзов рабочих кожевенного производства Северо-западного края летом 1907 года была принята следующая резолюция: «В виду того, что в интересах рабочих масс, а следовательно и профессиональных союзов, — не мешать нормальному развитию производства, что рабочие постоянно заинтересованы в его процветании, исходя из этого, конференция считает недостаточным принять в соображение только свои собственные силы, но находит необходимым считаться также с тем, насколько удовлетворение требований рабочих повлияет на развитие производства, и ни в коем случае не рекомендует выставлять такие требования, которые могут привести к крушению его». («*Товарищ*», № 287).

партизанские выступления могут быть для рабочих невыгодны, конференция предостерегает от увлечения ими и их переоценки» [1]).

К противоположному решению пришла конференция союзов текстильных рабочих, обсуждавшая тот же вопрос, правда, только в пределах Московского промышленного района. Конференция признала «главным и наиболее действительным средством для поднятия экономического положения текстильных рабочих района областную забастовку в текстильной промышленности района». Более того, конференция, в целях подготовки областной забастовки, предложила: «удерживать массы от частичных забастовок в отдельных местностях и пред'явления общих требований». Конференция признала допустимыми частичные забастовки: «во 1-х, для отпора посягательствам капиталистов, во 2-х, как средство воспитания и организации наиболее отсталых масс, еще не втянутых в движение, и в 3-х, там, где условия труда наиболее тяжелы» [2]).

Итак, пред нами две тактики: *тактика частичных забастовок* (очень неудачно названных партизанскими стачками), которая стремится путем последовательных стачек в отдельных предприятиях, дезорганизуя ряды предпринимателей, выравнивать условия труда по отношению к наивысшим в производстве, и другая, *тактика всеобщих забастовок*, которая, сдерживая отдельные проявления экономической борьбы, имеет целью сохранить энергию рабочей массы и средства союза для того, чтобы в соответствующий момент вступить в борьбу по всей линии с предпринимателями всего данного производства.

Поскольку, принимая во внимание вышеуказанные оговорки, можно высказываться за ту или иную общую тактику стачечной борьбы, мы должны сказать, что первая из указанных двух тактик гораздо более соответствует современному положению и силам нашего профессионального движения. Наши организации еще не приспособлены, ни по своим средствам, ни по своей технической сноровке, к ведению крупных стачек, охватывающих несколько крупных предприятий, а тем более все производство данной области. И, наоборот, частичная стачечная борьба, не требующая одновременных крупных затрат со стороны союза и громоздкого организационного аппарата, поддерживаемая солидарностью работающих товарищей, — обещает успех и при современных силах нашего профессионального движения. Но, конечно, эта частичная борьба должна носить вполне планомерный характер, в этом и заключается задача профессионального союза [3]).

---

[1]) *Протоколы первой всеросс. конф. с. раб. печ. дела.* Стр. 111—112.

[2]) *Первая областная конференция пр. с. раб. по обраб. волокн. вещ.* Стр 61.

[3]) В № 230 «Речи» (1907 г.) мы находим довольно резкий выпад против профессиональных союзов по поводу тактики частичных забастовок. Оставляя в стороне заимствованные из арсенала «России» жупелы в роде «подпольных, безответственных» вожаков, мы должны сказать, что редакции «Речи» должно быть известно различие между дезорганизацией рядов предпринимателей и дезорганизацией производства; ведь и г.г. кадетам их враги часто подставляют под их борьбу с определенным правительственным режимом борьбу с государством. Тот процесс, который замечается теперь в типографском производстве, есть обычное

Вполне сознавая, что ссылка на единичные примеры не может служить доказательством, мы должны все-таки отметить, что борьба частичными стачками типографщиков во многих городах увенчалась успехом [1]). Областная забастовка текстильных рабочих Московского промышленного района, подготовленная двумя конференциями и об'явленная в июле 1907 г., закончилась полною неудачею [2]).

Как показывают вышеприведенные примеры, вместе с ростом об'единения профессиональных организаций по областям и даже всей России, выдвигается вопрос и о руководстве стачками не только в данном месте, но и в данной области. К передаче такого руководства из рук правления союза в руки центрального областного или всероссийского органа союза, — нужно сказать, — относятся очень осторожно. Текстильная конференция, правда, передает руководство областной стачкой в руки выбранного ею Областного Бюро, но в известных только, ограниченных рамках, принципиально же вопрос о забастовке решается самой конференцией, которая собирается вторично в июне 1907 г. [3]). Конференция печатников совершенно устраняет из деятельности выбранного ею Центрального Совета руководство стачками, вопрос же о руководстве со стороны Областных Бюро областными стачками предусмотрительно передает на разрешение областных с'ездов.

Наиболее централизованными в этом отношении являются союзы щетинщиков и союзы кожевенников Северо-Западного края. На учредительном с'езде рабочих кожевенников, происходившем в середине марта 1907 г., и на котором были представлены 17 проф. союзов из 16 городов и местечек, был создан центральный орган («центральное бюро») из 5 выбранных на с'езде лиц. В руки этого бюро переданы значительные полномочия и средства. Местные союзы должны отчислять ему 20% своих доходов, 30% *в стачечный фонд, находящийся в его распоряжении* и 50% оставлять себе, из них 30% на административные и 20% на культурные цели. Из центрального стачечного фонда каждый местный союз может получить средства во время забастовки только в том случае, если та была об'явлена *с согласия Центрального Бюро* [4]).

явление во всяком производстве, в котором рабочие добились значительных улучшений условий труда. Улучшение техники, введение новых машин, замена ручного труда машинным вслед за сокращением рабочего дня и повышением заработной платы есть закон капиталистического производства, а то, что выброшенные на улицу рабочие бывают первыми жертвами собственных завоеваний, это одно из противоречий последнего. Наши союзы поняли это и, как увидим ниже, отрицают борьбу с техническими усовершенствованиями производства; пусть поймут это и гг. кадетские публицисты и не проливают напрасно слез по погибающей промышленности.

[1]) *Протоколы первой всеросс. конф. с. раб. печ. дела*, Стр. 14.

[2]) «*Челнок*», Спб., 1907, № 1, стр. 12—13.

[3]) См. Вторая конференция текстильн. раб. центрального района. («*Професс. Вестник*», Спб., 1907, № 11—12, стр. 13—14).

[4]) Учредительный с'езд кожевенников (*Професс. Вестник*, 1907, № 6). См. также «*Наша Трибуна*», Вильна, 1907, № 12.

Несмотря на почти полное отсутствие централизованного руководства экономической борьбой, жизнь постепенно создает известную согласованность действий союзов в различных местах, особенно во время крупных экономических столкновений. Эта согласованность действий спаивает органически союзы отдельных городов и кладет прочные основы для будущей всероссийской централизации союзов. Проявлениями классовой солидарности русское рабочее движение богато и в прошлом, однако, только теперь,—благодаря союзам,—эта солидарность выливается в планомерные действия.

Материальную помощь союзы оказывают не только союзам данного города, но при крупных столкновениях и иногородним союзам. Так, житомирские типографские рабочие получили во время локаута щедрую поддержку со стороны петербургских и московских союзов. Во время типографского локаута в Москве (февраль 1907) петербургский союз, помимо другой поддержки (о которой ниже), обещал московскому союзу в случае надобности взаимообразно 2,000 рублей. Саратов, в ответ на полученную из столиц помощь во время стачки типографщиков, ассигнует 100 рублей в помощь московскому союзу во время того же локаута и обещает дальнейшую поддержку. Проявление солидарности не ограничивается, конечно, одною материальною помощью. Оно выражается также и в организованных выступлениях. Для поддержки московской забастовки типографщиков в сентябре 1905 г. петербургский союз раб. печ. дела организует трехдневную всеобщую забастовку-демонстрацию. Столкновение в московской типографии Яковлева из-за попытки заменить восьмичасовую ночную смену девятичасовой, послужившее поводом к февральскому локауту, вызывает организованные местными союзами забастовки в печатных заведениях Яковлева в Петербурге, Киеве, Ростове н Д. и Калуге. По всей России союзы следят за тем, чтобы работы Яковлева не исполнялись другими типографиями. Наконец, становится все более и более употребительным взаимное осведомление союзов о стачках на тех или иных заводах, фабриках, мастерских во избежание найма предпринимателями иногородних рабочих.

На почве развитой союзами солидарности становится возможным появление новой в России формы экономической борьбы — *бойкота*. Конечно, значение последнего в ходе экономической борьбы несравненно меньше значения стачки. Об'ясняется это раньше всего характером самой названной формы экономической борьбы, рассчитанной в первую очередь на солидарность *потребителей*, а не на солидарность *производителей*. Успех бойкота зависит от массы поддерживающих его и требует не только солидарности рабочих, но и солидарности, вообще, трудящихся классов, мелкого мещанства, городской демократии. Поэтому бойкот возможно проводить при столкновениях в таких предприятиях, где продукты производятся для потребления широких масс, и тогда, когда предмет конфликта настолько популярен, что может вызвать активное сочувствие масс. Правда, в случаях бойкота фирм, производящих фабрикаты, успех его зависит от солидарности производителей обрабатывающих последние. Но случаи

таких бойкотов более редки, и требуют сильной степени организованности рабочих.

Применение бойкота, в виду названных причин, относительно очень ограничено и в Западной Европе, у нас же препятствует ему отсутствие сплоченности и навыка к совместным действиям широких народных масс, от которых в большинстве случаев зависит успех бойкота. Тем не менее, в трехлетней истории нашего профессионального движения мы можем отметить несколько случаев успешного применения бойкота при экономических столкновениях рабочих с предпринимателями [1]).

Одним из наиболее удачных и широко примененных случаев бойкота является бойкот газеты «XX век» («Русь»), организованный петербургским союзом рабочих печатного дела и поддержанный профессиональными союзами всей России. Энергичная кампания союза печатников за введение полного воскресного отдыха для всех газетных рабочих встретила препятствие в сопротивлении «прогрессивного» редактора-издателя «Руси» г. А. А. Суворина. Исчерпав все мирные способы улаживания спора, союзом была об'явлена стачка в типографии газеты. Однако, Суворину удалось набрать достаточное число штрейкбрехеров. Тогда союз прибег к решительному способу: на общем собрании союза 30 апреля 1906 г. было решено об'явить газете бойкот. Бойкот нашел поддержку, как со стороны социалистических партий, так и со стороны некоторых лиц интеллигентных профессий (союза инженеров и др.). То было время, когда к нуждам рабочего класса «общество», так или иначе, еще прислушивалось. Результаты бойкота очень скоро сказались: через две недели Суворин предложил передать дело третейскому суду, который, как мы уже знаем, вынес свое решение всецело в пользу союза печатников.

Бойкот применяется в нескольких случаях одновременно со стачкой, напр., в Харькове осенью 1905 г. организуется очень удачный бойкот табачных продуктов; в Москве в чайной развеске Высоцкого, где преимущественно работают женщины, стачка закончилась удачно только после применения бойкота товаров Высоцкого. Последнему особенно содействовал Всеросс. жел. союз, согласно постановлению которого чай фирмы Высоцкого не принимался и не отправлялся по железным дорогам [2]). Мы встречаем, наконец, в практике русских

---

[1]) В нашей профессиональной печати и практике бойкотом ошибочно называют обыкновенно также и запрещение, налагаемое союзом на то промышленное заведение, в котором происходит забастовка. Это запрещение, называемое немцами „Sperre“, не имеет ничего общего с бойкотом, как таковым, а является только предупреждением для рабочих не занимать места бастующих товарищей. Ту же ошибку делает и В. Святловский, причисляя к случаям бойкота обычные извещения союзов о забастовке в том или ином отдельном предприятии Конечно, еще больше путаницы вносит смешение бойкота предметов потребления, как формы экономической борьбы, с личным бойкотом, как меры наказания штрейкбрехеров. (См. *В. Святловский*. Проф. дв. в России, стр. 216).—Такое же смешение понятий мы находим и в резолюции о бойкоте перв. конфер. печатников.

[2]) *„Рабочий Союз“*. М. 1906, № 2, стр. 9.

союзов одну из указанных выше разновидностей бойкота: призыв о бойкоте направляется не к потребителям, а к производителям. Петербургский союз приказчиков, натолкнувшись в своей борьбе за десятичасовой рабочий день на активное противодействие со стороны купца А. М. Карякина, представителя фабрики фирмы М. И. Карякина, об'явил последней бойкот и в специальном воззвании обратился ко всем портным с просьбой поддержать бойкот. Портные должны настаивать, чтобы те магазины, на которые они работают, не покупали товаров Карякина, а в случае покупки должны браковать их [1]). К сожалению, нам неизвестны результаты этого интересного случая бойкота.

Мы должны остановиться еще на одной активной форме экономической борьбы, встречающейся довольно часто за последние два года—на *экономическом терроре*. Нет надобности говорить, что профессиональные союзы становятся резко отрицательно к этой форме борьбы, явно противоречащей всем основным принципам профессионального движения. Профессиональное движение, путем сплочения и организации рабочих масс, путем целесообразного регулирования выступлений последних, путем постепенного улучшения общих условий труда и смягчения, до известной степени, для рабочих масс последствий тех противоречий, которые заложены в капиталистическом производстве,—направляет в конечном счете свои удары против всей системы последнего. Экономический же террор, ставя себе целью уничтожение отдельных лиц фабрично-заводской администрации или даже уничтожение и разрушение орудий производства, дезорганизует рабочие массы, культивируя в них инертность надеждою на геройство отдельных лиц, или еще хуже, отталкивая их, под давлением репрессий, следующих за террористическими эксцессами, в ряды реакции.

Уже вследствие одного этого, если даже оставить в стороне локауты, как последствия террора и, наконец, процветающую на этой почве провокацию,—профессиональные союзы принуждены энергично бороться против экономического террора. Последний ведь и пускает свои ростки на почве разочарования известных слоев рабочих деятельностью союзов. И поскольку ограниченность деятельности союзов является результатом правительственных репрессий, постольку вина за эксцессы экономического террора ложится всецело на политическую реакцию [2]).

Взрывы и поджоги пароходов Русского Об-ва пароход. и торгов. во время известной стачки моряков черноморского торгового флота в Одессе начались только тогда, когда административные репрессии сделали невозможным руководство стачкой со стороны выбранного стачечного комитета и когда против мирно бастовавших моряков выпустили террористов-хулиганов из союза русского народа. Эконо-

---

[1]) „*Листок для Рабочих Портных, Портних и Скорняков*". Спб., 1906, № 16.

[2]) „Содействие администрации при локаутах сильно раздражает рабочих и создает почву для анархистских действий. Факты экономического террора происходят все чаще и чаще",—пишут из Одессы. („*Н. Трибуна*", № 5, стр. 17).

мический террор, особенно процветающий в Лодзи и в Варшаве, вырос там на почве преследования местными властями всяких легальных путей экономической борьбы. И когда, в той же Лодзи было разрешено собрание представителей от всех местных фабрик, то они, в числе 150 человек, вынесли единогласно резолюцию, резко осуждающую экономический террор и указывающую, что «борьба за освобождение рабочего класса может быть только делом всего рабочего класса, а на отдельных лиц, что только массовое движение может принести победу и что единственным путем в этом направлении является развитие сознания и организации рабочего класса на поле экономической и политической борьбы» [1]). А несколькими месяцами раньше пять тысяч рабочих брянского завода, подвергшихся локауту за убийство неизвестным лицом инженера Мылова, заявили в своей резолюции, что «задача рабочих бороться всей массой, путем массовых средств и массовой организации, а не анархической борьбой отдельных лиц, вредящей рабочему делу» [2]).

Профессиональные союзы как в устной агитации, так и в своей печати ведут усиленную борьбу с экономическим террором. Но эта борьба как с проявлениями стихийного террора (случай в Нарве), так и с пропагандой террора со стороны г.г. максималистов, анархистов, махаевцев и т. п. может быть продуктивной только в случае предоставления профессиональным организациям полной свободы для их развития и укрепления.

Лучшей иллюстрацией тех хаотичных условий, при которых приходится развиваться русскому профессиональному движению, может служить то обстоятельство, что, одновременно с тем, как профессиональным союзам в России приходится еще бороться с средневековым, варварским принципом единоборчества, они уже вводят в русскую практику приемы профессиональной борьбы, выработанные западно-европейским профессиональным движением только на высшей ступени его развития.

Третейские суды, камеры соглашения, примирительные камеры, тарифные договоры—это те формы разрешения конфликтов между предпринимателями и рабочими, которые уже предполагают признание со стороны союзов или отдельных предпринимателей рабочих союзов, как равноправную сторону. Мы уже указывали выше на причины, почему в России рабочие профессиональные организации так быстро добились их признания со стороны предпринимателей. Последним обстоятельством об'ясняется появление на первых же стадиях русского профессионального движения тех институтов, которые в Запад-

---

[1]) „*Рабочий по Металлу*“, Спб., 1907, № 18, стр. 13.—Конференция беспартийных союзов ткачей Царства Польского (основанных Р. Р. S.), на которой присутствовали представители 9 городов, единогласно признала недопустимым применение экономического террора. („*Професс. Вестник*“, 1907, № 10, стр. 11).

[2]) „*Печатное Дело*“. М. 1907, № 23, стр. 6.—По поводу покушения на жизнь помощника командира петербургского порта Котлярова, экстренное соединенное собрание членов правления союза портовых рабочих и уполномоченных от цехов нового адмиралтейства, гребного порта и галерного островка вынесло резкую резолюцию по поводу террористической тактики, („*Речь*“, 4 июня 1907 г.).

ной Европе появляются в результате долгой и упорной борьбы. Опыт Западной Европы способствовал, с другой стороны, тому, что все перечисленные выше институты не встретили в среде профессиональных деятелей того предубеждения, которое пришлось им преодолевать в соответственных кругах Западной Европы. Известно, что в Германии, напр., долгое время, а во Франции и теперь еще третейские суды, примирительные камеры, тарифные договоры рассматривались, как учреждения, принижающие классовую борьбу и противоречащие ее принципам. Мы, к счастью, имели возможность учесть практику западно-европейского профессион. движения и убедиться, что все эти институты не только не противоречат принципам классовой борьбы, но, поставленные в известные границы, содействуют успехам рабочего движения. Практика нашего движения показывает, что и в определении этих границ оно стоит вполне на высоте современного рабочего движения.

Камеры соглашения, называемые у нас часто примирительными камерами, действуют у нас не как постоянные учреждения, предупреждающие конфликты, а как временные, устанавливающие условия мира между двумя воюющими сторонами. Они составляются из приблизительно равного числа представителей рабочих и предпринимателей, под председательством нейтрального лица, и возникают по предложению той или другой стороны во время стачки для выработки условий договора. Стачка булочников в Петербурге, о которой мы говорили выше, и стачка каталей летом того же года в Петербурге закончились договором, заключенным в такой камере соглашения. Еще раньше в такой камере соглашения был заключен договор между рабочими и администрацией пробочного завода Арпса в Одессе [1]).

Примирительные камеры, как более или менее постоянно функционирующие учреждения, мы встречаем почти только у рабочих печатного дела [2]); в Петербурге примирительная камера возникает еще осенью 1905 г. Задача таких камер, состоящих из *равного* числа рабочих и предпринимателей, предупреждать конфликты из-за мелких споров и недоразумений; решения ее, однако, могут быть обязательны для рабочих только после утверждения их союзом [3]). Попытка петербургского союза раб. по металлу (в конце 1907 года) организовать примирительную камеру для разбора дел об увечьях и несчастных случаях окончилась неудачею, благодаря сопротивлению петербургского об-ва фабрикантов и заводчиков.

Третейские суды, как и камеры соглашения, существуют в практике русского профессионального движения не как постоянные учреждения, и потому не имеют определенных регламентов. Пределы

---

[1]) „*Союз*". Од., № 1, стр. 25.

[2]) По докладу Орг. Бюро на конфер. печатников примир. камеры существовали в С.-Петербурге, Москве, Вологде, Орле, Симферополе и Риге (*протоколы и т. д.* Стр. 15).

[3]) На Западе примирительные камеры, как известно, занимаются, по преимуществу, разрешением споров, возникающих на почве толкования коллективного договора.

их компетенции устанавливаются в каждом отдельном случае. Оставляя в стороне целый ряд третейских судов по незначительным поводам [1]), остановимся на двух их случаях, имеющих серьезное значение в истории профессионального движения. Об одном из них мы уже упоминали. Удачный бойкот газ. «XX Век» заставил издателя ее А. А. Суворина предложить разрешить спор между ним и союзом третейскому суду. Союз принял предложение. Третейский суд [2]), заседавший больше месяца, допросивший целый ряд свидетелей, вынес по обоим спорным вопросам (введение воскресного отдыха и обратный прием уволенных рабочих) решение в пользу союза печатников. Другой интересный случай третейского суда относится также к союзу печатников, но только в Москве. Союз типо-литографов хозяев пытался заменить установленную в августе 1906 г. восьмичасовую ночную смену девятичасовой. Попытка была сделана через печатное заведение Яковлева; однако, хозяева натолкнулись на сопротивление рабочих, поддержанное союзом печатников (общ. раб. граф. искусств). Конфликт разросся до локаута со стороны союза хозяев. Однако, союз рабочих держался стойко и получил сильную поддержку со стороны провинциальных союзов (см. выше), между тем, в союзе хозяев очень скоро наступил разлад и они должны были пойти на уступки рабочим. Все требования рабочих были удовлетворены: была восстановлена 8-часовая ночная смена в типографии Яковлева, были признаны уполномоченные и двухнедельный расчет был вычеркнут. Спорным остался вопрос об уплате за прогульное время. Этот вопрос и стал предметом рассмотрения третейского суда [3]). Суд единогласно признал «за всеми рабочими союзных типографий, лишившихся работы в связи с настоящим конфликтом, право на уплату хозяевами полного заработка за все время прогула вплоть до совершения нотариальной записи о настоящем третейском суде» [4]).

В названных обоих случаях третейского суда,—как между союзом рабочих и отдельным предпринимателем, так и между союзом рабочих и союзом предпринимателей,—суд не предупреждает конфликт, а заключает его в тот момент, когда одна из сторон уже сознает свое поражение. При этом, и это важно отметить, в компетенцию суда *не входит рассмотрение справедливости, принципиальной допустимости или фактической осуществимости того или иного требования рабочих, а только оценка на основании фактических данных правомерности действий тяжущихся сторон.*

Вот почему союз рабочих отверг предложение о третейском суде, когда союз типо-литографов хозяев предложил передать на его

---

[1]) См., напр., „*Союз*“. Од., 1906, № 1, стр. 2—3.

[2]) От союза судьями были избраны: Ф. Дан, Л. Лутугин и В. Чернов; от газеты „XX век“: Д. Герценштейн, С. Салазкин и Э. Радлов, супер-арбитром—прис. пов. С. П. Елисеев.

[3]) Судьями от союза рабочих были: А. Л. Евдокимов и Н. К. Муравьев, от союза хозяев: Н. К. ф.-Мекк и Л. В. Готье, супер-арбитром был выбран проф. М. М. Ковалевский.

[4]) Резолюция третейского суда. „*Печатное Дело*“. М. 1907, № 21.

рассмотрение вопрос о восьмичасовой ночной смене. Точно также и в Петербурге из компетенции суда было из'ято разрешение принципиальных вопросов [1]), и суд формулировал заключительные вопросы так: «имеет ли нравственное право, *после всего происшедшего*, С. Р. П. Д. требовать введения полного воскресного отдыха в типографии «XX Век»? и «имеет ли нравственное право С. Р. П. Д. требовать, *после всего происшедшего*, принятия газетой «XX Век» всех уволенных и ушедших вследствие конфликта рабочих и сотрудников, которые того пожелают?» [2]) (н. к.).

Принятые на всероссийской конференции союзов рабочих печатного дела резолюции о камерах соглашения, примирительных камерах и третейских судах санкционируют создавшуюся уже практику, хотя и не во вполне удачной редакции [3]).

Третий всероссийский с'езд торгово-промышленных служащих высказался также за устройство примирительных камер, подчеркивая, что «примирительные камеры отнюдь не устраняют возможности боевых столкновений, что авторитетность (их) решений зависит от силы профессиональных организаций служащих» [4]). Совершенно отрицательно к третейским судам и примирительным камерам отнеслась первая конференция професс. союзов портновского цеха [5]). Правда, ее резолюция говорит о примирительных камерах и третейских судах, как институтах «постоянно действующих», но вся мотивировка ее указывает, что конференция не приняла во внимание опыта последних лет на Западе и у нас, а имела в виду третейские суды Англии, действовавшие там в 60-х и 70-х годах, и определявшие, при столкновениях рабочих с предпринимателями, условия труда. Этот тип третейских судов давно уже осужден практикой самого английского тред-унионизма [6]).

---

[1]) В нашей заключительной речи на суде мы отчетливо подчеркнули это обстоятельство. (См. „*Вестник Печатников*", 1906, № 13, стр. 5).

[2]) „*Вестник Печатников*", Спб., 1906, № 12, стр. 7).

[3]) „1. Конференция считает целесообразным, для выяснения положения дел и во избежание напрасной траты сил, в отдельных случаях столкновений с предпринимателем, сначала передавать конфликт в камеру соглашения, составленную поровну из представителей обеих сторон; при этом необходимо, чтобы со стороны рабочих выступали представители союза, и чтобы решения камеры являлись необязательными, а утверждались каждым союзом в отдельности". „2. Примирительные камеры, составленные поровну из представителей предпринимателей и рабочих, и третейские суды, где к этим представителям присоединяется выборное или нейтральное лицо, конференция считает ни в коем случае недопустимыми для вынесения обязательных решений по каким-либо вопросам боевого характера, полагая, что решение таких вопросов может покоиться только на силе обеих организаций, для учета которых указанные учреждения совершенно непригодны". (*Протоколы и т. д.* Стр. 114—115).

[4]) *Протоколы 3-го Всеросс. с'езда общ. вспом. частн. служ. труду.* М., 1906, стр. IX.

[5]) *Листок для Рабочих Портных, Портних и Скорняков.* Спб., 1907, № 15, стр. 8.

[6]) См. *С. и Б. Вебб.* Теория и практика английского тред-унионизма. Спб., 1900. Т. I. Стр. 181 и след.

Отмеченный нами выше факт признания со стороны предпринимателей рабочих организаций, как равноправную сторону, уже на первых стадиях развития русского профессионального движения обусловил ранее возникновение *коллективных договоров*. Наши капиталисты, часто бессознательно, делали ту принципиальную уступку,— коллективным договором с рабочей организацией предопределяли условия индивидуального договора,—которая вызывала, да и до сих пор еще вызывает, упорное сопротивление со стороны капиталистов Запада.

Часто значение такого коллективного договора не вполне ясно и для другой заключающей его стороны, оно сознается только в процессе его функционирования. Вполне оформленный коллективный договор, с монопольным правом приема и увольнения служащих, мы находим у моряков черноморского торгового флота до закрытия их профессиональной организации «Регистрации». Коллективным договором заканчивается в примирительной камере стачка петербургских булочников. Подробно выработанные условия труда должны были быть внесены в расчетные книжки рабочих. Целый ряд коллективных договоров мы встречаем в печатном производстве, в нефтяной промышленности, в ремесленных производствах Северо-Западного края и Царства Польского.

Тарифные соглашения мы встречаем в печатном производстве в Прибалтийском крае между союзом хозяев и союзом рабочих; у польских литографов имеется признанный хозяевами минимум платы. В некоторых городах имеются тарифные соглашения между отдельными предпринимателями и союзом (Вильно, тип. Сыркина). В Петербурге и Москве выработка тарифа союзами продолжалась около года. В Петербурге тариф был почти уже окончательно выработан в смешанной комиссии из представителей союзов рабочих и хозяев, но заседания ее были прерваны сравнительно из-за незначительного разногласия по вопросу об отпусках [1]). Последовавшее вскоре вслед за разрывом переговоров закрытие градоначальником Общества рабочих печат. дела грозит оттянуть заключение этого наиболее тщательно выработанного тарифного соглашения на долгий срок.

Преимущества коллективного договора перед индивидуальным отмечаются в резолюциях как конференции союзов портных, так и союзов печатников. Последняя находит целесообразным «заключать такие (тарифные) соглашения или без указания срока, или на срок не свыше одного года» [2]).

Соглашаясь с тем, что заключение тарифных соглашений на долгие сроки вообще невыгодно для рабочих, а тем более теперь у нас, мы считаем, что при заключении соглашения без срока последнее теряет большую часть своей ценности. Отсутствие срока в договоре позволяет, ведь, не только рабочим, но и предпринимателям

---

[1]) Правда, один из кардинальных вопросов—длина рабочего дня (8 час. или 9 час.)—был оставлен для разрешения до окончания выработки всех условий тарифа. (См. приложение к № 12 журн. *„Жизнь Печатника“*).

[2]) *Протоколы и т. д.* Стр. 115.

нарушить его в любой момент. А главное значение тарифного соглашения для рабочих заключается в том, что, обеспечивая себя на известный срок определенными условиями труда, они это время используют для укрепления своей организации и подготовки борьбы за следующие завоевания, для которых коллективный договор является в сущности только регистратором. В конечном счете как условия коллективного договора, так и его прочность определяются только силою профессиональных организаций [1]).

IV.

Отсутствие в русских профессиональных союзах статистики стачек, как мы указывали уже выше, не дает возможности точно и об'ективно учесть влияние руководства профессиональных союзов на успехи экономической борьбы [2]). Тем не менее, мы имеем косвенное подтверждение того, что влияние это огромно и что успехи, достигнутые экономической борьбой под руководством союзов, относительно очень велики. Это косвенное подтверждение мы видим в том энергичном натиске, которому подверглись русские профессиональные союзы со стороны организованного капитала по прошествии меньше чем года их деятельности.

Уже массовые выступления рабочих в 1903, 1904 и, особенно, в 1905 году заставили русских капиталистов поставить на очередь вопрос об организации предпринимателей.

Организационная работа ведется по двум направлениям, сообразно двум основным ее целям. С одной стороны, кладется фундамент всероссийского торгово-промышленного союза, главною целью которого будет представительство и защита общеклассовых интересов всей буржуазии. А с другой,—организуются боевые союзы предпринимателей целых отраслей производства, областные и всероссий-

---

[1]) В настоящее время на Бакинских нефтяных промыслах происходят подготовительные совещания для выработки интересного типа коллективного договора между союзом нефтепромышленников и всей массой нефтепромышленных рабочих в лице их выборных депутатов.

[2]) В профессиональной печати, в отчетах союзов мы имеем только отдельные отрывочные сведения. Так, одесский союз раб. по обр. дерева указывает в своем отчете, что из 167 стачек, которые велись под его руководством, только 7 были проиграны. („*Освоб. Труда*“, стр. 83). „*Печатн. Вестник*“ определяет увеличение заработной платы, под влиянием петерб. стачек печатников в первую половину 1906 г., в 200 тысяч руб. в год. Сытинская забастовка в Москве 1907 г. увеличила заработок рабочих на 30.000 руб. в год. Согласно бюллетеню (№ 4) „общества заводчиков и фабрикантов москов. пром. района“ в петерб. районе текстильные фабриканты увеличили заработную плату от 5 до 12% и установили при работе в 2 смены 9 час. рабочий день, по субботам 8 час.“ („*Товарищ*“, 1907 г., № 433). По данным „*Торгово-Пром. Газеты*“ (№ 132, 10 июня 1907 г.,) в металлургической промышленности заработная плата повышена на 30—40% (?). „Не будет преувеличением сказать,—читаем мы в „*Раб. Союзе*“,—что 54—60 час. в неделю стали теперь у нас наиболее употребительной нормой; если для тех категорий рабочих, труд которых и ранее регулировался законом, это сокращение рабочего времени составляет 15—20%, то для остальных оно доходит до 30, 40 и более %“. (*К. Пажитнов*. Рев. и пол. раб. класса. „*Р. С.*“, М. № 7).

ские, исключительно для борьбы с рабочим движением, со всеми попытками рабочего класса добиться лучших условий труда и жизни [1]).

Так, образованная при московском биржевом комитете, уже в феврале и марте 1905 года, «комиссия по рабочему вопросу» пришла к убеждению, что «одной из главных причин малоуспешности борьбы с распространившимися повсеместно забастовками являлось отсутствие единодушия между фабрикантами по тем вопросам, по которым уступки не могут быть сделаны, не нарушая нормального течения промышленной жизни». Комиссия признала необходимость «заключения конвенции между фабрикантами на предмет установления для ее участников перечня тех требований, по которым уступки не должны быть допускаемы».

Эта «конвенция», заключенная сначала промышлениками московского промышл. района, была принята также и на собрании петербургских фабрикантов и заводчиков 15 марта 1905 г. В дальнейшем такого рода соглашения и договоры, обеспеченные большими неустойками за их нарушение, послужили основанием к организации в главных промышленных центрах целого ряда боевых союзов предпринимателей различных отраслей производства. Для борьбы со стачками рабочих при этих союзах образуются из числа их взносов особые капиталы. В петербургском промышленном районе боевым союзом предпринимателей является «С.-Петербургское общество содействия улучшению и развитию фабрично-заводской промышленности». В 10 промышленных губерниях московского района действует «Союз фабрикантов и заводчиков центрального промышленного района». Такие же союзы возникли за последние годы в Польше, Одессе, Риге и целом ряде других городов.

Однако, все эти предпринимательские союзы, возникшие в 1905 г. и раньше, обнимают только крупные фабрично-заводские предприятия. Предпринимательские же союзы в мелких и ремесленных производствах возникают по большей части уже в 1906 году под непосредственным влиянием тех экономических завоеваний, которые были сделаны в 1905 и 1906 г. г., под руководством рабочих профессиональных союзов. Легкость, с которою рабочие часто добивались крупных уступок, между прочим, об'яснялась отсутствием или крайней слабостью организации хозяев [2]). И в процессе жестокой экономической борьбы хозяева учились у рабочих, как нужно организовать союзы, как отстаивать свои интересы [3]). К тому же, конечно, к

---

[1]) *Л. Незнамов.* Капитал организуется. („*Невский Вестник*". Спб., 1906, № 1. Стр. 7).

[2]) Рабочим булочникам доставило большое удовольствие наблюдать, какая разноголосица проявилась в только что налаженном союзе хозяев в заседании примирит. камеры в гор. думе. Союз хозяев, в конце-концов, раскололся, что оказало большое влияние на уступчивость хозяев. Позже ему удалось снова сплотиться для проведения локаута (весною 1907).

[3]) „Мы вам обязаны тем, что вы нас научили, как надо организоваться",— заявлял Богельман (председ. петерб. союза хозяев типограф.) секретарю союза рабоч. печ. дела. („*Вестник Печатников*", Спб , 1907, № 1, стр. 2).

услугам предпринимательских союзов, какие бы цели они себе ни ставили и какие бы средства ни применяли, всегда был щедро оплачиваемый труд дипломированной интеллигенции: адвокатов, профессоров, вплоть до бывших министров.

Мы не ставим себе задачей рассмотреть, хотя бы вкратце, историю предпринимательских организаций, нас интересует здесь те цели, которые они себе ставят, и те средства, которые они употребляют для их осуществления. В профессиональной печати за последние два года было опубликовано немало секретных документов, ярко освещающих интересующие нас вопросы. Наиболее рельефным и типичным из этих документов является секретная докладная записка союза московских типо-литографов, опубликованная московским союзом рабочих печатного дела [1]).

«В настоящее время главной причиной, побуждающей владельцев московских типо-литографий и других примыкающих к ним заведений к более тесному общению и взаимной поддержке—читаем мы там—является рабочий вопрос в широком смысле слова... Чем большую поддержку окажет союз своим членам в их борьбе с рабочими, тем ближе и теснее сомкнутся около него все владельцы. *Удачный исход борьбы с рабочими—вот что может сплотить союз*». Какие же средства намечает записка для осуществления поставленной цели? Точными вычислениями, в какой срок можно рабочих изморить голодом и какие убытки за это время понесут владельцы печатных заведений, докладная записка приходит к выводу, что «если членам союза уже «страховать» себя от чего-нибудь, то надо страховать себя не от убытков в той или другой степени, а от самых забастовок, от возможности возникновения забастовок... Для этого нужна *не пассивная, а активная система борьбы... Единственным оружием, имеющимся в руках владельцев, является локаут*»... Не останавливаясь на подробной мотивировке записки, вроде того, что «задачи членов союза заключаются не в переубеждении друг друга в справедливости тех или иных моральных воззрений, а в том, чтобы охранять сообща свои интересы наиболее действительными и законными (!) способами»; не останавливаясь на вычислениях выгодности локаута на примере борьбы против введения 8-ми час. раб. дня, отметим тот вывод, к которому приходит докладная записка союза владельцев типографий: «Для того, чтобы из локаута можно было извлечь всю выгоду, необходимо, чтобы он был организован заранее и, в случае неизбежности, был осуществлен быстро и планомерно... Нужно, чтобы вперед была установлена *обязательность локаута* в известных случаях и *внесена в устав... Такого рода организованный обязательный локаут представит собою оружие во много раз более действительное, нежели вспомогательный капитал*»...

Итак, цель организаций предпринимателей — *борьба с рабочими организациями*, средство — *локаут*. Изложенные выше соображения характерны для всех организаций предпринимателей, если они даже

---

[1]) „*Печатное Дело*". М. 1907, № 13.

и изложены в записке московских типографов в более откровенном виде.

Локаут, массовый расчет рабочих всего данного производства или данной профессии, контр-стачка предпринимателей,—это могучее средство в руках трестов Запада в их борьбе с рабочими организациями,—быстро находит себе распространение в России. Капиталисты берут уроки у своих западных товарищей часто скорее и успешнее, чем рабочие у своих [1]). Русскому молодому профессиональному движению приходится вынести на себе всю тяжесть системы локаутов уже в первые годы своего существования в ответ на завоевания, достигнутые в области улучшения условий труда рабочих.

Наиболее широкое распространение локауты нашли в Царстве Польском, Северо-западном и Юго-западном крае. Весною 1906 года в Лодзи на всех ленточных фабриках работницы выставили требование уравнения заработной платы. Это дало повод к ожесточенной двухмесячной борьбе на ленточных фабриках Лодзи, а затем и Варшавы. Натолкнувшись на стойкую солидарность рабочих обоих городов, фабриканты прибегли к массовому расчету всех рабочих. За этим первым крупным локаутом следуют локауты со стороны вязальных, гильзовых, конвертных фабрикантов Вильны, владельцев колбасных заведений, мясников, хозяев портняжных мастерских в Варшаве [2]).

Наконец, в ноябре—декабре разыгрывается *лодзинский локаут* фабрикантов хлопчато-бумажного производства,—потрясающая трагедия, приковавшая к себе внимание всего мира. Сильная концентрация хлопчато-бумажного производства лодзинского района обеспечила полную гегемонию над ним небольшому кружку фабричных магнатов во главе с Познанским, Шайблером и др. Поставив себе целью отнять у рабочих все те завоевания, которые были достигнуты ими в 1905 и 1906 г.г., а главным образом, ввести снова 10-ти часовой день, союз фабрикантов пользуется первым удобным поводом,—оскорблением рабочими одного из инженеров,—чтобы об'явить открыто войну. Познанский нарочно ставит наиболее оскорбительное требование, чтобы обострить конфликт. Он требует увольнения *каждого пятого рабочего* того отделения (всего 98 человек), где произошло оскорбление инженера, и введения снова обысков. Рабочие прекрасно оценили значение этого требования, это был ведь только первый пробный шар. Они бросили работу, в ответ на что последовал расчет *всех рабочих* хлопчато-бумажного производства в Лодзи. 30.000 рабочих с семьями, с детьми были выброшены на улицу в зимние холодные месяцы.

---

[1]) Согласно сведениям немецкого журнала „Sociale Praxis", заграничные предприниматели часто обращались к об'единенным германским работодателям за советом и поучением. В особенности часто прибегали к такой помощи предпринимательские круги в России. „Главный комитет германских работодательских союзов" доставлял материал в Петербург, Москву и Ригу и часто получал сообщения, что там основывались работодательские союзы на основе германских принципов. („*Товар*").

[2]) „*Невский Вестник*". Спб., 1907, № 4. Стр. 9.

Мы не имеем возможности останавливаться на подробностях лодзинской трагедии, ни на тех ужасах, которые переживали от голода и холода лодзинские рабочие и их семьи, ни на той братоубийственной борьбе между рабочими, которую разжигали на почве этой нужды все реакционные элементы польского общества, пользуясь исключительными условиями военного положения, ни на тех долгих переговорах, которые вел с поразительной жестокостью инициатор локаута Познанский, из своей роскошной виллы в Берлине—West, с изголодавшимися рабочими через прошенных и непрошенных посредников. Локаут продолжался больше четырех месяцев и закончился полным поражением рабочих [1]).

Лодзинский локаут, с одной стороны, как мы указывали уже выше, вызвал проявление поразительной классовой солидарности со стороны русских рабочих, оказавших сильную материальную помощь лодзинцам и подчеркнувших еще лишний раз, что рабочим чужда расжигаемая реакцией и буржуазией национальная рознь, а с другой стороны,—он оказался для предпринимателей страшно заразительным примером. После лодзинского локаута начинается *локаутная эпидемия*. Пользуясь политической реакцией, предприниматели вступают энергично в борьбу с рабочими организациями.

Организуют локауты в Варшаве фабриканты обуви, фабриканты конвертов, галстуков, чулок. В Житомире хозяева-портные, в Минске спичечные фабриканты [2]). В течение одного декабря месяца корреспонденты «Volkszeitung» сообщили о локаутах из следующих мест: Минска, Бердичева, Мозыря, Сморгони, Варшавы, Кременчуга, Витебска, Одессы и из целого ряда городов и местечек Могилевской, Минской, Гродненской, Киевской, Витебской и др. губерний [3]).

Среди всей массы этих локаутов выделяется и по размерам, и по ожесточенности борьбы, и по организованности борющихся сторон локаут, об'явленный владельцами щетинных фабрик польского района. В этой области производства давно уще существует сложившиеся организации рабочих, которые теперь вновь об'единились в примыкающий к Бунду общий центральный союз. Против этого союза повели энергичную кампанию об'единившиеся и организовавшие синдикат хозяева. Требования, пред'явленные хозяевами, сводились к *непризнанию рабочих профессиональных союзов* и к возвращению к прежней системе заработной платы (с пуда). Локаут щетинщиков польского района немедленно отразился и на литовском районе, где было рассчитано больше 2.000 человек. И здесь в числе требований, пред'явленных рабочим хозяевами, значится требование *«не вести переговоров с бюро профессионального союза»*. Такое же требование мы

---

[1]) По вычислениям представителя министерства финансов г. Неймана, потери рабочих заработной платы за 18 недель составили сумму в 3.600.000 рублей. („*Речь*“).

[2]) „*Дело Жизни*“. М. 1907. Стр. 3. № 10.

[3]) „*Наша Трибуна*“. В. 1907. № 5. Стр. 14.

встречаем при другом крупном локауте, охватившем также все производство, — фабрикантов-кожевенников [1]).

Локаутная эпидемия очень скоро распространилась по всей России. Из более серьезных случаев отметим локаут 5.000 рабочих Брянского завода в Екатеринославе, локауты типографских рабочих в Киеве, Житомире, Таганроге, Саратове, Минске, Тифлисе, локауты московских типографских рабочих в феврале 1907 г., закончившиеся, как мы уже знаем, третейским судом в пользу рабочих (летом 1906 г. была также попытка в Москве организовать локаут типографских рабочих, но неудачная). В Москве осенью 1906 г. происходит серьезный локаут портных. Весною 1907 г. (апрель) подвергаются локауту петербургские булочники, у которых хозяева решают не только отнять все, что было ими завоевано летом 1906 г., но и хотят ввести сдельную расплату (с мешка муки).

Конечно, не все локауты оканчиваются победой хозяев. Мы видели, что в Москве в типографском локауте победили рабочие, отбиты локауты были печатниками в Минске, Таганроге, победа за рабочими оказалась и в локауте щетинщиков, во многих мелких ремесленных локаутах в Северо-западном крае.

Тем не менее, локауты нанесли сильные удары завоеваниям профессиональных организаций предыдущего периода и еще большей угрозой они являются для профессиональной борьбы в будущем. Мы уже указывали выше, что современное положение профессиональных организаций диктует им тактику частичных забастовок. Поэтому ясно, какой опасности подвергаются профессиональные организации, когда в профессиональную борьбу втягиваются одновременно большие массы рабочих, притом по инициативе предпринимателей и, очевидно благодаря этому, в наиболее невыгодные для рабочих моменты.

Наиболее опасны локауты в крупных производствах, так как сильная концентрация последних облегчает, с одной стороны, сплочение в союз сравнительно небольшого числа предпринимателей, а с другой стороны, дает им возможность одновременно выбросить на улицу десятки тысяч рабочих. Локауты в мелких производствах, как показал уже опыт, далеко не так опасны. Взаимная конкуренция мелких предпринимателей обыкновенно внутренне разлагает их союзы и хорошо поставленная, сплоченная организация рабочих, при дружной поддержке иногородних союзов, может уже теперь успешно бороться с этого рода предпринимательскими локаутами.

Борьба с локаутами является злободневным вопросом как в устной и письменной агитации профессиональных союзов, так и на конференциях и с'ездах последних. Как ни глубока моральная пропасть между стачками и локаутами, где, в первом случае, рабочие, жертвуя личными удобствами, достатком, здоровьем своим и своей семьи, обрекая себя на голод и холод, ведут самоотверженную борьбу за улучшение условий труда не только своего, но и будущих поколений, за повышение умственного, нравственного и культурного уровня тру-

---

[1]) *„Наша Трибуна"*. № 5. Стр. 15.

дящихся масс, а следовательно, и всего народа, и где, в другом случае, предприниматели, утопая в роскоши и излишествах, обрекая рабочие массы голоду и холоду, ведут борьбу только за сохранение или увеличение своих предпринимательсхих прибылей,—профессиональные союзы, стоящие на почве современного рабочего движения, тем не менее, не могут входить в моральную оценку локаутов. Они могут оценивать их, как и стачки, только с их *экономической стороны*, только как проявление той классовой борьбы, которая становится все более ожесточенной с каждым новым этапом в развитии капиталистического производства.

Профессиональные союзы не могут также следовать за предпринимателями, лицемерно выставляющими в своих политических программах требование «свободы труда», обвиняющими рабочих в «терроризме», и в то же время неуклонно проводящими в жизнь «*обязательность локаутов*»,—в их стремлении бороться против стачек исключительными законами.

Для борьбы с локаутами у профессиональных союзов только один путь, указанный первой конференцией професс. союзов раб. по металлу: «1) создание сильных профессиональных организаций и об'единение их в областные всероссийские союзы; 2) полная согласованность действий экономической и политической организаций рабочего класса» [1]). К такому же выводу пришла и конференция союзов раб. по обр. волокн. веществ московск. промышленного района, на которой, между прочим, выяснилось, какое сильное агитационное влияние в центральном пром. районе имел лодзинский локаут и как под непосредственным его впечатлением рабочие записывались в професс. союзы [2]). Конференция печатников подчеркнула в своей резолюции о локаутах необходимость противопоставить последним солидарность рабочих организаций.

Широкое распространение получает также и другой способ борьбы против рабочих организаций, также заимствованный русскими предпринимателями от своих западных коллег—*система черных списков*. Черные списки—это, в сущности, более жестокая разновидность локаута; они распространяются или на всех рабочих какого-либо одного предприятия, когда организация локаута невыгодна предпринимателю, или же на отдельных рабочих, более выдающихся или своею сознательностью и влиянием среди товарищей, или энергичною деятельностью в пользу профессионального союза или политической партии. Занесенный в черные списки обрекается на голодную смерть, он не может получить работу по своей специальности ни в одной местной фабрике или заводе, а если союз предпринимателей распространяет свое влияние шире, то и в других местах.

Один из первых секретных документов союзов предпринимателей, разоблаченных профессиональною печатью, касался введения системы черных списков. Циркуляр Спб. Общ. для содействия улучшению и

---

[1]) *Протоколы и т. д.* Стр. 96.
[2]) См. доклад из Орехово-Зуева. (*Первая обл. конфер. и т. д.* Стр. 42).

развитию фабрично-заводск. промышленности от 14 августа 1906 г. № 507 предлагает петербургским заводам (в довольно категорической форме) в ответ на бойкот, об'явленный рабочими, пяти петербургским фабрикам и заводам: «а) не принимать на заводы и фабрики рабочих с закрытых фабрик и заводов, *согласно спискам, которые будут препровождены каждому члену общества;* б) распространить означенное постановление и на тех рабочих, которые могли бы быть принятыми с означенных фабрик и заводов до получения заводоуправлением оговоренных списков [1]).

Пример петербургских заводчиков оказался очень заразительным. Петербургские печатники опубликовывают «конфиденциальный» циркуляр петербургского союза владельцев печатных заведений от 18 янв. 1907 г. за № 61, извещающий о введении системы черных списков [2]), а московские печатники опубликовывают документ московского союза хозяев типографий от 20 января 1907 г. уже с приложением списка рабочих и с предписанием, что «*все эти лица ни в одно из союзных предприятий без разрешения комитета приняты быть не могут*» [3]). Система черных списков применяется союзом хозяев булочников в Петербурге, союзом хозяев портных в Москве, большинством союзов предпринимателей в Царстве Польском и Северо-западном крае.

Как и с локаутами, профессиональные союзы могут бороться с системой черных списков только путем укрепления и развития своих организаций и энергичной поддержкою занесенных в черные списки товарищей. В предыдущей главе мы уже указывали, что союзы выдают своим членам пособие в зависимости от того или иного срока пребывания члена в организации, но к тем членам союза, которые подверглись репрессии за свою деятельность в интересах союза, это ограничение не принимается.

Союзы предпринимателей пытаются, наконец, использовать для борьбы с рабочими организациями самих же рабочих. Правда, им приходится для этого пользоваться отбросами рабочего класса и, в лучшем случае, босяцкими, люмпен-пролетарскими элементами. Задача их заключается в том, чтобы иметь постоянно в своем распоряжении запас подчиненных капиталу штрейкбрехеров. Нужно сказать, что до сих пор русским предпринимателям не удалось организовать более или менее прочные и постоянные «*желтые синдикаты*», хотя в целом ряде случаев организованное доставление штрейкбрехеров имело решающее влияние на исход стачек.

Конечно, эти попытки дезорганизовать рабочее движение идут, в большинстве случаев, или непосредственно от «*союза русского народа*», или же под его политическим покровительством, при чем его орган «Русск. Знамя» заявил, что «неустанно борясь с крамолой и револю-

---

[1]) «*Рабочий по Металлу*». Спб., 1906 г., № 10—11. Стр. 7. Там же напечатано интересное письмо владельца завода «Атлас»—Ф. К. Германа к председ. союза металлозаводчиков, еще предварительно из'являвшего готовность представить список своих бастующих рабочих для репрессий против них.

[2]) «*Вестник Печатников*». Спб. 1907 г., № 1. Стр. 5.

[3]) «*Печатное Дело*» М., 1907 г., № 13. Стр. 12.

ционным движением, союз русского народа *решил не допускать больше никаких забастовок в России*, это злое оружие, которое постоянно употребляют враги родины, изменники России, господа освободители». По инициативе бывшего председателя монархических организаций в Москве К. А. Грингмута, была даже попытка повести дело организации штрейкбрехеров в большом стиле, для чего решено было использовать специалиста по этой части, вождя французских, «желтых» синдикатов Петра Биетри, воззвание которого к «братьям русским рабочим» было перепечатано во всех черносотенных газетах. Но, очевидно, г. «специалист» потребовал слишком высокое вознаграждение и франко-русское сближение черносотенцев не состоялось.

Особенно вредную роль сыграли организованные штрейкбрехеры во время забастовки моряков черноморского торгового флота в Одессе, где они, совместно с административными репрессиями, сорвали забастовку. Правда, колоссальные убытки, причиненные владельцам пароходов этими «моряками», надолго отобьют охоту пользоваться их услугами. В Польше честь организации штрейкбехеров принадлежит местным черносотенцам и отчасти «народной демократии». Организованный последней союз «Едность» сыграл во время лодзинского локаута довольно двусмысленную роль.

Вмешательство «союза русского народа» в целом ряде других случаев экономической борьбы имеет больше характер обычной для этой организации буффонады, и если бы не постоянное содействие местной администрации, то на нем можно было бы даже не останавливаться. И хотя в хронике профессиональной жизни мы встречаем «русские рабочие союзы» и в Екатеринославе, и в Одессе, и в Киеве, и в Тифлисе, но фактически они представляют из себя только фирмы, за которыми скрываются обычно несколько наемников «союза русского народа».

Меньше всего грозит опасность профессиональному движению со стороны русских «желтых» синдикатов, не заключающих в себе ни одного органически здорового элемента. Только во мраке политической реакции могут все эти предатели, ренегаты рабочего движения, все эти нравственные и умственные дегенераты выступать, как «рабочие союзы»; одного светлого луча политической свободы будет достаточно, чтобы от них не осталось ничего, кроме грязного следа. В настоящий же момент с тлетворным влиянием на несознательные рабочие массы этих наемных прислужников дворянства и буржуазии профессиональные союзы борются только путем усиленной агитации за профессиональное об'единение и культурно-просветительною деятельностью.

Борьба союзов предпринимателей против профессиональных рабочих организаций значительно облегчалась постоянным покровительством органов государственной власти. Изменение правовых условий экономической борьбы, созданное, как мы указывали в начале этой главы, отменой наказаний за мирные стачки указом 2 дек. 1905 г., ничуть не изменило системы вмешательства местной административной власти в профессиональную борьбу рабочих под предлогом «охранения

общественного порядка»,—системы, характеризующей весь до-революционный период русского рабочего движения. Это вмешательство в пользу предпринимателей не изменилось даже в форме своих проявлений, доходя только в соответствии с усилением политической реакции, казалось бы иногда, до конечных границ.

Мы не думаем здесь исчерпать всю эту богатую тему и приведем только некоторые типичные примеры.

Закон 2 декабря 1905 г. разрешил мирные стачки, а сенатское раз'яснение (см. гл. III), установившее законность образования проф. союзами стачечных фондов и выдачу стачечникам пособий, допустило руководство стачек профессиональными союзами. Казалось бы поэтому, что до тех пор, пока стачка протекает мирно, ни один орган государственной власти *не имеет права* вмешиваться в нее. Практика, однако, показывает другое.

На механическом заводе Грачева, в Москве, происходила в октябре 1906 г. вполне мирная, местная стачка. Московский градоначальник счел нужным вмешаться в нее. Одновременно с запрещением профессиональному союзу рабочих по металлу руководить стачкой под угрозой его закрытия, на заводе появилось следующее об'явление: «Его прев-во г. моск. градоначальник приказал об'явить рабочим завода «Грачев и К⁰», что если завтра, 11 октября, после обеда, рабочие литейного цеха не приступят к работам *по новому найму, в количестве потребном для деятельности завода, то они будут считаться безработными и немедленно будут удалены из Москвы на основании положения об усиленной охране.* 3 уч. Пресн. части пристав...» [1]).

Такое же давление на с. р. по металлу было оказано ген. Рейнботом и весною 1907 г.; вызвав к себе представителей союза, он заявил им, что бюро союза подстрекает рабочих к об'явлению стачек и побуждает их к пред'явлению таких экономических требований, которые, по настоящим условиям русской промышленности, представляются явно неприемлемыми и неосуществимыми (?!). «Если бюро от такой тактики отказаться не намерено,—заявил ген. Рейнбот,—то он вынужден будет самый союз закрыть, а членов бюро выслать из столицы». Вызванным одновременно представителям союза колбасников, у которых шла упорная стачка, было заявлено, что если они не примут мер к ее прекращению, то союз будет закрыт, и к членам правления будут применены самые крайние меры [2]).

Приблизительно в то же время в Москве было разрешено союзу портных собрание бастующих рабочих Мандля, но пристав не разрешил говорить о стачке!

Не один только московский градоначальник придерживался *своей* точки зрения на существующие законы. Елисаветградский генерал-губернатор, полковник Рудницкий, приказал всем чинам полиции обязать хозяев фабрик и заводов тотчас же при возникновении забастовок сообщать полиции список агитаторов (!) для привлечения их к

---

[1]) „*Рабочий Союз*". М. 1906, № 3. Стр 7.
[2]) „*Проф. Вестн.*". Спб., 1907, № 7. Стр. 12.

ответственности, а равно список лиц, участвующих в этих забастовках. «При этом предупреждаю, — заявляет елисаветгр. ген.-губ., — что хозяева, не сообщившие означенных сведений, будут подвергаться штрафу до 3,000 руб. или тюремному заключению до трех месяцев» [1]). Бакинский генерал-губернатор идет еще дальше и грозит тюремным заключением хозяевам, идущим на уступки или желающим вознаградить рабочих за забастовочное время. Прибалтийский генерал-губернатор Меллер-Закомельский воспретил, под угрозой 3,000 руб. штрафа, прием на заводы рабочих, уволенных за забастовку, а также наказанных административно или по суду [2]). В эру военно-полевых судов местные администраторы пытаются подвести под их юрисдикцию и участие в стачках. Временный генерал-губернатор закавказских жел. дор. причисляет к делам, которые будут подсудны вновь учрежденным военно-полевым судам, также и дела «об устройстве стачек и возбуждении к ним»[3]). Временный двинский генерал-губернатор в циркуляре, разосланном бюро местных проф. союзов, угрожает военно-полевым судом, «если окажется, что союз налагает штраф на владельцев торгово-промышленных заведений и заводов» [4]).

Особенно энергично борется администрация с бойкотом, налагаемым професс. союзами, рассматривая его почему-то, как «насилие, угрозы». Петербургский градоначальник, например, несмотря на закон 2 декабря и на названное выше сенатское раз'яснение, издает 30 мая 1907 г. «обязательное постановление», в котором говорится, что «свободный труд рабочих, озабоченных *лишь* благосостоянием своим и своей семьи и не желающих принимать участия в забастовках, охраняется законом» и «всякое принуждение насилием, угрозами или *бойкотом* было и остается (!) противозаконным деянием, кем бы оно ни совершалось, т.-е. отдельным лицом, группою лиц или проф. союзом». До сих пор мы не слышали, чтобы петерб. градоначальник привлек к ответственности заводчиков и фабрикантов за систему черных списков, которая является *бойкотом* со стороны союза предпринимателей. Не менее решительно выступает против бойкота московский градоначальник, закрывший местный союз портных за бойкот, об'явленный одной мастерской. Професс. союз, по мнению градоначальника, не имеет права об'являть бойкот, так как «это есть угроза (?) и насилие (?) над теми, кто хочет работать в этой мастерской» [5]).

Было бы трудно перечислить все, даже только наиболее характерные случаи вмешательства администрации в профессиональную борьбу рабочих; достаточно вспомнить провоцирование одесской администрацией второй забастовки (ноябрь 1906 г.) моряков черномор-

---

[1]) „*Вопросы Дня*". М. 1906. № 1.
[2]) „*Дело Жизни*". М. 1907, № 5. Стр. 11.
[3]) „*Н. Путь*", № 28, цит. по „*Раб. Союзу* ". М. 1906, № 3. Стр. 7.
[4]) „*Освобождение Труда*". Од., 1907. Стр. 71.
[5]) „*Портной*", Спб., 1907, № 3—4, стр. 3. — В том же номере газеты корреспондент из Москвы сообщает подробно о переговорах делегатов союза портных с ген. Рейнботом. „Вы ничего не имеете права делать без меня, — заявил депутации ген. Рейнбот, — приходите ко мне, я день и ночь к вашим услугам; но сами ничего не смейте (!!) начинать; я этого не потерплю!" (стр. 11).

ского торгового флота и репрессии против рабочих в ходе этой забастовки; репрессии против рабочих во время лодзинского локаута; избиение рабочих-булочников в Петербурге во время их вполне мирной стачки и преследования в это время их союза; избиение рабочих фабрики Чешера в Петербурге, вышедших во двор для переговоров с администрацией; повсеместные аресты и высылки членов правления союза или уполномоченных во время вполне мирных и частичных забастовок.

Характерно, между прочим, то, что в этих случаях местная администрация подымается до «государственной» точки зрения, оставляя в стороне «национальную» политику. Не только поляки, но и евреи-предприниматели пользуются полным ее покровительством, и для борьбы с рабочими (без различия национальностей) в их распоряжение охотно предоставляются, как полиция, так и войска [1]).

Политика одностороннего вмешательства административной власти в экономическую борьбу рабочих и предпринимателей не только находит одобрение центральной правительственной власти, но и, вопреки существующим законам, ею самою практикуется. Особенно ярко это вмешательство проявилось во время забастовки судовых команд каспийского торгового флота в Баку, бывшего даже предметом запроса во второй государственной думе (2 апреля). Несмотря на то, что стачка моряков протекала совершенно мирно, на десятый день ее был вдруг командирован из Петербурга в Баку жандармский генерал фон-Таубе с диктаторскими полномочиями. Нужно сказать, что в это время владельцы пароходов начали уже переговоры с представителями судовых команд в совместной комиссии. Назначение Таубе, присылка военных команд для замены моряков сильно пошатнули шансы последних на победу. Как понимал генерал Таубе свою роль, видно из изданного им через две недели по приезде об'явления:

«...Находя дальнейшее ведение переговоров бесполезною тратою времени, только лишающею рабочих их нормального заработка,—я, на основании Высочайше предоставленной мне власти, об'являю во всеобщее сведение следующее мое обязательное постановление: 1) капитанам, помощникам их и механикам всех степеней быть на своих судах в пятницу, 13 сего апреля, к 5 часам дня. Виновные в нарушении этого будут мною подвергнуты тюремному заключению до трех месяцев или штрафу до 3,000 руб., или высылке в отдаленнейшие местности; 2) команды, не явившиеся в вышеуказанный срок на свои суда, будут немедленно рассчитаны и высланы в административном порядке...» (*«Нов. Вр.»*).

Если, несмотря на это неслыханное насилие, моряки каспийского флота добились значительного улучшения своего экономического положения, то они обязаны этим только своей стойкости, дисциплинированности и солидарности.

---

[1]) „Столь мало расположенная к евреям бюрократия охотно уравнивает в правах фабрикантов евреев и христиан, когда речь идет о полицейской помощи организуемому локауту“ (*„Наша Трибуна“*, Вильно, 1907, № 5, стр. 16).

V.

Нам остается в этой главе рассмотреть еще деятельность профессиональных союзов, развитую ими на почве *законов 15 ноября 1906 г.*

Распустив 2-ю государ. думу, министерство Столыпина обещало облагодетельствовать страну либеральными реформами, решив, по выражению Меньшикова, «обокрасть» кадетов. Одною из первых «реформ» была военно-полевая юстиция; на этом деятельность министерства остановилась; между тем, приближались выборы, приближалось неизвестное, нужно было заручиться расположением хотя каких-нибудь элементов. Поэтому с необычною для бюрократии быстротою изготовляются и опубликовываются, в порядке ст. 87-й основных законов, законы 9 ноября для крестьян и законы 15 ноября для приказчиков и ремесленников, составлявших огромный процент городских избирателей (по закону 11 дек. 1905 г. и до сенатских раз'яснений).

Законоположения об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах и в ремесленных заведениях [1]),— мы их будем называть для сокращения законами 15 ноября,—являясь политическим избирательным маневром со стороны министерства Столыпина, были вызваны в то же время, несомненно, тем интенсивным экономическим движением, охватившим широкие слои приказчиков и ремесленников, на которое мы указывали выше. Уже в 1905 г., под влиянием сильного движения среди приказчиков, правительством была созвана комиссия под председательством Тимирязева, в которую были впервые приглашены представители приказчичьих обществ взаимопомощи. Работы этой комиссии, как и многих других (Шидловского), ничем не кончились. Часть представителей приказчиков демонстративно удалилась, выразив недоверие бюрократическим проектам и требуя созыва народного представительства.

Затем наступили октябрьские дни, 1906-й год; приказчики и ремесленники организовались в профессиональные союзы и под руководством последних добились значительных улучшений условий своего труда. Но бюрократия, как обычно, не поспевала за жизнью. Вынужденное политическими соображениями пойти навстречу движению приказчиков и ремесленников правительство хватается за материалы названной выше комиссии (первой половины 1905 года), наскоро «охорашивает» их и опубликовывает свой «избирательный подарок».

Посмотрим, что дает он приказчикам и рабочим-ремесленникам (или, как их перекрещивает закон, «служащим в ремесленных заведениях»)? Как показывают уже сами заглавия законов, они регулируют рабочее время или, скорее, «нормальный отдых». Как для приказчиков, так и для ремесленников законы устанавливают *12-ти часовой торговый (или рабочий) день с перерывом не менее 2 часов в день.* Это общее

---

[1]) В дальнейшем изложении мы будем пользоваться текстом закона по официальному изданию Мин. Торг. и Пром. (Спб., 1907 г.).

положение, но за ним следуют... исключения. «Заведения, имеющие целью продажу кушаний и напитков для потребления на месте..., а также купальни и бани» имеют право торговать не больше *15 часов в день*. В течение 40 дней в году торговля может продолжаться на *2 часа в сутки сверх* вышеуказанного, т.-е. 14 и 17 часов. Для ремесленников эти обязательные сверхурочные часы увеличиваются до 120 часов в год (60 дней). Как для приказчиков, так и для ремесленников устанавливаются также обязательные сверхурочные часы в довольно неопределенно формулированных «несчастных» случаях, «угрожающих товару или торговому заведению», «а также, когда работы представляются безусловно необходимыми во избежание порчи материалов». Кроме того, приказчики могут быть «занимаемы работами» и после закрытия торговли, хотя «лишь с их согласия и за особую плату». Таким образом, первоначально установленный максимальный рабочий день значительно увеличивается как обязательными сверхурочными работами, так и сверхурочными работами «по соглашению», фактически—при конкуренции предлагающих труд—превращающимися в обязательные.

Относительно праздничного отдыха законы 15 ноября, точно так же выставляя общие положения, вводят затем целый ряд исключающих оговорок. § 5 закона об отдыхе приказчиков устанавливает, что «торговля, а также занятия служащих, связанные с торгово-промышленною деятельностью, не дозволяются совершенно по воскресным дням и по двунадесятым праздникам, а также в те дни, для коих сие будет особо установлено», а § 6 перечисляет целый ряд случаев, когда § 5 не применяется, и допускается торговля и в праздничные дни в продолжение *5 часов в сутки* [1]). Для ремесленников также допускаются работы в воскресные дни и в двунадесятые праздники, «в сезонных производствах и в случаях необходимой нужды» с тем, чтобы эти работы продолжались не более *восьми часов в сутки*.

Еще хуже закон обеспечивает праздничный отдых приказчикам инославным (христианам не православным) и иноверным (не христианам). § 5 допускал только для местностей «с резко преобладающим инославным или иноверным населением» производство торговли в воскресные дни и двунадесятые праздники после 12 часов и полное прекращение торговли в дни, празднуемые большинством местного населения. Изменения, внесенные в закон 15 ноября вышеуказанным (в примеч.) положением сов. мин., уничтожили и это право неправославных приказчиков праздновать соответственно своим верованиям и обычаям. «Национальная» политика и тут, очевидно, взяла верх.

---

[1]) Высоч. утвержденным 12 сентября 1907 г. положением совета министров из § 6 вычеркнут п. 4-й, и, таким образом, число случаев, когда полный праздничный отдых не применяется, значительно сокращено, но, взамен, тем же положением предоставлены местной губернской администрации значительно более широкие полномочия в смысле самостоятельного сокращения праздничного и воскресного отдыха приказчиков, впредь до опубликования обязательных постановлений городскими и земскими самоуправлениями.

Надзор за выполнением закона и выработку обязательных постановлений, регулирующих, соответственно местным условиям, как рабочий день [1]), так и воскресный и праздничный отдых приказчиков и ремесленников, закон предоставил местным городским и земским самоуправлениям. Для *разработки* названных обязательных постановлений должны были быть образованы, так называемые, смешанные комиссии из равного числа представителей от земских (или городских) обществ, самоуправлений, от торгующих (хозяев ремесленных заведений) и от приказчиков (ремесленников-рабочих). Представители от торгующих выбираются местными биржевыми комитетами или купеческими обществами, а от приказчиков—«местными вспомогательными обществами купеческих приказчиков». Ремесленники как хозяева, так и рабочие, выбирают представителей в своих соответственных собраниях. «Заключение (смешанной) комиссии представляется в подлежащее городское общественное или губернское земское учреждение, которые и принимают сие заключение в основание при составлении ими соответствующих обязательных постановлений».

Таковы главные основы законов 15 ноября, которыми правительство Столыпина пыталось привлечь к себе симпатии широких масс торгового и ремесленного пролетариата. Здесь не место ни входить в подробную критику законов 15 ноября, ни учитывать их политические результаты [2]). Тем не менее мы должны отметить их наиболее характерные особенности.

Законы устанавливают 12 час. рабочий день, в то время, как приказчики и ремесленники-рабочие уже добились собственными силами этой продолжительности рабочего дня, а во многих местах и значительно более короткого рабочего дня [3]). Закон не только улучшает, но, введением обязательных и допущением «необязательных» сверхурочных работ, он значительно ухудшает условия труда в смысле продолжительности рабочего дня. То же самое приходится сказать и относительно праздничного и воскресного отдыха. Большинство ремесленников и раньше пользовались воскресным отдыхом [4]),

---

[1]) Закон предоставил сокращать торговый день для приказчиков не ниже 9 часов в сутки (включая 2 ч. на перерыв) и для ремесленников не ниже 8 часов в сутки (включая 2 ч. на перер.) (§§ 9 и 5).

[2]) В свое время как специальная профессиональная пресса, так и общеполитическая, подвергла законы 15 ноября детальной критике, доказав всю их неудовлетворительность и отсталость. Политические же результаты выразились в том, что даже в наиболее отсталых слоях приказчиков и ремесленников пробудился интерес к выборам во 2-ю Гос. Дому, которой предстояло рассмотреть законы 15 ноября, а содержание их заставило новых избирателей подавать голоса за оппозицию.

[3]) Напр., булочники в Петербурге, наиболее отсталое ремесло, добились уже летом 1906 г. 11-час. рабочего дня, с $1^1/_2$ час. перерывом и отмены сверхурочных работ.

[4]) Нужно сказать, что закон 15 ноября о нормальном отдыхе ремесленников есть, в сущности, ухудшенное переиздание закона Екатерины II, до сих пор не отмененного (ст. 431 уст. о промышл.), но, благодаря отсутствию органов надзора, давно уже не соблюдавшегося. Известно, что первые бундовские стачечные

а приказчики добились его в течение последних двух лет своей энергичной борьбой. Вместо того, чтобы хотя бы только закрепить сделанные завоевания, законы 15 ноября вводят целый ряд исключений для отдельных категорий торгово-промышленных служащих и допускают значительное ограничение воскресного отдыха всех приказчиков.

Допуская в принципе сокращение рабочего дня до известного предела и регулирование вопросов о праздничном отдыхе и распределении сверхурочных работ сообразно местным условиям, законы 15 ноября предоставляют выработку соответственных «обязательных постановлений» городским общественным и губернским земским учреждениям. Так как рабочий класс в этих учреждениях совершенно не имеет своих представителей, и они, в громадном большинстве, состоят из представителей дворянства, а городские—из представителей буржуазии, то законы, таким образом, окончательное решение вопроса передают *одной из заинтересованных сторон.* Справедливость не соблюдается даже и в стадии предварительной разработки «обязательных постановлений», потому что смещанные комиссии состоят из $^1/_3$ представителей приказчиков (или ремесленников-рабочих), $^1/_3$ торговцев (или ремесленников-хозяев) и $^1/_3$ представителей тех же буржуазных (в большинстве своем купеческих) общественных учреждений [1].

Необходимо, наконец, отметить, что, устанавливая способы представительства от приказчиков и ремесленников-рабочих, законы 15 ноября совершенно игнорируют существование их профессиональных организаций. Для приказчиков закон устанавливает представительство от «вспомогательных обществ купеческих приказчиков», т.-е. наиболее консервативных и аристократических организаций, от ремесленников—от специальных для выбора представителей собраний. Это полное умолчание [2] законодателя о профессиональных организациях в вопросе, затрагивающем насущные экономические интересы тру-

---

кассы вели в начале 90-х годов борьбу за сокращение рабочего дня, опираясь именно на этот Екатерининский закон.

[1] Необходимо добавить, что законы 15 ноября не дают никакой преимущественной охраны труду женщин и малолетних (за исключением, довольно проблематичного права недостигших 17-летнего возраста на добавочный перерыв в 3 часа в сутки для посещения школы); что, устанавливая перерыв в 2 часа в сутки, законы не вводят обязательного закрытия торговых заведений на это время; что, наконец, законы 15-го ноября не устанавливают *никакого наказания* за нарушение их по отношению к взрослым мужчинам. Последнее обстоятельство мотивируется тем, что и по отношению к фабрикам и заводам не существует карательных постановлений за нарушение правил о продолжительности рабочего дня взрослых мужчин, и что установление таких наказаний по отношению к торговым заведениям „представлялось бы несправедливым“ (стр. 35). Мы видим, что русская бюрократия умеет быть справедливой, когда дело идет... об интересах имущих классов.

[2] В мотивировке к § 6 закона об отдыхе ремесленников мы находим только косвенный намек: „существующие в настоящее время в некоторых городах взаимовспомогательные *и т. п. общества ремесленников* охватывают собою обыкновенно лишь рабочих некоторых отраслей ремесленного производства и не могут поэтому служить представительным органом всего класса“ (стр. 48).

дящихся, как нельзя более характерно для общей политики министерства торговли и промышленности к существующим, на основании закона и зарегестрированным со всеми формальностями, профессиональным союзам. Министерство до сих пор остерегается официально признать за русскими профессиональными союзами право на представительство экономических интересов рабочего класса. В этом частном случае проявилась лишний раз общая черта политики бюрократии: *боязнь оппозиции.*

Профессиональные союзы меньше всего, конечно, могли считаться с тем обстоятельством, что законодатель официально их игнорирует. В жизни фактически они являются органами руководства экономической борьбой. Поставленные на очередь законами 15 ноября вопросы об урегулировании рабочего дня и праздничного отдыха, при известном участии выборных представителей от заинтересованных сторон, раскрыли перед профессиональными союзами торгово-промышленных служащих и рабочих ремесленников широкое поле деятельности. На почве законов 15 ноября им предстояло повести упорную борьбу за улучшение условий труда (дальнейшее сокращение рабочего дня, расширение и укрепление праздничного отдыха), развить широкую агитацию за свою экономическую программу, в процессе выборов представителей и работ комиссии, расширить и укрепить влияние профессиональных организаций.

Правда, полного единомыслия в отношении профессиональных союзов к законам 15 ноября не было. Та борьба двух течений, которая характеризует историю последних лет русской социал-демократии, не может не отражаться и в профессиональном движении, связанном с нею органически бесчисленными нитями. *Две тактики*, вытекающие из двух психологий, можно даже сказать, двух мировоззрений, складываются каждый раз, когда на очередь ставится вопрос принципиальной важности.

Одна из них, по форме более непримиримая и радикальная, в действительности более *пассивная.* Она откладывает *действие* до наиболее благоприятных условий, обусловливает его предварительным удовлетворением целого ряда требований, а до того момента на место действия выдвигает *демонстрацию* максимальных требований.

Другая тактика, по форме более умеренная, по существу более *революционная.* Она уделяет *действию* первое место, считает его необходимым при всех условиях, и, никогда не принижая максимальных требований, считает необходимым бороться за исполнимые при данных условиях требования.

Опыты с первой государственной думой в политической жизни и с законом 4 марта в профессиональной окончательно дискредитировали тактику бойкота, поэтому в профессиональной печати мы совершенно не встречаем сторонников бойкотирования законов 15 ноября. Среди же сторонников «использования» их наметились две тактики, наиболее рельефно выраженные в соответственных резолюциях петербургского и московского центральных бюро профессиональных союзов.

И та и другая резолюция признают необходимым для професс. союзов принять энергичное участие в выборах в смешанные комиссии. Московская резолюция целью этого участия в выборах ставит: 1) «проведение, как в самом ходе выборов, так и в комиссии, широкой агитации за основные требования рабочей программы - минимум (8-часовой рабочий день, 42-часовой еженедельный непрер. отдых, запрещение сверхурочных работ и т. д.) и 2) разоблачение истинного смысла и целей закона... Ознакомив устно и письменно ремесленный и торговый пролетариат с ходом работ комиссий, представители торговых и ремесленных рабочих должны считать *свою миссию оконченной и заявить об отказе способствовать проведению закона в жизнь*» [1]) (н. к.).

Петербургская резолюция, выпущенная в виде особого воззвания, указывает, что «надо сделать комиссии местом *постоянной агитации и борьбы с хозяйским самовластием.* Первое место в борьбе должны занять профессиональные союзы. Свою задачу—защиту экономических интересов рабочих—профессиональные союзы должны со всей энергией перенести и в эти смешанные комиссии... В смешанной комиссии представители профессиональных союзов должны, *отстаивая шаг за шагом требования рабочего класса,* наглядно показать различие классовых интересов рабочих и предпринимателей... Смешанные комиссии должны стать центром агитации в широких рабочих массах торгового и ремесленного пролетариата, центром агитации за союзы и организации.» [2]).

Необходимость развить на почве законов 15 ноября широкую деятельность для завоевания хотя бы частичных улучшений, еще более подчеркнута в воззвании орган. комиссии по созыву 4-го с'езда проф. союзов и общ. взаимоп. лиц частного служебного труда. Орг. ком. советует «немедленно приступить к проведению закона 15 ноября в жизнь, причем профессиональные союзы и общества должны взять на себя инициативу... Критикуя закон, мы должны взять из него все то, что может принести нам хотя малейшую пользу, и что может помочь нашей дальнейшей борьбе за 8-часовой рабочий день и все те требования, которые принял наш III-й с'езд» [3]).

Эту же тактику защищает и руководящий орган профессион. союзов портняжеского цеха, прибавляя: «чем определеннее и резче будет звучать в комиссиях голос ремесленного рабочего, тем более будут с ним считаться» [4]). В одесском проф. союзе конторщиков и бухгалтеров докладчик по вопросу о законах 15 ноября приходит к заключению, что: «отказываться от участия в комиссиях, конечно, мы не должны; мы должны извлечь из этого закона все, что может нам дать хоть малейшую пользу для нашей дальнейшей борьбы; мы не должны уступать поле битвы нашим эксплоататорам, но наше участие должно быть не вопросом принципа, а вопросом целесообраз-

---

[1]) „*Истина*“, № 1. М. 1907. Стр. 11.
[2]) «*Професс. Вестник*», № 1, стр. 15.
[3]) «*Жизнь приказчика*». М. 1906. № 1. Стр. 7.
[4]) «*Листок для Раб. Портных, Портних и Скорн.*» Спб. 1906. № 20. Стр. 2.

ности и никоим образом не должно означать признания комиссий нормальным органом, способным отстаивать интересы торгово-промышленного пролетариата» [1]).

Среди профессиональных союзов еврейских рабочих наблюдалось также два течения. Одни стояли за исключительно агитационные задачи при участии в комиссиях, выставляя ультимативные требования. В Двинске было решено отказаться от участия в комиссии в том случае, если на собрании будет запрещено говорить по-еврейски. Другое течение отстаивало ту мысль, что необходимо выставить также и конкретные требования, которые могли бы быть удовлетворены, и опираясь на которые можно было бы добиться большего. Руководящий политический орган еврейских рабочих «Volkszeitung» защищал второе течение и, «решительно выступая против бойкота комиссий, призывал использовать их как в целях агитации, так и в целях завоевания дальнейших уступок в области экономических требований» [2]).

Уже приведенные цитаты показывают, что законы 15 ноября внесли большое оживление в жизнь професс. союзов. Развитая ими на почве законов 15 ноября деятельность, благодаря совпадению по времени с избирательной кампанией 2-й госуд. думы, осталась мало известной обществу, между тем, как она представляет из себя одну из наиболее интересных глав русского професс. движения, хотя бы уже потому, что в процессе этой деятельности профессиональные союзы *получили первый организованный вотум доверия* со стороны широкой массы торгового и ремесленного пролетариата.

Немедленно по опубликовании законов 15 ноября местные центр. бюро професс. союзов подвергают их подробному разбору и, устанавливая свою тактику по отношению к ним, открывают соответственную широкую агитационную кампанию среди приказчиков и ремесленников. Петерб. и Московск. Ц. Б. выпускают специальные воззвания; профессиональные союзы выставляют своих кандидатов в смешанные комиссии и ведут агитацию за них; путем морального давления на те общества купеческих приказчиков, которые предполагали использовать преимущественное право, предоставленное им законом, устанавливается равномерное распределение представителей между всеми местными профессиональными организациями торгово-промышленных служащих (С.-Петербург, Москва).

Широко развитая подготовительная агитация обеспечила професс. союзам блестящую победу на собраниях, производив. выборы делегатов в смешанные комиссии. Правда, произвол администрации в некоторых местах (напр., в Одессе) свел выборные собрания к чисто-механическому избранию делегатов. В болшинстве же городов выборные собрания превращались в огромные агитационные собрания. В некоторых городах (Вильно, Белосток, Бердичев, Харьков, Екатеринослав и др.) собрания происходили и во время заседаний смешанных комиссий, где делегаты давали отчеты своим избирателям о работах комиссий.

---

1) «*Освобождение Труда*». Од. 1907. Стр. 43.
2) «*Наша Трибуна*». В. № 10. Стр 10.

Особенно импозантным было выборное собрание ремесленников в Москве. Оно имело вполне характер западно-европейского избирательного митинга с плакатами, с печатными избирательными бюллетенями. Выборы были произведены только после того, как законы 15 ноября были подвергнуты подробному обсуждению. Они дали блестящую победу профессиональным союзам: *из 1.375 поданных бюллетеней 1361 были со списком кандидатов профессиональных союзов* [1]). Такая же победа была одержана професс. союзами повсюду, где они выставляли своих кандидатов и вели за них агитацию. Таким образом, во всех более или менее значительных городах в смешанные комиссии вошли, рядом с представителями приказчичьих обществ взаимопомощи, исключительно представители профессиональных союзов приказчиков и ремесленников. Бюрократия получила лишний раз урок, что жизнь сильнее бумажных законов.

В настоящее время не имеется еще настолько полных материалов о работах смешанных комиссий, чтобы иметь возможность подвести им окончательные итоги. Тем не менее, имеющиеся сведения о них позволяют установить, что тактика «отстаивания шаг за шагом требований рабочего класса» оказалась наиболее целесообразной.

Представители приказчиков и ремесленников в смешанных комиссиях раньше, чем приступить к обсуждению обязательных постановлений по существу, выясняют, часто в силу данного им от избирателей наказа, свое общее отношение к законам 15 ноября, выясняют свою экономическую программу, и затем выставляют целый ряд требований, только при исполнении которых возможна минимальная продуктивность работ комиссий. Из этих требований отметим наиболее важные: публичность и, во всяком случае, гласность (допущение представ. печати) заседаний комиссий, разрешение собраний заинтересованных сторон для обсуждения совместно с делегатами работ смешанных комиссий [2]), разрешение производства анкет о положении труда ремесленников и приказчиков, неприкосновенность в пределах работ комиссии ее делегатов.

Обсуждение обязательных постановлений по существу, благодаря принятой демонстрационной тактике, часто заканчивалось очень скорым выходом представителей пролетариата из состава комиссий. Так, в Москве и Петербурге торговые служащие покинули смешанные комиссии, после того, как было отвергнуто требование 42-часового непрерывного отдыха в неделю. Рабочие ремесленники в Москве покинули комиссию, вследствие неисполнения требования об уничтожении сверхурочных работ [3]).

---

[1]) См. описание этого собрания в «*Русск. Вед.*» *и* «*Истина*», № 1, стр. 10—11.

[2]) В целом ряде городов выставлялось одновременно требование, чтобы городское управление предоставило свои помещения для устройства этих собраний.

[3]) Нужно, впрочем, сказать, что уходу рабочих представителей из смешанных комиссий часто способствовал вызывающий и пристрастный образ действий со стороны председателей комиссий (по большей части гласных Думы). Особенно ярко в этом отношении проявил себя председ. москов. комиссии, теперешний член Госуд. Думы, один из столпов октябризма, прис. пов. Шубинский.

Однако, в большинстве городов смешанные комиссии довели свои работы до конца, причем, благодаря сплоченности и организованности рабочих, им удалось добиться значительного сокращения, в сравнении с законом, рабочего дня. Особенно удачны работы комиссии (торгов. служ.) были в Н.-Новгороде, где даже председателем комиссии был выбран делегат местного професс. союза приказчиков—Нестеров. Комиссия высказалась *за 8-часовой рабочий день*, за обязательное закрытие магазинов во время обеденного перерыва (2 часа). К числу обязательных праздников присоеденены также 1 мая и 19 февраля [1]).

Восьмичасовой рабочий день для приказчиков устанавливается, впрочем, комиссиями в целом ряде и других городов: в Одессе, Елисаветграде, Киеве, Керчи; 9-часовой—во Владикавказе, Пятигорске (зимою 8 ч.), Кременчуге, Севастополе, Курске, Ковно; 10-часовой—в Томске, Симбирске, Поти, Казани, в 6 городах Тульской губ. Меньше сведений имеется о результатах работ смеш. комис. ремесленников. В Севастополе установлен 10-часовой рабочий день, в Саратове отменены сверхурочные работы. Во Владикавказе и Пятигорске установлен для типографии 8-часовой раб. день [2]).

Вообще необходимо отметить, что борьба между хозяевами и рабочими в ремесленных комиссиях идет гораздо упорнее, чем в торговых, и что первые гораздо чаще прекращают свои работы, вследствие выхода из них рабочих представителей. Об'ясняется это различием самой природы труда приказчиков и ремесленников. Труд приказчика не является непосредственным источником прибавочной стоимости; стремление, все же, удлинить торговый день и рабочий день приказчика об'ясняется, с одной стороны, обычной жадностью, желанием использовать возможно больше купленную рабочую силу и предрассудком, что более длинный торговый день увеличивает торговый оборот; в действительности же, интересы торговли зависят только от устранения более благоприятствуемой конкуренции. Последнее же достигается введением обязательного для всех одновременного закрытия торговых заведений. Систематическое выяснение этого положения в смешанных комиссиях и привело к сравнительной уступчивости хозяев.

Совсем иначе обстояло дело в смешанных комиссиях ремесленников. Труд ремесленника производительный, и уменьшение рабочего дня есть уменьшение степени эксплоатации труда, уменьшение суммы прибавочной стоимости хозяина. Вполне понятно, что здесь не могло быть места ни выяснению вопроса, ни соглашению, здесь происходила *борьба*, а так как закон заранее обеспечил преобладание хозяйским элементам, то рабочим в большинстве случаев оставался один только выход: оставить комиссию и продолжать борьбу обычными своими средствами.

Но и там, где в комиссиях рабочим и приказчикам удавалось добиться значительных уступок по сравнению с нормами, установленными законом, далеко не всегда эти уступки находили себе отраже-

---

[1]) «*Жизнь Приказчика*». М. 1907. № 1. Стр. 9.
[2]) См. «*Проф. Вестник*», № 8; «*Приказчик*». М. № 11; «*Дело Жизни*», М, № 5.

ние в «обязательных постановлениях». Мы уже выше указывали, что «заключения» смешанных комиссий служат только «основанием» при составлении обязательных постановлений городскими обществ. управлениями (или земскими учреждениями), от которых, согласно законам 15 ноября, зависит их окончательная редакция. Поэтому мы видим, что в целом ряде городов с черносотенными муниципалитетами «заключения» смешанных комиссий и вообще издание обязательных постановлений кладутся под сукно, что в целом ряде других городов эти обязательные постановления совершенно не считаются с работами комиссий [1]). Наконец, там, где благодаря более или менее либеральному составу городских дум, обязательные постановления издаются соответственно «заключениям» смешанных комиссий, там часто выступает в защиту хозяйских интересов местная администрация и в общем порядке надзора (согл. город. полож.) отменяет обязательные постановления [2]). Нередко хозяева используют чрезвычайные полномочия местных администраторов. Так, по словам «Северо-Зап. Слова», виленские, ковенские, гродненские и белостокские хозяева торгово-промышленных заведений обратились через особую депутацию к виленскому генерал-губернатору с просьбой об отмене закрытия торгово-промышленных заведений в праздники и воскресные дни. По словам газеты, «генерал-губернатор заявил, что он ничего не имеет против того, чтобы приостановить действие закона о прекращении торговли в воскресные дни» [3]).

Как и можно было ожидать заранее, законы 15 ноября не принесли торговому и ремесленному пролетариату каких-либо значительных улучшений условий их труда. Тем не менее деятельность профессиональных союзов на почве этих законов осталась далеко не безрезультатной. Достигнув в некоторых местах известных улучшений условий труда, профессиональные союзы повсюду своей предварительной агитацией при выборах в смешанные комиссии, своей планомерно руководимой работой в них, постоянным противопоставлением нужд трудящихся алчным аппетитам хозяев, наглядным выяснением роли современных городских общественных управлений и органов государственной власти в экономической борьбе пролетариата—значительно содействовали поднятию классового и политического сознания широких масс торгового и ремесленного пролетариата. Заслужив своей предыдущей деятельностью их вотум доверия во время выборов делегатов в смешанные комиссии, профессиональные союзы в процессе борьбы на почве законов 15 ноября сделали профессиональные организации еще более популярными среди них, еще закрепили за собою право на руководство экономической борьбой рабочего класса.

---

[1]) См. напр., заседание петерб. городской думы 15 октября 1907 г. («*Речь*». № 245).

[2]) Напр., в Киеве постановление комиссии о 8-час. раб. дне, прошедшее через городскую думу, не было утверждено губернатором. („*Проф. Вестник*“, № 8. Стр. 5).

[3]) „*Приказчик*“. М. 1907. № 11. Стр. 7.

ГЛАВА VII.

Политическая борьба, партии и профессиональные союзы.

I.

Первые годы развития русского профессионального движения совпадают с историческою эпохою русской революции и контр-революции, с периодом судорожной борьбы нового порядка со старым режимом, борьбы идеи народного представительства с самодержавием бюрократии. В нашу задачу не может входить рассмотрение всех перипетий этой исторической драмы. Мы можем здесь только проследить ту роль, которую сыграли в ней русские профессиональные союзы, и установить ту связь, которой спаяно с нею русское профессиональное движение.

В предыдущей главе мы уже видели, как тесно переплетены были в ходе русской революции экономическая и политическая борьба рабочего класса, как экономические столкновения служили поводом крупнейших политических событий, как политическая революция создавала благоприятные условия для экономической борьбы. К тому же вся предыдущая история русского рабочего движения, развивавшегося под идейной гегемонией социал-демократии, революционная атмосфера 1905 года, когда возникает современное профессиональное движение, крайняя обостренность классовых противоречий в эту эпоху обусловили классовый и боевой характер русских профессиональных союзов.

Вполне понятно, что при этих условиях русские профессиональные союзы, несмотря на то, что они главную свою задачу видели в руководстве экономической борьбой рабочих и, в виду существования социалистических партий, сознательно отстраняли от себя руководство политической борьбой,—несмотря на это, они не могли изолироваться от политической драмы, которая происходила вокруг них. Они ведь были плотью от плоти, кровью от крови того рабочего класса, на долю которого выпадали в этой драме как крупнейшие лавры, так и тягчайшие несчастья. Роль, которая выпадала профессиональным союзам в политической борьбе, была тем более ответственной, что они были и до сих пор являются единственными открытыми боевыми организациями рабочего класса.

Уже в октябрьские дни профессиональным союзам пришлось сыграть крупную роль. Они принимают участие в политических забастовках, посылают своих представителей в Советы Рабочих Депу-

татов [1]) и, предоставляя в распоряжение последних свой организационный аппарат, они обеспечивают за собою серьезное значение в их деятельности. Последнее относится в особенности к союзам рабочих печатного дела. Их окрепшие уже до октябрьских дней организации не только давали для деятельности С. Раб. Деп. *техническую* точку опоры, в виде ли предоставления собственной квартиры союза для Исп. Ком., штаба известных и энергичных рабочих для ответственных поручений, печатания «Известий Сов. Раб. Деп.» и т. п., но и воспитанием в рабочей массе организационной дисциплины,—они сделали возможным осуществление таких мер, как *проведение революционным путем полной свободы печати.*

Эта одна из наиболее ярких страниц истории октябрьских дней была осуществлена только благодаря организационной инициативо и дисциплине членов союзов раб. печат. дела. Как известно, манифест 17 октября упоминал глухо о свободе слова, не говоря о свободе печати. Так как в ту эпоху свобода собраний, свобода союзов и свобода устного слова были фактически завоеваны, то, естественно, что Петер. Сов. Раб. Деп., ликвидируя октябрьскую забастовку, поставил вопрос о фактическом обеспечении свободы печати. Войдя в предварительные переговоры с союзом раб. печат. дела, С. Р. Д. постановил, «что только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых игнорируют цензурный комитет, не посылают своих номеров в цензуру... Поэтому наборщики и другие товарищи-рабочие печатного дела, участвующие в выпуске газет, приступают к своей работе лишь при заявлении и проведении редакторами свободы печати. До этого момента газетные товарищи-рабочие продолжают бастовать, и Сов. Деп. примет все меры к изысканию средств для выдачи бастующим газетным рабочим их заработка» [2]). Энергичное заявление С. Р. Д. имело в своем результате то, что уже 20-го вечером или 21-го утром Исполн. Комитету было представлено обязательство от редакторов и издателей *всех петербургских газет* (за исключением «Гражданина» и официальных газет), подписанное Сувориным-отцом, не отсылать номеров в цензуру. Только после этого было дано разрешение выпустить 22-го октября все газеты. Петербургскому примеру последовала Москва, а за нею провинция. Правда, в провинции не всюду удалось провести полностью свободу печати, этому мешали и сравнительная слабость организаций и более сильное давление администрации. Однако и там, где не была завоевана революционным путем свобода печати, сказывалось влияние на цензурный карандаш полной свободы столичной печати. *Действительная свобода печати,* завоеванная исключительно

---

[1]) В Петербургском С. Р. Д. на 3-м заседании его, в числе 226 депутатов от 93-х предприятий прусутствуют и представители пяти профес. союзов. Позже число их увеличилось. Нужно прибавить, что влияние союзов в Совете Раб. Деп. было значительно выше их количественного участия. Достаточно сказать, что Исполнит. Комитет, выбранный впервые на собрании 16-го октября в „Вольн. Экон. Обществе", состоял почти наполовину из представителей профессиональных союзов.

[2]) Полный текст резолюции, как и более подробное изложение этих событий, см. наш „Очерк разв. проф. дв. в С.-Петерб." „*Образование*", 1906 г., № 9, стр. 233—235.

самоотверженностью и солидарностью членов союза печатников, просуществовала до декабрьских дней реакции.

Видное участие профессиональных союзов в октябрьских и ноябрьских событиях обратило на них серьезное внимание декабрьской реакции. В Петербурге уже с конца ноября полиция начала накладывать свою руку на деятельность профессиональных союзов, распуская их общие собрания, требуя разрешения градоначальника на наем помещения и т. д. Арест петербургского Сов. Раб. Деп. и неудача декабрьской забастовки означали торжество реакции и послужили сигналом к форменному разгрому профессиональных союзов. Полиция является в помещение союзов, арестовывает членов правлений, отбирает книги и печати, уничтожает библиотеки, в неистовом усердии ломает и сжигает мебель, арестовывает царские портреты и иконы (в союзе извозчиков, Волков пер., № 2) и т. д. 13-го декабря петербургский градоначальник запрещает устройство каких бы то ни было общественных собраний. Заседания Центр. Бюро 17-го и 30-го декабря [1]), посвященные выслушанию отчетов представителей союзов о положении дел, представляют целый мартиролог разрушенных профессиональных организаций.

Торжество реакции в Москве и в провинции представляет ту же картину разрушения всех самодеятельных рабочих организаций. Достаточно просмотреть доклад с мест на второй конференции профессиональных союзов [2]), чтобы убедиться, с какою жестокостью и неистовством местные представители административной власти одним взмахом почерка губили и уничтожали плоды коллективного труда и энергии, разрушали многие мечты и надежды...

В предыдущих главах мы уже указывали, почему громадное большинство профессиональных союзов, особенно провинциальных, не могли устоять перед натиском реакции и погибли в неравном бою. Большинство союзов возрождаются уже в конце зимы и в начале весны, в провинции только после появления закона 4 марта. Благодаря этому выборы в 1-ю госуд. думу проходят почти без всякого участия профессиональных союзов. Тем более, что в громадной части России социалистические партии проводили тактику бойкота, которая сама по себе, при отсутствии свободы политической агитации, обрекала организации на бездеятельность. Поэтому Ц. Б. в Петербурге и Москве ограничились только приглашением записываться в избирательные списки, когда бойкот думы еще не был окончательно решен. Очень трудно определить, поскольку бойкот выборов в первую госуд. думу был результатом агитации союзов (напр., печатников в Петербурге и Москве, приказчиков в Петербурге), или же результатом общего подавленного состояния рабочих под влиянием недавних событий декабрьской реакции. В общем, большинство типографских рабочих в столицах не принимало участия в выборах [3]) хотя, напр.,

---

[1]) *„Профес. Союз“*. Спб., 1906 г., № 5.
[2]) *Вторая конференция профес. союзов.* Спб., 1906, стр. 33—123.
[3]) *„Печатный Вестник“*. Спб., 1906, № 5, стр. 7.

депутатом от рабочих из Москвы был, как известно, выбран, благодаря решению кадетов уступить одно место депутату от рабочих,— наборщик типографии «Русск. Вед.» И. Савельев. Выборы его были встречены очень резко и недружелюбно [1]), но позже, когда с образованием в думе социал-демократической фракции он вступил в нее, отношение к нему изменилось.

Теперь, когда тактика бойкота госуд. думы окончательно осуждена жизнью, нам нет надобности останавливаться на критике ее. Можно только сказать, что она могла принести больше вреда, чем принесла. Русская действительность не допускала политического индиферентизма, и мы видим поэтому, как быстро сплачиваются вокруг перво-думской рабочей группы (позже соц.-дем. фракции) те же элементы, среди которых имел так недавно успех бойкот думы. Чем интенсивнее развивалось профессиональное движение под влиянием оживления политической жизни страны в связи с деятельностью первой госуд. думы, тем больше профессиональные союзы заинтересовывались этою деятельностью, тем больше отзвука находили себе в их среде все перепитии ее недолгой борьбы. Для этого профессиональным союзам не было надобности преувеличивать пределы власти госуд. думы и роль ее в ходе дальнейшего освободительного движения. Смотря сверщенно реально на нее, союзы придавали госуд. думе огромное значение, как свободной трибуне, как организующему центру.

Наиболее резко и ясно это подчеркнуто в ответе петербургского Центр. Бюро на обращение ко всем рабочим рабочей группы первой госуд. думы. «Конечно Дума безвластна,—говорили петербургские союзы,—но она может сослужить нам большую службу, если нам удастся обратить ее в трибуну, с которой раздастся громкое и смелое слово в защиту рабочего класса, а вместе с ним всего трудящегося народа; если вы будете энергично и решительно протестовать против всякой попытки наложить на рабочий класс новые оковы, откуда бы эти попытки ни исходили... Только в этом случае Дума послужит новым орудием организации рабочего класса» [2]).

Этот ответ петербургского Ц. Б., в котором, между прочим, выставлены также и основные политические требования профессиональных союзов, получил широкое распространение среди профессиональных союзов и лег даже в основу избирательной кампании многих союзов во время выборов во 2-ю Госуд. Думу [3]).

Профессиональные союзы не ограничиваются одним этим общим заявлением. Они подвергают подробному обсуждению те законопроекты, которые касаются близко их интересов. Так, законопроекты кон.-демокр. партии о свободе союзов и собраний нашли не только резкое осуждение в петербургском и московском Ц. Б. [4]), но и были

---

[1]) См. напр., *„Печатник“*. М. 1906, № 2, стр. 9—10.
[2]) «*Профессиональный Союз*» Спб., 1906 г., № 18—19.
[3]) См. «*Рабочий по Металлу*». Спб., 1906, № 5.
[4]) «...Совещание петерб. профес. союзов видит в проекте конституционно-демократической партии попытку под видом заботы о свободе союзов провести

подвергнуты резкой критике на страницах почти всех более или менее видных профессиональных органов и на собраниях профессиональных союзов. Наконец, при посредстве местных центральных бюро, профессиональные союзы направляют в соц.-дем. фракцию госуд. думы материалы и документы о всех беззакониях и притеснениях, которые они терпят со стороны местной администрации. А одесские союзы посылают в Гос. Думу даже специального ходока для защиты местных союзов от произвола полиции [1]).

Бюрократия по своему оценила это живое участие профессиональных союзов в политической жизни страны. Роспуск первой госуд. думы 9 июля 1906 г. был в то же время началом новой эры систематических преследований против профессиональных союзов. Особенно сильны были репрессии в этот раз в Петербурге. Не прошло двух недель после роспуска госуд. думы, как петербургский градоначальник, на основании введенного одновременно положения о чрезвычайной охране, закрыл почти все петербургские профессиональные союзы. Эту чрезвычайную меру пытались об'яснить участием проф. союзов в политической (июльской) забастовке. Попытка эта очень неудачна, потому что, благодаря внезапности об'явления этой политической забастовки, ни Центр. Бюро професс. союзов, ни отдельные союзы не принимали решения об участии и не участвовали в политической забастовке. Единственный союз, принимавший участие в ней, был союз рабочих печатного дела. Но приказ градоначальника о закрытии этого союза,—как сообщил в печати председатель союза Орлов, — «помечен 21 июля, т.-е. за день до об'явления политической забастовки», а как причина закрытия указано в нем «несоблюдение формальностей согласно закону 4 марта» [2]). Несоблюдение этих формальностей не мешало, однако, существовать союзу четыре мѣсяца после издания закона вплоть *до роспуска госуд. думы.*

Впрочем, вряд ли нужно приводить доказательства того, что ссылка на закон 4 марта была только придиркой, и что закрытие союзов не явилось результатом их участия в политической забастовке. Роспуск 1 й думы был одним из этапов контр-революции; вполне понятно, что в дни своего торжества реакция направляла свои удары туда, откуда она чувствовала наиболее для себя опасную угрозу. На ряду с политическою печатью профессиональные союзы были наиболее опасными врагами реакции. Они ведь были единственными открытыми организациями широких рабочих масс, по всему своему экономически-правовому положению настроенных оппозиционно к существующему политическому режиму. Вот почему, одновременно с ограничениями деятельности союзов на почве закона 4 марта, одновременно с произволом над ними и вмешательством в их деятель-

---

целый ряд новых ограничений в этом основном праве всех рабочих, которые всею своею тяжестью падут именно на сельский и городской пролетариат». („*Професс. Союз*", № 18—19).

[1]) См. выше, гл. IV.

[2]) «*Голос Печатника*». Спб., 1906, № 1.

ность со стороны местной администрации на основании различных чрезвычайных полномочий, профессиональные союзы подвергаются систематическим репрессиям в виде массовых закрытий союзов.

Эти систематические репрессии не прекращаются со времени роспуска 1-й госуд. думы, перебрасываясь только с одного промышленного района в другой, и доходя до своего апогея ко времени роспуска 2-й госуд. думы, когда были закрыты почти все союзы московского промышленного района, и ко времени созыва третьей государ. думы, когда торжествующая реакция, опираясь на послушную думу, готовится ликвидировать окончательно все завоевания революционного периода [1]).

Нужно ли говорить, что при этих условиях русские профессиональные союзы должны были принять еще более интенсивное участие в политической жизни страны. Даже в странах с наиболее демократическою конституцией и наиболее широкими гражданскими свободами профессиональные союзы не могут относиться индиферентно к происходящей вокруг них политической борьбе. Как бы ни были демократичны законы о гражданских свободах, они в буржуазном обществе всегда, под видом незаметных оговорок или пунктов гражданского и уголовного уложения, вводят целый ряд существенных ограничений, ложащихся главной тяжестью на организации и борьбу пролетариата. Стремление расширить и укрепить гражданские свободы является поэтому всегда одним из стимулов участия професс. союзов в политической борьбе.

Но этого мало, все более обостряющаяся классовая борьба, рост предпринимательских союзов, учащение применения системы локаутов, монополизация производства трестами подсказывают рабочим, что только законодательным путем могут быть прочно обеспечены за ними те завоевания, которых они добиваются в процессе долгой и упорной профессиональной борьбы, и что для этого профессиональные союзы должны, со своей стороны, сделать все возможное, чтобы пролетариат достиг максимума возможного при данных условиях влияния на государственную власть.

В России, где не существует никаких гражданских свобод, где реакция пытается отнять у союзов даже право на существование, уже одно чувство самосохранения, помимо всех вышеуказанных сти-

---

[1]) Изменение взгляда министерства Столыпина на профессиональное движение ярко обнаруживается из сравнения правительственных деклараций во 2-и и в 3-й гос думе. Посвятив сравнительно много «хороших» слов рабочему вопросу, декларация, в первой из них, указывает, что «поэтому реформа рабочего законодательства должна быть проведена в двоякого рода направлениях: в сторону оказания рабочим положительной помощи и в направлении ограничения административного вмешательства в отношении промышленников и рабочих, при предоставлении как тем, так и другим *необходимой свободы действий через посредство профессиональных организаций* и путем наказуемости экономических стачек».

Декларация в 3-ю Госуд. Думу совершенно не упоминает о профес. организациях и, вообще, посвящает рабочему вопросу мимоходом несколько слов: „*государственное попечение о неспособных к труду рабочих, страхование их и обеспечение им врачебной помощи останавливают теперь особенное внимание правительства*“.

мулов, должно было заставить профессиональные союзы принять участие в политической борьбе [1]). Особенно серьезное значение союзы сыграли во время выборов во 2-ю госуд. думу.

Насчитывая в своих рядах уже сотни тысяч членов, обладая относительно хорошим организационным аппаратом, имея в своем распоряжении довольно богатую профессиональную прессу, профессиональные союзы явились крупным фактором в избирательной кампании, тем более, что ремесленники, рабочие и особенно приказчики составляли довольно крупный процент городских избирателей. Мы видели выше, что последнее обстоятельство учитывала и бюрократия, издавая свои законы 15 ноября. Но, благодаря агитации профес. союзов, и эти законы были использованы против нее.

Ниже нам придется еще остановиться подробнее на избирательной агитации професс. союзов, теперь же укажем только, что как это было неоднократно отмечаемо периодическою политическою печатью, победа оппозиции во многих местах была обязана деятельности профессиональных союзов [2]). Благодаря же одному этому, связь между професс. союзами и 2-й госуд. думой, в лице ее социалистических фракций, установилась еще теснее, чем в первой госуд. думе. В составе соц.-дем. фракции было несколько деятелей проф.

---

[1]) Как сильно отражалась на деятельности профессиональных союзов политическая реакция, видно из следующей сравнительной таблицы о поступлении новых членов четырех крупнейших петербургских союзов:

	Вступили в члены:			
	Союза раб. печ. дела.	Союза раб. по обраб. металла.	Союза буд. и кондитер.	Союза портных, портн. и скорняк.
В октябре 1905 г.	923	—	96	—
„ ноябре „	2106		760	646
„ декабре „	310		—	121
„ январе 1906 г.	73		—	12
„ феврале „	199		201	28
„ марте „	310	Возник весною 1906 г.	109	58
„ апреле „	104		171	61
„ мае „	421	885	382	121
„ июне „	1781	5376	1346	121
„ июле „	940	3283	231	87
„ августе „	328	(до 15/VII)	103	2
„ сентябре „	282	631	107	26
„ октябре „	366	208	56	128
„ ноябре „	378	182	45	97
„ декабре „	358	107	106	

Периоды наибольшей политической свободы: октябрь — ноябрь 1905 г. и май—июнь 1906 г (1-я госуд. дума) отличаются сильным притоком новых членов в союзы. Периоды сильнейшей реакции: декабрь (1905) и январь (1906) и осень 1906 г (после роспуска I и госуд. думы), отмечаются значительным сокращением притока членов.

[2]) См. „*Дело Жизни*“. М. 1907, № 2. „*На Очереди*“. Спб., 1907, № 4.

союзов, как председатель союза рабочих стеклянных заводов Екатеринославской губ. Белоусов и др.; в комиссию по рабочему вопросу при с.-д. фракции входили представители петербургских професс. союзов; в с.-д. фракцию направлялись професс. союзами все материалы об административных репрессиях и т. п., наконец, с.-д. фракция внесла запрос в госуд. думу о незаконных преследованиях проф. организаций со стороны петербургского градоначальника. Роспуск 2-й госуд. думы помешал обсуждению этого запроса.

Мы уже говорили, что период после роспуска 2-й госуд. думы и созыва 3-й госуд. думы является апогеем систематических преследований профессиональных союзов. К тому же времени относится попытка официоза председателя совета министров, газеты «России», обосновать в печати эти преследования. Мы не будем разбираться в целом ряде скучных и длинных статей. Остановимся только на минуту на первой руководящей статье [1]).

Основная ее мысль заключается в том, что «государство должно стремиться к тому, чтобы не дозволять профессиональным союзам быть постоянным очагом преступных посягательств на общий мир и государственный порядок». Для доказательства «преступных посягательств» выставляются два положения: «профессиональные союзы... вместо того, чтобы быть средством мирного разрешения рабочего вопроса... очутились в первых рядах революционной толпы», и «что собственно профессиональные цели, по крайней мере, до сих пор остаются почти во всех союзах совершенно в тени».

Читатель, прочитавший бегло хотя бы только предыдущую главу, легко убедится, насколько последнее положение резко противоречит действительности. Нам нет надобности поэтому на нем останавливаться. Что касается первого положения, то, в переводе с жаргона реакционных газет (официозных и приватных), оно означает живое участие профессиональных союзов в политической жизни страны. Мы не только не отрицаем последнего, но признаем это участие необходимым и неизбежным. Мы видим, конечно, другие источники его происхождения и делаем из этого участия другие выводы. Министерский официоз с присущим ему «нюхом» видит источник участия союзов в политической борьбе в «революционных группах» и в «политических деятелях» и во имя охранения государственного порядка рекомендует искоренение независимых профессиональных организаций.

Мы уже указывали выше на те причины, которые заставляют проф. союзы во всех, даже наиболее демократических государствах принимать все более живое участие в политической борьбе, чем, между прочим, об'ясняется наблюдаемый в последнее время процесс более тесного сближения профессиональных союзов с социалисти-

---

[1]) „*Россия*", 1907. № 496.

ческими партиями [1]). В России, где профессиональные союзы не могут отправлять своих самых элементарных функций без вмешательства административного произвола (о чем, очевидно, не знает «Россия»), участие в политической борьбе, в борьбе за гражданские свободы, за право на существование, становится для союзов тем более настоятельным. Только при условиях полной политической свободы, при возможности открытого существования политической партии рабочего класса, руководство эмансипационной борьбой пролетариата может быть распределено между политической партией и профессиональными союзами, соответственно природе той и другой организации. Но и тогда профессиональные союзы не освободятся от необходимости не только поддерживать, но и оказывать влияние на направление политической борьбы в интересах как постепенного улучшения положения рабочего класса, так и его окончательного освобождения от капиталистической эксплоатации.

Что касается возможности окончательного искоренения независимых профессиональных организаций, то можно только сказать, что, если ликвидируя окончательно освободительное движение, бюрократия идет навстречу новой Цусиме и новому Мукдену, то, искореняя профессиональные организации, она идет в рабочем вопросе навстречу новому 9 января и октябрю 1905 г.

II.

Развитие профессиональных союзов в крупный фактор русской общественной жизни и участие их в политической жизни страны должно было заинтересовать политические партии в судьбе профессиональных союзов и поставить на очередь вопрос о взаимоотношениях между профессиональными союзами и партиями.

Если последний для большинства политических партий часто сводится только к тому, каким путем лучше всего могут быть использованы в интересах данной политической партии профессиональные организации рабочих, для профессиональных союзов он заключается в том, какая из политических партий отвечает больше всего интересам профессионального движения, и каковы те формы, в которые должны вылиться отношения между такою партиею и союзами?

При этом серьезному рассмотрению подлежат в данном случае только партии оппозиционные: конституционных-демократов, социалистов-революционеров и социал-демократов. Правда, из реакционных партий—*союз русского народа* и различные «монархические союзы» пытаются использовать в интересах развращения народного сознания формы профессиональных организаций. Но мы уже знаем из предыдущей главы, что эти различного рода «рабочие союзы» не имеют ничего общего с профессиональным движением и

---

1) В этом отношении очень интересен тот процесс, в смысле самостоятельного участия в политической борьбе, который наблюдается за последние годы в тред-юнионах Англии и Америки, на которые так любят ссылаться сторонники аполитизма професс. союзов.

являются собранием подонков городского населения в целях организованного штрейкбрехерства [1]). Партия *октябристов*, политическое значение которой было создано искусственно актом 3 июня, слишком изолирована от каких бы то ни было широких слоев населения, чтобы она могла думать о каком-либо влиянии на пролетарские организации.

Из партий реакционных в социально-политических вопросах единственно партии *народовой демократии* удалось упрочить свое влияние среди польского пролетариата созданием профессиональных организаций, более или менее заслуживающих этого названия. Успехи н.-дем. об'ясняются, с одной стороны, той обрусительной политикой русской государственной власти на окраинах, которая об'единяет чувством национального протеста все классы угнетаемого народа. Нар.-демократия умела всегда очень ловко использовать это чувство малосознательных элементов рабочих. С другой стороны, успеху ее содействовала та рознь, которая существует между социалистическими партиями польского пролетариата, и которая, благодаря созданию партийных профессиональных союзов, внесена ими также и в профессиональное движение. Создавая в противовес социалистическим партиям *легальные* и, якобы, *нейтральные* «польские профессиональные союзы», нар.-демократия подчиняла своему влиянию довольно широкие слои менее сознательных элементов польских рабочих.

В начале лета 1907 г. в распоряжении этих союзов имелись два органа: «Рабочая Жизнь» («Zycie Robotnicze») и «Единение» («Jednosé»). Число членов всех союзов в июле 1907 г. было 42.000 чел., в октябре 1907 г. уже 50.000 чел. Самым крупным из всех «польских» союзов является «Единение»—союз рабочих текстильного производства (30 сентября — 33.500 членов), затем союз рабочих по металлу (5.000 член.), другие союзы малочисленны [2])

Нужно ли говорить, что эти союзы стоят очень далеко от современного рабочего движения и являются в руках народ.-демократии только средством политического воздействия на широкие рабочие массы и дезорганизации союзов, стоящих на классовой точке зрения? Гармония интересов труда и капитала, резкий национальный шовинизм и грубая демагогия характеризуют взгляды и тактику «польских» союзов. Несмотря на их официальную беспартийность, органы союзов воспевают дифирамбы народ.-демократии и польскому коло в думе и подвергают резкой критике всеобщее избирательное право в Австрии.

---

[1]) Не об этих ли „союзах" довольно туманно намекает министерский оффициоз в цитированной выше статье, говоря: „По нашим данным, однако, таких союзов (неуклоняющихся в политику) весьма немного и серьезного значения во всем этом стремлении к союзному строю эти союзы не имели и не имеют?" („*Россия*", № 49). Газета забывает только, что и эти „союзы" занимались и занимаются политикою, но только „патриотическою". Не потому ли они так приятны министерским публицистам?

[2]) *К. Залевский.* Из профессионального движения в русской Польше („*Проф. Вестник*", № 17—18).

Если оставить в стороне «польские профессиональные союзы», появление которых, как мы видели, вызвано специфическими условиями, то все профессиональные союзы в России, за очень немногими исключениями, с самого своего возникновения стоят в тесной идейной связи с социалистическими партиями. В этом отношении русские профессиональные союзы находятся в более благоприятном положении, чем западно-европейские. В западной Европе социалистические партии выступили на арену политической жизни позже буржуазных, тогда, когда наиболее демократические из последних успели уже подчинить своему влиянию довольно широкие слои рабочих (напр., партия прогрессистов в Германии). Пользуясь этим влиянием, впрочем, с ростом социалистических партий все более падающим, и желая закрепить за собою это влияние, буржуазные партии организуют, в противовес классовым профессиональным союзам, профессиональные организации рабочих, признающих гармонию интересовт руда и капитала и примыкающих к тем или иным из них.

В России социалистические партии,—и среди них, по своему влиянию и продолжительности деятельности, на первом месте социал-демократия,—выступают на арену политической борьбы с вполне выработанной программою, с целою сетью организаций на местах, с большим распространительным аппаратом тогда, когда самодержавный режим казался непоколебимым, когда не было условий для существования политических партий. Только в 1903 и 1904 г. г. начинает складываться около журнала П. Струве «Освобождение» будущая конституционно-демократическая партия. Однако, в то время как социалистические партии распространяли свою деятельность, главным образом, среди народных масс, деятельность союза освобождения, банкетная кампания, земские с'езды захватывали только верхние, интеллигентские слои земельного дворянства, городской буржуазии и профессиональной интеллигенции. Основатели к.-д. партии и не пытались проникнуть в народные «низы», особенно в рабочий класс.

Октябрьская революция особенно резко подчеркнула эту отчужденность единственной буржуазной политической партии, зародившейся до революции, от широкого народного движения и полную идейную гегемонию в нем социалистических партий. Профессиональные союзы, как организации рабочего класса, естественно, были также подчинены этому идейному влиянию, тем более, что, как мы видели во II гл., большинство союзов организовалось по инициативе и при деятельном участии рабочих социал-демократов.

Конституционных демократов, ни как партию, ни как отдельных ее деятелей, мы не встречаем ни при возникновении профессиональных организаций в октябрьские дни, ни в мрачные дни их разгрома декабрьской реакцией, ни в трудные дни их возрождения в цепях закона 4 марта [1]) Интерес к профессиональным организациям рабо-

---

[1]) Приглашение секретариатом петербургского Ц. Б. г. Винавера в юридическую комиссию для подачи юридического отзыва о законе 4 марта было обращено к нему не как к члену к.-д. партии, а как к одному из видных русских юристов (см. гл. IV).

чих у констит.-дем. партии появляется только с того момента, когда проф. союзы сделались крупной общественной силой, и необходимо было готовиться к выборам во 2-ю госуд. думу [1]) На гельсингфорском с'езде (1906 г.) Н. М. Иорданским был прочтен специальный доклад о профессиональных союзах, и в принятой резолюции с'езд указал, что: 1) «деятельное участие членов конст.-дем. партии в профессион. движении может быть весьма полезным этому движению и может содействовать укреплению за ним внепартийного характера, 2) что содействие професс. движению со стороны к.-д. партии может выражаться в участии в союзах и в организации особых внепартийных «бюро содействия об'единению труда» [2]).

Однако и это внезапное проявление интереса к профессиональным организациям со стороны к.-д. партии осталось довольно безрезультатным. Еще летом 1906 г. видные к.-д. публицисты в Петербурге пытаются совместно с группою рабочих печатников, членов с. р. печатного дела, издавать «беспартийную» рабочую газету «Рабочее Слово». Предприятие очень скоро рухнуло, потому что рабочие, несмотря на весь свой оппортунизм, тянули к «самостоятельной рабочей партии», а публицисты, несмотря на свою «беспартийность», тянули к партии конст.-демократов. Не большим успехом увенчались попытки к.-д. организовать самостоятельно профессиональные союзы. Так, в Москве, несмотря на старания к.-д. прив.-доц. Морковникова организовать свой проф. союз рабочих винных складов, параллельно с организуемым московским Ц. Б., рабочие предпочли руководству к.-д. партии единство своей организации [3]). Только кой-где в провинциальных городах мы встречаем, как исключение, к.-д. среди активных деятелей проф. движения; рабочих професс. союзов, примыкающих к к.-д. партии, мы не знаем.

Известные успехи к.-д. партии заметны только среди приказчиков. Об'ясняется это промежуточным положением торгового пролетариата. Торгово-промышленные служащие включают, с одной стороны, приказчиков-пролетариев, ничем не отличающихся по условиям жизни от массы фабрично-заводского пролетариата и, с другой стороны, приказчиков-аристократов, приближающихся по условиям жизни к средним буржуазным классам. Кроме того, постоянное соприкосновение приказчика с хозяином делает его вообще более зависимым индивидуально.

Вот почему среди приказчиков рядом с с.-д. приобрела довольно значительное влияние к.-д-ская партия. По крайней мере, несомненно, что на многих выборах в городских избирательных собраниях к.-д. обязаны своими победами голосам приказчиков. По сделанной московским союзом торг.-пром. служащих «В единении сила» анкете среди

---

[1]) На III-м съезде к.-д. партии хотя и была принята, по инициативе нескольких лиц, резолюция о содействии профессиональному движению, но она никаких результатов не имела, или, как заявляет к.-д. Н. И.— дальше принятия сочувственной резолюции дело содействия со стороны партии профессиональному движению пока не пошло („*Вестн. Парт. Нар. Св.*" Спб. 1906. № 29. стр. 1544).

[2]) „*Вестн. Парт. Нар. Св.*". Спб. 1906, № 30, стр. 1589.

[3]) «*Рабочий Союз*». М. № 8, стр. 10.

избирателей-приказчиков о принадлежности к полит. партиям, из 1907 ответов: за к.-д. было подано 996, за с.-д. 663 и за с.-р. 95 [1]). Некоторое влияние приобретают к.-д. и в *союзах* приказчиков. В Москве, где, вообще, к.-д. пытались более энергично, чем где-либо, оказать влияние на руководство профессиональными союзами, они создают даже свой специальный орган для приказчиков («*Приказчик*»), который выходил, правда, только во время выборов во 2-ю госуд .думу, при участии лучших сил к.-д.-ской партии, проф. Шершеневича, Щепкина, Струве и др.

Наилучшей иллюстрацией того, как к.-д. проводят в жизнь ту «беспартийность» проф. союзов, которую провозгласил их Гельсингфорский с'езд и о которой к.-д. публицисты так много пишут, может служить этот единственный профессиональный орган, руководимый к.-д. Не говоря уже о том, что «*Приказчик*» заполнялся дифирамбами в честь к.-д. партии, вплоть до помещения портретов ее депутатов, но он без всяких фиговых листочков вел открыто избирательную агитацию *за кандидатов к.-д. партии против с.-д.* [2]).

«Беспартийность» к.-д., как прекрасно доказал опыт с московскими приказчиками, есть только удобное средство для завоевания политического влияния для своей партии, для борьбы с социал-демократией. И вовсе не нужно сомневаться в искренности кадетских вождей, провозглашающих наиболее широкую из всех буржуазных партий программу по рабочему вопросу, чтобы убедиться, что профессиональное движение рабочих является совершенно чуждым задачам и духу к.-д. партии. Партия к.-д. является партией имущих классов, и, как бы ни демократичны были взгляды ее вождей, ее отношение к запросам профессионального движения пролетариата будет всегда определяться интересами имущих классов. Ведь если случайностью (индивидуальною ошибкою) можно об'яснить отказ видного к.-д. деятеля, профессора Мануйлова, как ректора Моск. универс., утвердить устав професс. союза низших клинических служащих, прошедший уже через руки ген.-м. Рейнбота, только потому, что устав предусматривает защиту правовых интересов и помощь членам союза, пострадавшим от забастовки [3]), то нельзя об'яснить случайностью, что другой кадетский деятель, член госуд. думы Шельгорн, явился инициатором союза предпринимателей и локаута типографских рабочих в Саратове для борьбы с профессиональной организацией последних [4]). Тем менее случайными являются те проекты о свободе собраний и союзов, которые были внесены к.-д. партией в 1-ю госуд. думу и которые вызвали такой энергичный протест в профессиональной печати, в профессиональных союзах, на профессиональных конференциях (между прочим и на 3-м с'езде обществ вспомощ. частн. служ. труду) [5]).

«Партия народной свободы включает в свою программу улучшение условий труда и положения трудящихся как *не классовую, а государ-*

---

[1]) «*Жизнь Приказчика*». М. 1906, № 3, стр. 6.

[2]) См., напр., «За кого следует торговым служащим голосовать на выборах в Думу». («*Приказчик*» М. 1907, № 6).

[3]) «*Рабочий Союз*», № 6. стр 9.

[4]) См «Сто дней борьбы». «*Печатное Дело*». М. 1907, № 13.

[5]) *Протоколы 3-го с'езда* и т. д. Стр. IX.

ственную задачу»,—говорит к.-д. Н. И. в цитированной выше статье [1]). Если к этому добавить, что современное государство есть организация господствующих, имущих классов, то с положением автора можно вполне согласиться. *Конст.-демократ. партия будет отстаивать интересы рабочего класса постольку, поскольку это не нарушает интересов имущих классов.* А так как с каждым новым этапом развития капиталистического производства классовые противоречия обостряются, и противоположность интересов имущих и неимущих классов все более резко обнаруживается, то, очевидно, что профессиональные союзы, если только они представляют действительные интересы рабочего класса, не могут поручить защиту их в политической борьбе партии конституционных демократов.

Раньше, чем перейти к вопросу о взаимоотношениях между профессиональными союзами и политическою партией рабочего класса—социал-демократией, остановимся еще на другой социалистической партии: *социалистов-революционеров*. Мы не можем входить здесь в рассмотрение ни истории ее происхождения, ни анализа ее программы. Скажем только, что тот основной эклектизм, который характеризует партию с.-р., желание уместить в одну программу, в пределы одной партии интересы пролетариата, лишенного всех орудий производства, и класса мелких собственников («трудового крестьянства»), мешает партии с.-р. занять ясную и определенную позицию по отношению к профессиональному движению.

Высказываясь за партийную нейтральность союзов, партия с.-р. в то же время пытается всюду провести в союзах политическую платформу. Так, например, конференция участвующих в профессиональных союзах членов партии с.-р. в Петербурге в феврале 1907 г. признала, что «профессиональные организации не должны ограничиваться одной экономической борьбой,—им следует вести также и борьбу политическую, и вполне допустимо и желательно выставление профессиональными союзами особой политической платформы. Нейтрализация профессиональных союзов должна заключаться в устранении от фракционных распрей (?!)» [2]).

Этот же взгляд защищал официальный представитель партии с.-р. на первой всероссийской конференции печатников [3]). Выразив свое согласие с основными положениями докладчика, высказавшегося определенно за партийную нейтральность союзов, он в своей речи старался обосновать необходимость для конференции принять политическую платформу. Но эта политическая платформа не должна быть социалистической, потому что «социалистическая партия и профессиональный союз несовместимы принципиально (!)»; «должна быть установлена та политическая платформа, которая могла бы быть принята массой, соответствовала бы ее наличному уровню». Поэтому из политической платформы выбрасывается требование демократиче-

---

[1]) «*Вестн. Парт. Нар. Своб*». Спб. 1906, № 29, стр. 1546.
[2]) «*П оф. Вестн.*», № 3 Стр. 15.
[3]) *Протоколы перв. всер. конф.* и т. д. Стр. 127—129.

ской республики; в аграрном вопросе «приходится для союза взять лишь то, что является исходным пунктом почти для всех революционных партий и чуть ли не и для к.-д.—передача всей земли народу». (Стр. 129).

Итак, вместо социалистической программы с.-р. предлагали проф. союзам под видом партийной нейтральности принять *буржуазно-демократическую политическую программу*. Нет надобности доказывать, что это есть один из худших видов «партийности». Конференция печатников, конечно, отвергла это предложение с.-р-ов.

Партия с.-р. под влиянием неудачи пропаганды такой платформы [1]), повидимому, отказывается от нее; по крайней мере, в резолюции совета партии с.-р. (июль 1907 г.) о профессион. союзах, хотя и довольно двусмысленно, сказано: «Полагая, что в рабочей жизни политика неотделима от экономики, совет высказывается отрицательно против всякой попытки ограничить сферу деятельности професс. союзов одною экономикою и монополизировать политику в ведение партий, но и в то же время он полагает, что *в уставы не должно вносить какого-либо минимума политических требований, составляющих условие допущения в союз*» [2]).

Дифференцировавшиеся элементы партии с.-р.—*народные социалисты и трудовики* на последних своих конференциях решили принять активное участие в профессиональном движении.

III.

Вопрос о взаимоотношении между профессиональными союзами и *социал демократией* приходится рассматривать совершенно в иной плоскости, чем тот же вопрос в отношении к другим политическим партиям.

Социал-демократия есть политическая партия рабочего класса, как профессиональные союзы суть его экономическая организация. Поэтому, если по отношению ко всем другим политическим партиям может возникнуть вопрос, *что* заставляет их организовать профессиональные союзы *рабочих* или оказывать им содействие, и в *каких пределах* они могут отстаивать интересы последних, то по отношению к социал-демократии такие вопросы даже не могут иметь места. Для всех других партий профессиональные организации рабочих есть элемент *сторонний*, для социал-демократии профессиональное движение есть такое же проявление пролетарской эмансипационной борьбы, как и она сама. *Интересы профессионального движения это—интересы рабочего класса, это—интересы самой социал демократии.*

Вопрос о взаимоотношении между профессиональными союзами и социал-демократией является только вопросом о *сравнительной оценке*

---

[1]) Подобная платформа принята профессионально-политическими союзами железнодорожных служащих и рабочих и почтово-телеграфных служащих, находящихся под идейным влиянием с.-р—ов.

[2]) «*Проф. Вестник*», № 11—12. Стр. 18.

роли политической и экономической форм борьбы и организаций в общем ходе борьбы рабочего класса за освобождение от капиталистической эксплоатации и обобществление орудий производства и вопросом о наиболее целесообразной форме отношений между двумя основными формами организаций рабочего класса.

Только в этом смысле вопрос о профессиональных союзах является в социал-демократии с момента ее возникновения на Западе и у нас одним из наиболее острых и спорных. Мы, конечно, не можем здесь останавливаться подробно на истории его. Скажем только, что «железный закон» Лассаля и связанный с ним его взгляд на профессиональное движение, как на в лучшем случае безвредное для рабочего движения, а на профессиональные союзы только, как на школы для партийной агитации, находили себе отражение в отношении социалистических партий к профессиональным организациям не только в Германии, но и в других западно-европейских странах, еще долго после смерти Лассаля и исчезновения лассальянской партии, особенно резко отрицательно относившейся к професс. организациям. На Кельнском партейтаге (1893 г.) германской партии такие чуткие деятели, как Бебель и покойный Ауэр, относятся к профессиональному движению с нескрываемым пессимизмом и даже иронией. Колоссальный рост профессиональных организаций (особенно в Германии) с начала текущего столетия заставил социалистические партии резко изменить свое отношение к профессиональному движению, пока, наконец, сначала в Мангейме и Иене немцами, а затем и в Штутгарте междунар. социал. конгрессом не была провозглашена полная равноценность политической и экономической борьбы для полного освобождения пролетариата; параллельное существование социалистических партий и професс. союзов конгресс об'яснил результатом необходимого разделения труда, признав, однако, их задачи «одинаково важными для освободительной борьбы пролетариата».

В России при возникновении социал-демократми, как мы указывали выше (в I гл.), условия в этом отношении были более благоприятными. Тиски бюрократического режима спаивали воедино руководство экономической и политической борьбой в нелегальных, конспиративных соц.-дем. организациях. Однако, с ростом рабочего движения, с обострявшейся политической борьбой, особенно на почве промышленного кризиса, и в России получили преобладание под идейным влиянием «Искры», появившейся в декабре 1900 г., лассальянские предрассудки об экономической борьбе и профессиональных организациях. Особенно рельефно они выражены были в книге известного тогда искровского, а теперь большевистского публициста Н. Ленина: «Что делать?». Провозгласив, что «своими собственными силами *рабочий класс* (н. к.) в состоянии выработать лишь сознание тред'юнионистское», автор неоднократно подчеркивает подчиненное значение как экономической борьбы, так и экономических органи-

заций [1]). Взгляды эти получили широкое распространение среди партийной интеллигенции и имели роковое значение не только для организации руководства экономической борьбой, но и для самой социал-демократии.

Это недоверие к профессиональному движению рабочих характеризует большевистское направление в русской социал-демократии и в более поздние периоды, почти вплоть до настоящего времени. «Профессиональное движение может легко совлечь нашу партию с социалистического на общедемократический путь»,—читаем мы в программной статье в большевистском органе в ноябрьские дни 1905 г. [2]). Сторонники этого взгляда никогда не замечали, что, как и в Германии, на них падает раньше всего вина за «оппортунизм» профессиональных союзов, потому что они систематически низводили задачи профессиональных союзов до борьбы «за копейку на рубль», «в рамках капиталистического строя», вместо того, чтобы поднять их до борьбы за «полное освобождение пролетариата». Их нейтрализм был нейтрализмом самого худшего сорта. «Экономическая организация пролетариата должна быть строго ограничена от его политической организации»—читаем мы в цитированной только что статье. «Школы экономической солидарности нельзя отождествлять с военным лагерем на поле бесповоротной классовой борьбы, каким является социал-демократия по своему существу. Способствуя зарождению профессиональных союзов, мы должны ограничивать их деятельность чисто экономическими рамками». С точки зрения большевиков «для нашей партии союзы только сфера воздействия, а не составная часть». Взаимоотношения между партией и професс. союзами сводятся к тому, что «партия имеет в союзе свою негласную агентуру, но не официальное представительство. Такие взаимоотношения дают весьма много выгод нашей партии. Они избавляют ее от необходимости тратить энергию на чисто экономическую борьбу и дают приложение силам, которые иначе остаются мертвым капиталом. С другой стороны, они гарантируют партийную жизнь от вторжения оппортунистических элементов и способствуют ее дальнейшему росту, не вынуждая ее к изменению ее революционной тактики».

Напрасно было бы думать, что эти взгляды, резко противоречащие всем основам социал-демократии, об'яснялись только психологией «военного лагеря» ноябрьских дней. Больше чем через год,

---

[1]) В предисловии ко второму изданию книги, напечатанному в России, автор заявляет: „я выск зывался тогда за *нейтральность* профессиональных союзов. Только лондонский с'езд Р. С.-Д. Р. П. и Штутгартский междунар. социал. конгр. заставили меня притти к выводу, что нейтральность *принципиально* отстаивать нельзя" (*Вл. Ильин.* За 12 лет. Спб., 19 8 г. Стр. X). Автор совершенно прав, что полемизировать теперь с книгой, написанной в 1902 г., смешно, но, цитируя его книгу, указывать, какой вред был нанесен социал-демократии „*принципиальным* отстаиванием" нейтральности профессион. организаций тогда когда оне были всей предыдущей историей движения спаяны с соц.-демокр. организациями,—*необходимо.*

[2]) О профессиональном движении и задачах социал-демократии. „*Новая Жизнь*". Спб., 7 ноября 1905 г., № 7.

когда русские профессиональные союзы имели уже за собою историю почти двух лет, мы читаем опять в органе большевиков, что «задачи профессиональных союзов не выходят за рамки нынешнего, т.-е. капиталистического строя» и что «социал-демократическая партия— высшая форма классовой организации пролетариата. Она—*политическая* партия прежде всего, потому что только завоевание *политической власти* пролетариатом положит конец господству капитала» [1]).

Конечно, практики-большевики соответственно претворяли в жизнь взгляды своих идейных вождей. И если в то время, как теоретики большевизма «принципиально отстаивали нейтрализм союзов», практики его организовали (в Москве) партийные профес. союзы (см. гл. II), то это было только противоречие формального характера. Для практиков большевизма профессиональные союзы тоже играли только подчиненную роль, для них тоже «союзы— только сфера воздействия», и в целях только более удобного воздействия они организовали партийные профессиональные союзы. Вот что пишет один из таких практиков из Тифлиса во время избирательной кампании во 2-ю госуд. думу: «Все профессиональные союзы в Тифлисе находятся почти исключительно в руках большевиков. Професс. союзов в Тифлисе до 20. Все они *нелегальны*, поэтому эти союзы скорее политические учреждения, чем профессиональные» [2]).

Основная ошибка большевиков и их теории «использования профессиональных союзов» и заключается в том, что, уделяя экономической борьбе подчиненную роль в общей освободительной борьбе пролетариата, они на профессиональные организации смотрят только, как на средство более широкого политического воздействия социал-демократии на рабочие массы, оставляя задачи профессиональной борьбы на заднем плане [3]). Эта теория использования заставила большевиков под влиянием надвигающейся контр-революции изменить на 180° свое отношение к вопросу о взаимоотношении между професс. союзами и партией и из защитников партийной нейтральности союзов превратиться в ярых сторонников партийности союзов [4]).

---

[1]) Профес. союзы и социал-демокр. партия. „*Простые речи*“. Спб., 14 января 1907, № 1.

[2]) Очередная конференция социал-демократ. организаций прикамского союза вынесла резолюцию о профессиональных союзах, согласно которой „деятельность среди профессиональных союзов в данный момент (осень 1906 г.) *считается непроизводительной вследствие полицейских условий*“ („*Рабочий по Металлу*“. Спб., 1906, № 4).

[3]) В вышедшей в 1905 г. за границей брошюре: „О тактике социал-демократии“ Н Ленин, говоря по поводу резолюции меньшевистской конференции (Женева, май 1905 г.) об обязательном участии рабочих соц.-дем. в профессиональных союзах, возмущается тем, что „дают частный совет о „профессиональных“ союзах (кавычки автора!)“—„вместо лозунга использовать легальные союзы для создания опорных пунктов *партии*“. (*Вл. Ильин.* „За 12 лет“. Стр. 438).

[4]) Не странно ли звучит заявление одного из наиболее видных вождей большевизма, что только лондонский съезд Р. С. Д. Р. П. (на котором резолюция о профес. союзах была принята даже без дебатов) и штутгартский междун. конгр. заставили его притти к выводу, что „нейтральность проф. союзов *принципиально* отстаивать нельзя“? (*Вл. Ильин.* „За 12 лет“. Стр. X).

Лондонский с'езд Р. С.-Д. Р. П., формально «подтверждая резолюцию об'единительного с'езда (в Стокгольме) о работе в профессиональных союзах»,—а по существу в полном противоречии с нею—«напоминает партийным организациям и соц.-демократам, работающим в проф. союзах, об одной из *основных задач* социал-демократической работы в них—содействии признанию профессиональными союзами идейного руководства соц.-дем. партии, а также установлению организационной связи с ней, и о необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту задачу в жизнь».

Это резкое изменение взгляда на партийность союзов не было вызвано изменением взгляда на роль экономической борьбы, а соображениями партийно-организационного характера. Так, большевистский орган, говоря о Штутгартской резолюции, выдвигает на первый план рекомендованную конгрессом «тесную связь между партией и профессиональными союзами» и совершенно не оттеняет признанной конгрессом *равноценности* экономической и политической организаций рабочего класса. А большевистские практики пытаются провести прямолинейно директивы лондонского с'езда, и на областной партийной конференции московского промышленного района принимают резолюцию (август 1907 г.) об организации вместо закрытых легальных партийно-нейтральных союзов—нелегальных партийных, социал-демократических проф. союзов. В то же время в Петербурге с.-д. организация пытается,—но безуспешно,—послать своих официальных представителей в правление одного из наиболее крупных союзов.

Эти два наиболее ярких факта, можно сказать, послужили поводом к кризису в новом течении большевиков. Уже резолюция лондонского конгресса вызвала резко-отрицательное отношение к ней со стороны наиболее влиятельных профессиональных органов [1]). Тем более резкое отношение обнаружилось со стороны проф. союзов к резолюции московской конференции, пытавшейся вернуть профессиональное движение к условиям дореволюционного, подпольного существования. Эти проявления «общественного мнения» профессиональных союзов показали, что партия должна в своей тактике считаться с ним, и оказали несомненное влияние на позицию большевиков.

Резолюция московской конференции дезавуируется резолюцией «группы большевиков, работающих в партийных и профессиональных организациях разных местностей России», составленной уже в гораздо более осторожных выражениях. В статье большевистского руководящего органа (№ 17), посвященной этой резолюции, говорится, что «необходимо вести дело сближения проф, союзов с с.-д. партией с неослабевающей энергией, но вместе (с тем) и *с большим тактом, с величайшею осторожностью*» (н. курс.). «*Признание профессиональных*

---

[1]) См. „*Професс. Вестник*“, № 8; „*Жизнь Печатника*“, № 3; „*Портной*“ № 3—4 и др.

союзов партийными должно быть достигнуто работой пропаганды и организации с. д. внутри профессиональных союзов».

Гораздо дальше идет автор статьи «Революционный синдикализм и марксизм» в том же руководящем большевистском органе (№ 19). Совершенно правильно замечает он: «Ближайшая и важнейшая задача состоит не в том, чтобы «распропагандировать» профессионально организованных рабочих... Создание союзов, *социалистических по своему духу,* ведущих не узко-профессиональную, а классовую борьбу, мы должны поставить главной своей задачей и к этой задаче приспособить всю нашу работу и даже самые формы нашей организации... *Необходимо, чтобы социал-демократическая классовая программа и тактика были органически связаны в глазах рабочих с их повседневным опытом конкретной классовой борьбы.* А для этого нужно в первую голову обратить внимание на самое строение профессиональных союзов, на их специфические задачи; *именно здесь надо заложить основы классовой тактики, именно к этим конкретным, ближайшим, непосредственным вопросам дня надо прежде всего приучить массу применять социалистический критерий»* (н. к.).

Этот взгляд на путь наиболее целесообразного установления тесной связи между профессиональными союзами и социал-демократией, который мы вполне разделяем и который нам приходилось высказывать в печати еще до лондонского с'езда [1]), не только нарушает смысл резолюции лондонского с'езда, выставившего на первый план *формальное* признание идейного руководства и возвращает нас к резолюции стокгольмского с'езда, провозгласившего, что «в союзы должны вступать все члены партии, *принимая активное участие во всей деятельности союза* и постоянно укрепляя среди членов их классовую солидарность и классовое сознание, чтобы *органически в борьбе и агитации связать союзы с партией*»; этот взгляд не только сближает в вопросе о профессиональных союзах обе фракции с.-д. партии, но он и санкционирует практическую деятельность громадного большинства социал-демократов в русских профессиональных союзах [2]).

Трехлетний опыт применения названной тактики в русском профессиональном движении блестяще оправдал ее. Мы уже знаем, что вопрос о партийности и нейтральности профессиональных союзов возникает одновременно с их зарождением (см. гл. II и III). Преобладающее большинство профессиональных союзов (за исключением союзов еврейских и польских рабочих, о которых ниже) организовалось, как *пар-*

---

[1]) „Члены партии,—писали мы,—должны принимать участие во всей повседневной жизни союзов, заинтересоваться его непосредственными задачами и своею сознательностью, своею принципиальностью, своею дисциплинированностью они должны способствовать проведению союзами во всех мельчайших решениях классовой политики и поддержанию классовой солидарности». *В. Гриневич* Партия и профес союзы (изд. „*Отголоски*". Сборник. Апрель. Спб., 1907 г. Стр. 73).

[2]) В несомненном противоречии с названной статьей находится последнее постановление Ц Ком. партии об образовании соц.-дем. групп внутри профессиональных союзов. Создание подобных „государств в государстве" повлечет за собою целый ряд внутренних осложнений и нарушит то единство профессиональных организаций, на необходимость которого указал штутгартский конгресс.

тийно нейтральные союзы. При этом, однако, относясь отрицательно к *политической* нейтральности и подчеркивая свой *классовый* характер, они обосновывали свою партийную нейтральность не принципиальными, а практическими соображениями: существованием в России нескольких социалистических партий, расколом внутри с.-д. партии, специфическими условиями существования последней.

Позиция которую заняли в этом вопросе русские профессиональные союзы, вполне соответствует той точке зрения, которую развил К. Каутский в своем ответе бакинским с.-д. «Что касается нейтральности и беспартийности союзов,—писал он,—то могу сказать следующее: когда говорят, что социал-демократия для них не отличается от буржуазных партий, то с такого рода нейтральностью мы должны бороться. Профессиональные союзы постоянно должны видеть в соц.-демократии своего естественного друга, а в буржуазных партиях своих естественных врагов. *Совершенно другого рода бывает нейтральность в тех странах, где перед союзами стоят несколько социалистических рабочих партий. В таких случаях нейтральность союзов даже очень нужна, так как всякое раздробление пролетарских сил вредно и, если единство профессионального движения требует нейтральности по отношению к различным фракциям, нужно ее проводить*» [1]).

Интересы единства профессионального движения заставляли профессиональные союзы отстаивать их партийную нейтральность [2]), и это не только не мешало, но способствовало тому, что без всяких фракционных трений профессиональные союзы не только выдвигали в качестве своих руководителей в преобладающем большинстве рабочих социал-демократов [3]), не только строго проводили в руководстве экономической борьбой принципы классовой политики и тактики (см. след. главу), но и в своих политических выступлениях шли рука об руку с социал-демократией [4]).

При этом эти политические выступления отличались полною толерантностью по отношению к членам союзов, принадлежащих к дру-

---

1) „*Професс. Вестник*“, № 4—5. Стр. 7.

2) За партийную нейтральность высказались первая всеросс. конференция союза раб. печатного дела и первая конференция союзов раб. по металлу. Партийную нейтральность, в указанном выше смысле, отстаивают все профессиональные органы (за исключением примыкающих к Бунду и Польск. С. Д.).

3) Из 72 делегатов на первой всеросс. конференции союзов раб. печатного дела было: социал-демократов—48; сочувств. с.-д.—5; с.-р.—7; соч. с.-р.—1; сион.-соц.—4; евр. раб. партии—1; лев. бесп.—3; бесп.—3. На первой конференции с. р. по металлу из 29 делегатов было: соц.-дем.—26; професс.—1; внепарт.—1; е. с.-р. п.—1.

4) Свою солидарность с международным социалистическим движением профессиональные союзы подтверждают энергичным участием в праздновании международного пролетарского праздника 1 мая. По поводу празднования первого мая конференция союзов раб. по металлу вынесла следующую резолюцию: „Присоединяясь к решениям международных социалистических конгрессов, конференция находит, что день пролетарского праздника 1 мая должен быть ознаменован полным и безусловным прекращением работ со стороны всех рабочих“. Конференции печатников и текстильных рабочих высказались также за празднование этого дня, прибавив, что „вопрос о форме празднования этого дня решается на местах по соглашению с руководящими коллективами социалистических партий“.

гим политическим партиям или беспартийным. Союзы в своих политических выступлениях не подчиняли членов дисциплине, а действовали своим моральным авторитетом [1]). И несмотря на это, несмотря на часто крайнюю осторожность в формулировке призывов со стороны союзов, следовавшие затем выступления (участие в выборах в гос. думу и т. п.) не страдали ни в своем единодушии, ни в своей интенсивности.

Петербургское Ц. Б. ограничивается, например, как и многие другие Ц. Б. и отдельные союзы, в своем избирательном воззвании—после изложения основных политических требований профессиональных союзов—призывом: «Мы должны, поэтому, вести самую энергичную агитацию против всех партий, которые явно или тайно поддерживают бюрократию. Всеми силами мы должны содействовать той *партии, которая одна только может и будет до конца отстаивать интересы рабочего класса!*» [2]). Московское Ц. Б. рекомендовало «всем профессиональным союзам, не ослабляя своей экономической борьбы, принять самое горячее участие в избирательной кампании, и для этого предлагает немедленно же повести на всех собраниях союзов агитацию за запись в избирательные списки и оказывать представителям *социалистических* партий всякое содействие в выяснении ими своих программ» [3]). Крымская областная конференция постановила, что «члены профессиональных союзов могут выставлять и поддерживать при выборах только кандидатов *социалистических партий*» [4]). Многие организации высказываются открыто за выставление и поддержку только *с.-д. кандидатов*; так, например, одесское Ц. Б., с'езд профессиональных союзов Донецкого бассейна (дек. 1906 г.), союзы табачников, по обр. дерева, сапожников, раб. по металлу, низших городских служащих и многих других в Москве, печатные органы: «*Листок Портных*», «*Голос Печатника*» в Петербурге, «*Рабочий Союз*», «*Техник*» в Москве и другие.

Кой-где в союзах конторщиков, приказчиков, рабочих печатного дела подымался вопрос о выставлении профессиональными союзами самостоятельных кандидатов в гос. думу с особой профессиональной платформой, однако, эта мысль не имела успеха. Ее защитникам вполне справедливо указывалось, что в гос. думе рабочие представители должны быть представителями не от отдельных профессий, а от *рабочего класса*, потому что им предстоит отстаивать не профессиональные, а *классовые задачи* [5]).

Партийные профессиональные союзы существуют, как мы уже упоминали, только среди еврейских рабочих, примыкающих к Бунду, и среди польских рабочих, примыкающих к польской соц.-дем. партии.

---

[1]) См напр., „Очередная задача нашего проф. движения“ („*Рабочий Союз*“, М. 1906, № 5).

[2]) Цитир. по журн. „*Труд Инженера и Техника*“. Спб., 1906, № 24, стр. 876.

[3]) „*Наше Дело*“. М. 1906 г., № 7, стр. 13.

[4]) „*Професс. Вестник*“, № 3, стр. 10.

[5]) См, напр., отдел „Наша трибуна“ в „*Голосе Печатника*“. Спб., 1906, № 13 и след.

В гл. II мы указывали на причины происхождения их партийного характера. Но если при возникновении союзов их партийность являлась результатом сложившихся раньше отношений, то, с развитием профессиональных организаций других партий и беспартийных, их партийность превратилась в тормоз для развития профессионального движения на местах. Практика этих партийных союзов может служить лучшим доказательством правильности позиции, занятой профессиональными союзами русских рабочих.

Мы имеем целый ряд свидетельств, исходящих от сторонников партийности союзов, какой губительный раскол вносит эта партийность в местное профессиональное движение. Делегат бундовского текстильного союза в Лодзи в своем докладе на первой конференции рабочих по обработке волокн. веществ московского промышл. района, сообщая о июльской (1906 г.) стачке в Лодзи, говорит: «союзы не-приняли активного участия в забастовке, потому что на предложение бундовского союза другим,—образовать общую стачечную комиссию,—союз п. п. с. (польск. парт. соц.) не согласился. Каждый союз действовал отдельно, единогласия не было» [1]). Дальше он говорит о взаимной конкуренции союзов: «Иногда союзу приходилось отказываться от проведения забастовок, так как рабочие пред'являли несоответствующие или несвоевременные требования. В таких случаях рабочие обращались к другим союзам, так как провести стачку без фирмы союза для них было трудно. *К сожалению, из-за погони за членами другие союзы брались за проведение таких забастовок*» [2]). В органе, стоявшем очень близко к Бунду, мы находим корреспонденцию из Лодзи о борьбе между двумя партийными союзами (бунд. и п. с.-д.) пекарей; мы не беремся воспроизводить тех тяжелых обвинений, которые корреспондент возводит на п. с.-д. союз, приведем только резюме: «в Польше, при существовании разных партий, профессиональное движение разбито. Каждая партия имеет свои профессиональные союзы, между которыми происходит борьба» [3]). Корреспондент «*Проф. Вестника*» сообщает из Лодзи же, как вредно отразилась взаимная борьба между партийными союзами на деятельности союзов в «смешанной комиссии» [4]).

Партийные раздоры, переносимые в профессиональное движение, дезорганизуют его не только в Польше. В Витебске, как сообщает докладчик от союза кузнецов и слесарей на первой конференции с.-р. по металлу: «партийные раздоры создают несколько параллельных союзов в одной и той же профессии и не дают возможности организовать Ц. Бюро» [5]). Бакинский делегат на той же конференции говорит в своем докладе о том, что укреплению и развитию союза «в значительной мере препятствуют фракционные раздоры, которые привели к возникновению двух конкурирующих между собою союзов

---

[1]) *Первая областная конференция и т. д.* Стр. 53.
[2]) Там же, стр. 55.
[3]) „*Наша Трибуна*". В. № 12, стр. 28—29.
[4]) „*Професс. Вестник*", Спб. 1907, № 16, стр. 14.
[5]) *Первая конференция и т. д.* Стр. 34.

рабочих по металлу» [1]). В Екатеринославе союзу портных пришлось в течение *шести* месяцев пережить глубокую внутреннюю борьбу из-за претензии отдельных социалистических партий иметь своих представителей в правлении союза [2]), и т. д. и т. д.

Раскол, который вносит в профессиональное движение взаимная конкуренция партийных проф. союзов, и рост, в виде реакции против него, *политически-нейтральных* и даже подчиненных буржуазным партиям (нар.-дем.) союзов, влияет на то, что, с одной стороны, зависимость партийных профессиональных союзов от соответственных партийных организаций все более ослабевает, и, с другой стороны, число сторонников партийно-нейтральных, классовых профессиональных союзов растет как раз среди еврейских и польских рабочих.

Партийность бундовских професс. союзов выражалась раньше в том, что они признавали во всей своей деятельности постоянное руководство и контроль местного комитета Бунда [3]). В члены союза принимались «лица.., признающие элементарные принципы классовой борьбы и согласные подчиниться в ведении этой борьбы руководству местного комитета Бунда». В бюро (правление) союза входил официальный представитель Бунда, без присутствия которого заседания бюро считались недействительными. Комитет Бунда имел право наложить свое veto на решения бюро, когда они «оказались бы в противоречии с принципами и тактикой классовой борьбы». Кроме того, союз должен был отчислять из своих доходов 20% в пользу комитета Бунда. Союзная практика освободила, однако, постепенно союзы от такого полного подчинения партийной организации. Уничтожено право veto, исчезло обязательное отчисление в пользу партии, осталось только принципиальное признание руководства Бунда и представительство Бунда в правлении союзов [4]). Кроме того, как мы указывали в гл. IV, бундовские союзы постепенно признали необходимость легализации организаций.

Тот же процесс наблюдается и в польских с.-д. професс. союзах. Полное подчинение союзов партийной организации,—обязательное признание руководства партии, обязательное представительство партии в правлении союзов, отчисление в пользу партии,—заменяется признанием принципов классовой борьбы и празднования 1-го мая, допущением с совещательным голосом представителя партии в правление союза. Сильное стремление к легализации замечается и среди польских с.-д. союзов. Автор цитированной нами уже выше статьи [5]), бывший сторонник партийности союзов, так заканчивает свои наблюдения над деятельностью профессиональных союзов в Польше: «путь, по которому в ближайшем будущем должно итти профессиональное

---

[1]) Первая конференция и т. д. стр. 26.

[2]) „*Портной*". Спб., 1907, № 3—4, корр. из Екатеринослава. Стр. 8.

[3]) См. типичный для бундовских союзов устав Виленского проф. союза еврейских рабочих печатно-переплетного дела. («*Вестник Печатников*». Спб., 1906, № 3).

[4]) *Протоколы первой всеросс. конфер. с.-р. печатн. дела.* Стр. 25.

[5]) *К. Залевский.* Из проф. дв. в русской Польше. („*Пр. Вестн.*", № 17—18).

движение в Польше, указывается самою жизнью, это путь, ведущий к беспартийности, при одновременном признании принципа классовой борьбы, к легализации, к организации самых широких рабочих масс и единству профессионального движения».

С точки зрения интересов профессионального движения в России в целом можно только приветствовать этот поворот професс. союзов польских и еврейских рабочих, потому что, благодаря этому, устраняются не только препятствия для единства профессионального движения на местах, но и очень серьезные препятствия для об'единения союзов отдельных профессий в областные и всероссийские союзы.

ГЛАВА VIII.

Об'единение профессиональных союзов.

I.

Современная стадия развития капитализма характеризуется усиленной концентрацией производства, созданием новых колоссальных капиталистических предприятий с тысячами и десятками тысяч рабочих, подчинением ремесленной и кустарной промышленности власти крупного капитала, об'единением отдельных предприятий в акционерные компании, акционерных компаний в национальные тресты и синдикаты, и, на ряду с этим, национальным об'единением предпринимателей в специальные союзы для борьбы с рабочими организациями [1]). Эта тенденция капитализма диктует рабочим с железною необходимостью создание, в свою очередь, национальных, строго централизованных профессиональных организаций, с централизованными стачечными фондами, с общей дисциплиной.

Мы видели в гл. VI, что русские капиталисты и предприниматели прекрасно усвоили опыт западно-европейского капитализма. Создавая, с одной стороны, синдикаты и тресты для монополизирования производства, с другой стороны,—союзы предпринимателей для борьбы с рабочими организациями, они в то же время применяют в борьбе с последними самые усовершенствованные приемы: локауты, черные списки, взаимное страхование от убытков во время стачек, специальные организации штрейкбрехеров и т. д. Вот почему об'единение профессиональных рабочих организаций в областные и всероссийские централизованные союзы является для русских профессиональных союзов, чуть ли не с момента их возникновения, *вопросом их существования.*

При разрозненности профессиональных рабочих организаций и одновременном об'единении организаций предпринимателей, никакая экономическая борьба для первых не была бы возможна. Организованная взаимная передача заказов, систематическое перемещение безработных и доставление штрейкбрехеров подрывали бы всякую стачку в самом ее начале.

Закон 4 марта о профессиональных обществах, не считавшийся совершенно с реальными условиями профессиональной борьбы между

---

[1]) Одновременно происходит процесс международного об'единения организаций капиталистов, напр., последняя конференция (в декабре 1907) союзов хлопчато бумажных фабрикантов всех европейских стран (за искл. России) в Манчестере.

рабочими и предпринимателями, а имевший в виду только охранение «государственного порядка и спокойствия», запретил профессиональным обществам об'единяться в союзы (§ 6). Хотя это запрещение относится одинаково как к обществам рабочих, так и к обществам предпринимателей, тем не менее, на практике оно упало всею своею тяжестью на рабочих. Больше, чем к кому бы то ни было, применим к рабочим ходкий эпитет «граждан второго разряда», в особенности в сфере законов, затрагивающих их отношения с предпринимателями. В то время как всякие попытки рабочих организаций совместно (на с'ездах, конференциях) обсудить свои нужды строго преследуются государственною властью, и малейшие формальные нарушения закона 4 марта ведут к закрытию организаций, в это время не только происходят открыто с'езды предпринимателей, но на них присутствуют и они приветствуются открыто официальными представителями той же государственной власти; одновременно профессиональные общества предпринимателей открыто об'единяются в союзы.

Но, конечно, как ни тяжело отзывались на ходе об'единительной работы профессиональных рабочих организаций запрещение закона и административные репрессии, они не могли остановить этого процесса; так же, как они не могли извратить истинную сущность профессионального движения. Жизнь оказалась и в этом случае сильнее бумажных законов.

Процесс об'единения профессиональных рабочих организаций совершается по двум направлениям: во-первых, *профессиональные союзы рабочих одного и того же производства об'единяются в областные и всероссийские союзы*; во-вторых, *профессиональные союзы рабочих различных профессий и производств об'единяются в местные, областные и всероссийскую междусоюзные организации.*

Остановимся раньше на первом из них. Мы уже знаем (гл. III), что связь между союзами отдельных городов одного и того же производства устанавливается с момента их возникновения. Поездка, летом 1905 года, представителя петербургского союза печатников установила связь между союзами печатников Петербурга, Москвы, Харькова. Эта связь была скреплена затем октябрьскими событиями. В ноябре 1905 г. московский союз печатников посылает своих делегатов в провинцию в связи с проведением свободы печати и для созыва конференции союза печатников. В дальнейшем работа по об'единению союзов одного и того же производства совершалась, с одной стороны, путем непосредственной организационной подготовки: переписки, рассылки делегатов, агитации в печати и т. п.; и, с другой стороны, если можно так выразиться, органическим путем: совместным выполнением, еще до формального об'единения, некоторых союзных функций, взаимной поддержкой в экономической борьбе, взаимным обменом целого ряда необходимых для союзной деятельности сведений и т. д. [1]).

---

1) Центр. Совет всероссийского союза раб. печ. дела в предисловии к протоколам первой конференции пиш т. что „Орган. Бюро приходилось уже выполнять не только свою задачу по подготовке всероссийской конфере ции, но и некоторые обязанности всероссийского центра". (*Протоколы и. т. д.* стр. 4).

Первым формальным моментом об'единения союзов является обыкновенно созываемая ими конференция представителей: областная или всероссийская. Инициатива созыва конференций исходит от какого-либо отдельного союза, (у портных из Вильны, у металлистов из Саратова); подготовительная же работа производится или специальным учреждением: Орган. Бюро (комиссией), как, напр., у печатников, где Орган. Бюро было составлено по выбору правлений петербургского и московского союза рабоч. печатн. дела [1]), или отдельным союзом какого-либо города, как, наприм., у приказчиков, где 2-ой с'езд общ. взаим. лиц частного служебного труда поручил моск. общ. взаим. коммерческих служащих созвать следующий с'езд, или союзом того города, где должна происходить конференция, как у рабочих по металлу, портных и т. д. При областных конференциях крупная роль по их организации выпадает на долю Центр. Бюро тех городов, которые являются центрами промышленных районов. Особенно крупную роль сыграло в этом отношении московское Центр. Бюро по организации московского промышленного района; Симферопольское Центр. Бюро способствовало об'единению проф. союзов Крыма, одесское—союзов юго-западной России, Н.-Новгород и Саратов—союзов Поволжья, Екатеринослав—южно-промышленного района.

Мы не только не беремся здесь рассмотреть подробно работы всех многочисленных конференций проф. союзов отдельных производств, но даже и их всех перечислить. Наиболее важнейшие конференции следующие: всероссийская конференция союзов рабочих печатного дела в Гельсингфорсе (апрель, 1907), первая конференция союзов рабочих по металлу московского промышленного района с участием представителей бакинского, петербургского, витебского и луганского союзов в Москве (февраль, 1907 г.) [2]), первая областная конференция проф. союзов рабочих по обраб. волокн. веществ в Москве (февраль, 1907 г.) [3]), третий с'езд общ-в взаимопомощи лиц частн. служ. труда в Москве (июнь, 1906 г.), первая конференция профессиональных союзов портновского цеха в Москве (август, 1906 г.), первая конференция рабочих архитектурно-строительного дела в Москве (февраль, 1907 г.), первая конференция рабочих чайных развесок в Москве, конференция техников в Петербурге (апрель, 1907 г.); учредительный с'езд профессион. союзов рабочих кожевенников Северо-зап. края; поволжская конференция професс. союзов печатников; областные конференции торговых служащих и портных моск. района; конференция беспартийных союзов приказчиков Литвы; конференция беспартийных союзов ткачей (P. P. S.) Царства Польского; конференция рабочих по изготовлению одежды Поволжья и Урала; с'езд союзов рабочих сахарного производства Царства Польского; конференция торговых служащих в Екатеринославе; конференция союза приказчиков Крыма и т. д. и т. д.

Наилучше подготовленной и наиболее полно представленной была *первая всероссийская конференция печатников*. На ней присутствовали

---

[1]) Устав Орган. Бюро см. «*Голос Печатника*». Спб. 1906. № 11.
[2]) Вторая конференция происходила в Москве, в сентябре 1907 г.
[3]) Вторая конференция происходила в Москве, в июле 1907 г.

72 делегата от 57 союзов из 43 городов, представлявших собою 29,197 членов союза (из них 20,162 платящих аккуратно членские взносы); на конференции *союзов рабочих по металлу* присутствовали 29 делегатов от 18 союзов, представлявших 27,431 членов союза [1]); на конференции *текстильных рабочих* присутствовали 16 делегатов с решающим голосом (13 с совещательным) от 13 союзов, представлявших около 10,000 рабочих; *на конференции портных* присутствовали 9 делегатов от шести городов, представляющих около 4,000 организованных рабочих; на *с'езде кожевенников* (Сев.-Зап. края) присутствовали 26 делегатов от 17 союзов, представлявших около $4^1/_2$ тысяч организованных рабочих; на *3-м с'езде обществ взаим. лиц частн. служ. труда* присутствовали 111 делегатов от 41 общества взаим. и проф. союзов; на конференции беспартийных *союза ткачей Ц. Польского* присутствовали с решающим голосом 17 представителей из 9 городов, насчитывавших (по отчетам) до 25,000 рабочих; на с'езде *союзов рабочих сахарного производства Ц. Польского* присутствовали 76 делегатов из 35 пунктов, представлявших 3,080 организованных рабочих.

Не останавливаясь на цифровых данных о более мелких конференциях, можно из вышеприведенного видеть, насколько конференция и с'езды профессиональных союзов широко охватывали рабочие массы.

II.

Предметы занятий конференций профессиональных союзов можно разбить на две главные группы: *вопросы экономической борьбы* (экономическая политика и тактика союзов) и *вопросы организационного строительства* (внутренняя организация, организация союзного об'единения и самоопределение союзов). Помимо этих двух основных групп вопросов, обсуждавшихся на конференциях, необходимо отметить вопросы об отношении к кооперативному движению, к артелям; вопрос о госуд. думе, об отношении к правительственным законопроектам по рабочему вопросу, о 1 мае и т. п.

Целый ряд вопросов, в той или иной мере обсуждавшихся на конференциях, рассмотрен нами в соответственных предыдущих главах, как, напр., о строении местных союзов, о взаимоотношении между секциями, о делегатских собраниях, о стачечной тактике, о формах экономической борьбы с предпринимателями и формах соглашения с ними, о партийности и нейтральности союзов и т. д. Во избежание повторений мы здесь не будем касаться этих вопросов и остановимся вкратце только на *экономической политике* союзов, поскольку она выяснилась на профессиональных конференциях и на

---

[1]) Из 72 делегатов на конференции печатников было: наборщиков—39, печатников типогр.—5, литографов—7, переплетчиков—11, корректоров—1, приказчиков—1, интеллигентов—8; из 29 делегатов по конференции раб. по металлу было: слесарей—7, токарей—2, литейщиков—2, стерженщиков, молотобойцев, электромонтеров, граверов по металлу, паяльщиков, котельщиков, модельщиков, чернорабочих—по одному, интеллигентов—10.

организации об'единения профессиональных союзов. При рассмотрении того и другого вопроса мы будем пользоваться преимущественно работами конференций печатников, рабочих по металлу и текстильных рабочих, так как отчеты об этих конференциях опубликованы в виде более или менее подробных протоколов заседаний.

В главе (VI) об экономической борьбе мы уже говорили, что успехи борьбы профессиональных союзов за последние два года выражались преимущественно в сокращении рабочего дня, и что достигнутое повышение заработной платы далеко не соответствовало сокращению рабочего дня; что, кроме того, сильное повышение цен на предметы первой необходимости и значительное повышение потребностей рабочей массы, в связи с под'емом ее сознательности, благодаря революционным событиям последних лет, еще более обострили вопрос о повышении заработной платы.

Естественно поэтому, что вопрос о борьбе за повышение заработной платы, на ряду с вопросом о борьбе с локаутами, занимает центральное место на конференциях при рассмотрении вопросов экономической политики.

Обсуждение первого из них выдвинуло в первую очередь вопрос о формах заработной платы и о борьбе с теми из них, которые способствуют скрытию степени эксплоатации труда и содействуют взаимной конкуренции рабочих одной и той же профессии. Вопрос о *замене сдельной платы повременной* вызвал горячие дебаты, как на конференции текстильных рабочих, так и на конференции печатников. При этом необходимо отметить, что разногласие вызвало не принципиальное отношение к этим двум формам заработной платы; напротив того, знаменательно, что в среде делегатов конференций не нашлось сторонников сдельной платы, или, по крайней мере, никто не решился ее защищать. Разногласие вызвало обсуждение возможности более или менее интенсивной борьбы за отмену сдельной платы [1]). Дело в том, что в данном случае приходится преодолеть сопротивление самой рабочей массы, или скорее ее несознательных элементов, которые прельщаются внешними выгодами сдельной платы, не понимая еще ее скрытого вреда.

Между прочим, на конференции печатников обнаружилось, что горячими сторонниками активной борьбы за уничтожение сдельной платы явились делегаты провинциальных союзов, в то время, как делегаты столичных союзов (Петербург и Москва) указывали на невозможность добиться сейчас проведения в жизнь этого требования. Более того, из речей провинциальных делегатов выяснилось, что в целом ряде городов это требование уже осуществлено, и сдельная

---

1) Интересно отметить, что первый конгресс германских професс. союзов в Гальберштадте в 1892 г. *единогласно* высказался за отмену сдельной платы (*В. Кулеман.* Професс. движение. Спб., стр. 237). В Англии, по данным Веббов, в 1894 г. за сдельную плату высказались 49 тред-унионов, с 573.000 членов, за повременную плату 38 тред-унионов, с 290.000 членов, и допускали ту и другую форму оплаты труда 24 тред-униона, с 140 000 членов (*С. и Б. Вебб.* Теория и практика английского тред-унионизма. I т. Стр. 228—231).

плата заменена месячной. Менее всего, конечно, удачно об'яснение этого разногласия «мещанскою политикою» столичных союзов, как это пытался сделать один из делегатов (Симферопольский, стр. 90). Помимо того, что, как указывалось на конференции,—в провинции, где в каждом городе имеется только сотня, другая рабочих печатного дела, гораздо легче повести успешную агитацию и выяснить вред сдельной платы, чем в столицах, где находятся целые армии в 15—20 тысяч печатников, где—прибавим мы—постоянный наплыв безработных печатников из провинции, и не всегда лучших и более сознательных элементов,—помимо этого, причины обнаружившегося разногласия лежат в различиях производственных условий. В провинции преобладают мелкие предприятия, в столицах — крупные. В первых надзор за рабочими гораздо более строгий и притом совершается, по большей части, самим хозяином предприятия; в больших же предприятиях наблюдение за непрерывностью работы,—особенно при отсутствии машинного производства, как, напр., у наборщиков,—гораздо более затруднительно, и у предпринимателя больше оснований опасаться за уменьшение интенсивности труда, а потому и больше стимулов сопротивляться введению повременной платы. Мы уже не говорим здесь о гораздо большей трудности для столичных союзов бороться за это требование под угрозой локаута.

Тем не менее, конференция поступила вполне целесообразно, высказавшись за необходимость замены сдельной платы повременной и рекомендуя приступить к проведению этого принципа в жизнь.

Всякая профессиональная организация в профессиональной борьбе должна выставлять *максимально-исполнимые требования, а не минимальные.*

Конференция текстильных рабочих, хотя все высказавшиеся делегаты выступали против сдельной платы, должна была принять во внимание реальное соотношение сил и потому, обойдя общий вопрос, приняла резолюцию только по поводу частного случая—сокращения сдельной платы по вине предпринимателя или предприятия [1]).

Конференция союзов портновского цеха высказалась решительно против сдельной (поштучной) платы, указывая, что она «пагубно отражается, как на самих рабочих, так и на производстве, как-то: удлиняет рабочий день, понижает заработную плату, сокращает до минимума сезон и увеличивает штат безработных»; конференция предложила «всем местным союзам вести широкую агитацию за уничтожение штучной оплаты работы и за замену ее повременной».

Конференция архитектурно-строительных рабочих также постановила, что «штучная оплата труда, практикуемая в некоторых цехах, должна быть организациями отвергнута».

В связи с выяснением критерия для выставляемых требований об увеличении заработной платы был выдвинут вопрос об устано-

---

[1]) В Англии ассоциация бумаго-ткачей северных графств (83.600 р.) и соединенная ассоциация бумаго-прядильщиков принадлежали (1891 г.) к группе тред-унионов, настаивавших на сдельной плате. Типографская ассоциация (31.000 р.) допускала ту и другую форму оплаты труда (см. примеч. выше).

влении *минимума заработной платы.* На текстильной конференции обсуждение его заняло очень немного времени. Было указано только на затруднительность установления однообразного минимума заработной платы при слишком большом различии условий жизни и потребностей рабочих в разных местностях и при изменяющихся все повышающихся ценах на продукты первой необходимости. Установление такого минимума возможно только на местах, в каком смысле и было принято конференцией решение.

Гораздо более сложно и интересно был поставлен этот вопрос на конференции печатников. Он обсуждался здесь в связи с общим вопросом о тарифе и о тактике борьбы за него. Создавая единую всероссийскую организацию, конференция печатников должна была поставить вопрос о планомерности стачечной борьбы не только на местах, но и по всей России. Доклад Орг. Бюро констатировал сильные различия в условиях труда и, в особенности, заработной платы печатников в различных местностях России. Естественно поэтому, что перед конференцией стал вопрос, должны ли быть направлены силы единой организации в первую очередь на уравнение реальной заработной платы по всем местам России, или же одновременно должна идти борьба за общее увеличение заработной платы. При этом были выставлены два критерия для определения высоты заработной платы: во-первых, *минимум потребностей,* во-вторых, *сила организации.* Одни клали в основу первый и вводили второй, как коректив. Другие указывали, что этот принцип верен для стран западной Европе, где идет нормальный процесс развития экономической и политической жизни, но не в России, где, благодаря тяжелым политическим условиям, развитие потребностей у рабочего искусственно задерживалось. Только в последние два года, в результате широкой экономической и политической борьбы, они стали развиваться и растут очень быстро. Если сумма потребностей рабочего в западной Европе представляет величину прогрессирующую, но все-таки более или менее устойчивую, то в России эта величина беспрерывно колеблется в зависимости от того, кто в данный момент побеждает, труд или капитал. Поэтому, у нас в борьбе за тариф более крупная роль выпадает на долю второго фактора—на силу организации. Он определяет первый, так как от силы организации, от успеха экономической борьбы, будет зависеть и сумма потребностей рабочего. Если положить в основу тарифа сумму потребностей настоящего момента, то через некоторое и очень короткое время при развитии организации, а стало быть под'ема культурного и духовного развития рабочих,—заработной платы не хватит.

Предвидя момент заключения тарифного договора со всероссийской организацией владельцев печатных заведений, и считая, что на высоту ставок этого договора будут влиять не низшие ставки существующей заработной платы, а самые высшие, установившиеся в отдельных городах, развивавший вышеприведенные положения делегат (Яковлев, Москва) указывал, что необходимой тактикой об'единенной организации должно быть: «подымать цены, как можно

выше там, где это удастся, и не смущаться, если в некоторых местах она остается немного пониженной» (стр. 104). Конференция, признав эти положения, выдвинула, однако, в первую очередь необходимость «прежде всего направить усилия организаций на проведение по всем областям максимума заработной платы, установленной соответственным областным центром. Вместе с тем, не останавливаясь на этой минимальной ступени, местные организации должны стремиться достичь оплаты возможно более высокой при данных условиях производства» (стр. 106).

Вопрос *о продолжительности рабочего дня* не возбуждал разногласий. Как конференция печатников, текстильных рабочих, архитектурно-строительных рабочих, так и 3-й с'езд обществ взаимопомощи лиц частн. служебн. труда высказались за установление *восьмичасового рабочего дня*. На последнем с'езде вызвало горячие дебаты требование *законодательного* установления на ряду с 8-часовым рабочим днем для приказчиков *шестичасового* рабочего дня для конторщиков. Противники его совершенно справедливо указывали, что нельзя выделять конторщиков в привилегированное положение, и заставлять весь пролетариат бороться за него. В заключение была принята компромиссная резолюция: «во всех отраслях частно-служебного труда, особо вредных для здоровья, рабочий день вводится более короткий (чем 8 час.), устанавливаемый для каждой отрасли особыми законами; в частности для конторского труда устанавливается максимальный 6-часовой рабочий день»[1]).

По вопросу о *сверхурочных работах* на конференции печатников вызвало разногласие не его принципиальное обсуждение, а, как и в вопросе о повременной плате, возможность немедленного осуществления требования об уничтожении сверхурочных работ. Однако, и в этом случае победа оказалась на стороне провинции. Конференция выставила требование полной отмены сверхурочных работ, допустив их только в виде редкого исключения, «с разрешения правления местного союза, при чем в общей сложности они не должны превышать 2 час. в неделю». Конференция архитерктуно-строительных рабочих установила, что «сверхурочные работы допускаются с разрешения местного союза лишь в том случае, когда нет безработных и за двойную плату». А третий с'езд общ. взаим. приказчиков высказался за «полное воспрещение всяких сверхурочных работ».

Мы оставляем в стороне все остальные вопросы, обсуждавшиеся на конференциях в связи с основными требованиями улучшения условий труда, как праздничный отдых, условия найма, работы на дому, отмена премий (скрытых штрафов), отмена штрафов и обысков и т. д. Остановимся еще только на вопросе о *технических усовершенствованиях производства* (введение новых машин) и на вопросе *об ограничении доступа в промысел* (ученичество, женский труд).

---

[1]) См. *Протоколы 3-го с'езда и т. д.* Стр. 105—120; *К. Д—в.* Итоги с'езда приказчичьих обществ. „*Голос Труда*", Спб., 1906, №15.

В капиталистическом производстве всякое более или менее серьезное улучшение общих условий труда (сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы и т. д.) вызывает у капиталистов стремление к техническому усовершенствованию производста и влечет за собою введение новых, более совершенных машин, замену работы людей работою машин, перемещение рабочих и увеличение числа безработных в данной отрасли производства. Подобный процесс наблюдается теперь и в России в тех производствах, в которых рабочим удалось значительно улучшить условия труда, как, напр., типографское, текстильное и др.

Известно, что борьба с машинами, особенно, борьба физическая, в форме разрушения и сжигания их, характеризует первые шаги стихийного рабочего движения почти всех стран. Рабочая масса наивно усматривала в безмолвных машинах виновника всех своих бед. Даже в более поздний период этот предрассудок свойственен еще рабочему движению. Так, многие английские тред-унионы долгие годы (в 1-й половине XIX ст.) вели еще борьбу, конечно, в другой форме, против введения новых машин или старались, по крайней мере, сократить его [1]).

Только современное рабочее движение, положившее в основу своей теории научный анализ всей системы капиталистического производства, установило, что всякая борьба с техническим усовершенствованием производства является, по существу своему, реакционной мерой, а современная практика западно-европейского профессионального движения наметила единственный выход из создаваемого введением новых машин положения—дальнейшую борьбу за сокращение рабочего дня и высшую оплату труда [2]).

Конференции печатников и текстильных рабочих остались и при обсуждении этого вопроса верными принципам современного рабочего движения. Конференция печатников признала «недопустимым бороться против введения наборных машин. Единственными средствами для ограждения интересов рабочих при введении этих машин конференция считает уменьшение рабочего дня, увеличение заработной платы, улучшение санитарно-гигиенических и проч. условий труда на машинах». Конференция установила одно только ограничение в виде «предельного возраста для работы на машинах» [3]).

Конференция текстильных рабочих признала необходимым считаться «с введением технических усовершенствований, как с неизбежною необходимостею в фабрично-заводском производстве» и на-ряду с требованиями в этом случае сокращения рабочего дня, повышения заработной платы выставила два требования: 1) „чтобы лишающиеся работы, вследствие введения машин, рабочие были распределены в

---

[1]) См. *С. и Б. Вебб.* Теория и практика английск. труд-унионов. I т. Стр. 346.
[2]) Там же, I т. Стр. 328—346.
[3]) Нужно сказать, что проведение в жизнь этой резолюции встретило сильные затруднения. См., напр, полемику по вопросу о наборных машинах в „*Жизни Печатника*". Спб., 1907 г., №№ 3, 5, 8 и др., корреспонденцию из Самары („*Ж. П.*", № 12).

других отделениях фабрики и 2) что профессиональный союз должен быть извещен фабрикантами не менее, как за 2 месяца до введения новых машин».

В духе современного рабочего движения были решены конференциями также и вопросы *об учениках* и *о женском труде*. Правда, на конференции печатников докладчик по вопросу о тарифе и некоторые делегаты отстаивали необходимость органичения доступа учеников в производство (в виде процентного отношения к числу взрослых рабочих: 1 на 5 и т. д.). Но большинство конференции (40 против 6, при 9 воздержавшихся) отвергло эту цеховую точку зрения, и, став на классовую точку зрения, конференция признала, что «основным принципом требований по отношению к ученичеству должно служить требование полного уничтожения ученичества и замена его профессиональным образованием». Признавая, далее, что «всякие ограничения доступа в промысел при современном уровне техники недействительны и противоречат интересам рабочего класса в целом», конференция отвергла «всякие меры, направленные к ограничению ученичества». Единственно действительным средством борьбы с эксплоатацией учеников конференция считает средства, направленные к улучшению их положения».

Классовая точка зрения проведена была и в резолюции о женском труде. «Признавая, что во всех отраслях печатного дела женский труд может существовать наравне с мужским, конференция (печатников) считает обязательным ни в коем случае не допускать для женщин низшей заработной платы, не вызываемой различием в производительности труда». В том же духе высказались о женском труде с'езд приказчичьих обществ и конференция текстильных рабочих.

Приказчики выставили требование: «уравнение оплаты женского труда с мужским; освобождение женщин от работы за 4 недели до и 6 недель после родов с сохранением содержания. Устранение женского труда в тех отраслях производства, где это вредно для женщин». Установление того, какие отрасли производства вредны для здоровья женщин, текстильная конференция признает необходимым передать на разрешение профессиональных рабочих организаций. Помимо требования освобождения женщин от работы в до-и послеродовой период текстильная конференция выставляет требование «устройства при всех предприятиях, где работают женщины, яслей для грудных и малолетних детей и освобождения женщин, кормящих ребенка, от работы не реже, чем через 3 часа, на время не менее, чем на $^1/_2$ часа».

Мы видим таким образом, что экономическая политика профессиональных союзов, поскольку она нашла себе выражение в дебатах и решениях профессиональных конференций, *опирается на научное понимание основ современного капиталистического производства и имеет вполне классовый характер*, потому что в сфере непосредственной экономичепкой борьбы *классовая политика* обозначает: устранение всех тех экономических требований, которые, обещая выгоды отдель-

ным группам или слоям рабочих, наносят вред другим группам или слоям рабочих или которые способны задержать или повредить борьбе рабочего класса в целом за его окончательное освобождение от капиталистической эксплоатации, и выставление всех экономических требований, которые, улучшая экономическое положение, подымая умственный, нравственный и культурный уровень рабочих, содействуют указанной борьбе всего рабочего класса в целом.

На ряду с классовым характером экономической политики профессиональных союзов мы наблюдаем осторожную и вполне реалистичную тактику как в экономической борьбе (см. гл. VI), так и в организационном строительстве. Последнее особенно рельефно выразилось при выработке организационных форм об'единения деятельности профессиональных союзов. На конференциях, обсуждавших эти вопросы, сталкивались, конечно, мнения самого противоположного характера: крайние централисты, видевшие в немедленном создании центральных учреждений с широкими полномочиями (в смысле централизации кассы, руководства экономической борьбой и т. п.) единственное средство поднять и укрепить местные профессиональные союзы, и крайние децентралисты, считавшие, что только после укрепления и упрочения местных профессиональных союзов можно будет думать о централизации их деятельности.

Однако побеждало, в большинстве случаев, среднее течение, возражавшее совершенно справедливо первым, что центр без профессиональных организаций на местах, это—генеральный штаб без армии, а вторым, что откладывать централизацию профессиональных союзов до полного и прочного укрепления их на местах, это значит откладывать ее до бесконечности.

Необходимо вести ту и другую работу параллельно: укрепляя профессиональные организации на местах, необходимо одновременно об'единять их деятельность. Но это об'единение должно совершаться постепенно. и централизация должна начинаться с тех функций, которые меньше всего затрагивают самостоятельность местных союзов. Только тогда, когда, с одной стороны, союзы централизацией этих второстепенных функций спаяются воедино и когда, с другой стороны, центральные учреждения приобретут, благодаря совместной деятельности, моральный авторитет среди местных профессиональных организаций, тогда только возможно приступить к централизации главной функции профессиональных союзов—руководству экономической борьбой, к централизации руководства стачками.

Эти соображения легли в основу при создании первого органа, об'единяющего союзы одного производства всей России—*Центрального Совета всероссийского союза рабочих печатного дела*. Конференция печатников, создавая и выбирая Центральный Совет, не обманывалась его названием. Функции Ц. С. очень ограничены, как мы уже знаем (гл. V), из всех союзных функций в его руках централизованы только дорожная помощь и регистрация безработных. Главные задачи Ц. С. состоят в информировании местных союзов, в координировании их действий, в известном идейном руководстве (издание центр. органа),

а, главным образом, в содействии дальнейшему процессу об'единения союзов и созыву всероссийского с'езда союзов рабочих печатного дела. Конференция наметила дальнейший ход этого движения. «Заложив путем об'единения некоторых сторон деятельности *начало* всероссийскому союзу, конференция признает, что дальнейшим необходимым шагом в деле его создания явится организация центральных областных союзов и созыв с этой целью областных конференций с'ездов. Завершением всей этой об'единительной работы должен быть всероссийский с'езд, полновластный орган будущего всероссийского союза».

В распоряжение Ц. Сов., выбранного на конференции в числе 15 человек, все местные союзы обязаны отчислять 5% (за апрель 1907 г.—10%) с общей суммы вступительных и членских взносов.

Начинания других конференций, в смысле централизации деятельности союзов, еще более скромны, чем у печатников. Конференции портных, архитектурно-строительных рабочих, рабочих по металлу, с'езд приказчичьих обществ воздерживаются от установления формального об'единения и в организации его ограничиваются только созданием и выбором организационных комиссий (или бюро). В задачу этих учреждений входит преимущественно взаимное информирование союзов, координирование их действий и подготовка с'ездов соответственных союзов для формального закрепления об'единения в виде всероссийского союза [1]).

При этом, путь к этому окончательному оформлению об'единения союзов намечается, в большинстве случаев, как и у печатников, в виде созыва ряда областных конференций и с'ездов местных союзов данного производства и создания ряда областных центров. Этот путь, намеченный уже второй всероссийской конференцией профессиональных союзов (февраль 1906 г.) [2]), вполне отвечает специфическим русским условиям.

Колоссальные расстояния между отдельными промышленными районами (совершенно неизвестные западно-европейским странам), своеобразность и специфичность условий отдельных из них, глубокие различия в экономическом положении и культуре, в языке и национальности занятого в них рабочего населения—делают невозможным одновременное об'единение союзов по всей России. Только путем постепенного об'единения союзов по отдельным областям и промышленным районам может быть подготовлено прочное всероссийское об'единение союзов отдельных производств.

При областном об'единении професс. союзов последние руководствуются, конечно, теми же принципами постепенной и органической централизации союзных функций, которые, как мы выше указывали,

---

[1]) Случаи руководства экономической борьбой со стороны этих Орг. Ком., как, напр., воззвание Орг. Ком. по созыву 4-го с'езда приказчиков по поводу закона 15 ноября (см. гл. VI), не имеют обязательного характера, а действительны постольку, поскольку эти учреждения пользуются моральным влиянием среди местных профессион. организаций.

[2]) «*Вторая конференция проф. союзов*». Спб., 1906. Стр. 29.

легли в основу организации Центр. Совета печатников. Так, первая текстильная конференция московского промышл. района, признав «необходимым создать Центральное Бюро, которое руководило бы всей экономической борьбой рабочих района», все же отсрочила выборы такого Центральное Бюро, а выбранному взамен Областному Бюро поручила «развить свою деятельность так, чтобы шаг за шагом, по мере роста опыта и авторитета Областного Бюро в массах, оно могло принять на себя функции Центрального Бюро» [1]).

Имеющиеся теперь в печати официальные и «официозные» данные о деятельности центральных учреждений различных союзов [2]) вполне подтверждают правильность принятой профессиональными конференциями тактики. Всякое формальное закрепление об'единения союзов в современной стадии их развития и при современных политических условиях явилось бы только демонстрацией. Даже в тех узких рамках, в которые поставлены теперешние центр. учреждения, они не могут развить полностью свою деятельность. Главным препятствием для них являются раньше всего правительственные репрессии, которые обрушиваются как на местные союзы, так и на центральные учреждения [3]). Но как бы ни были печальны эти итоги, «все же,—как пишет автор очень пессимистической статьи о Центр. Совете печатников, сам—деятельный член этого Совета, эти итоги заставляют еще и еще раз убедиться, что дело всероссийского об'единения в какой бы то ни было форме необходимо и неизбежно, ...что самая идея всероссийского союза выросла на твердой почве действительных нужд и потребностей союзов» [4]).

III.

Наряду с процессом областного и всероссийского об'единения союзов отдельных производств происходит процесс местного, областного и всероссийского *междусоюзного об'единения.* Целью первого является создание централизованных организаций для руководства экономической борьбой рабочих данного производства и улучшения их общего экономического положения. Целью второго является координирование действий союзов рабочих всех производств для создания единства профессионального движения в целом, для совместной

---

[1]) В противоположность этой тактике, в «проекте устава южного областного союза» рабочих по металлу предполагается провести неме ленно строгую централизацию стачечной борьбы. (См. «*Рабочий по Металлу*». Спб., 1907, № 19). Вполне справедливо редакция газеты находит этот проект «нецелесообразным».

[2]) Отчет Орг. Ком. по созыву с'езда раб. по металлу (от 10 февраля по 10 сентября 1907).—«*Рабочий по Металлу*», № 21. От Центр. Орг. Бюро по созыву всерос с'езда союзов портных («*Портной*», Спб., № 7—8); «Три месяца работы Центр. Совета (итоги деятельности ». («*Жизнь Печатника*», № 6).

[3]) Все центральные учреждения существуют до сих пор полулегально; об условиях возможности легализации централизованных союзов—см. интересную статью *В. Рыжова:* Отделения или союзы? («*Современный Техник*». Спб., 1907, № 1).

[4]) «*Жизнь Печатника*», № 6. Стр. 4.

защиты прав профессиональных организаций, для совместного давления на господствующие классы и государственную власть в целях законодательного закрепления за рабочими сделанных ими завоеваний и в целях законодательной охраны труда.

Различие в целях отражается и на организационных принципах, ложащихся в основу того и другого об'единения профессиональных союзов. В первом случае наиболее целесообразным принципом организации является *централизация*, во втором—*федерация*. Устранение из компетенции междусоюзных органов главной функции профессиональных союзов—руководства экономической борьбой—делает необходимым предоставление при междусоюзном об'единении широкой автономии об'единяемых организаций. В междусоюзном об'единении организационная дисциплина заменяется *идейным единством* и *согласованностью выступлений*.

Посвятив органам местного об'единения профессиональных союзов специальную главу (гл. III), мы здесь остановимся вкратце на попытках областного и всероссийского межсоюзного об'единения. Мы говорим—на попытках, потому что в этом направлении профессиональное движение в России успело сделать только первые шаги.

Мы уже знаем, что идея созыва всероссийского с'езда представителей профессиональных рабочих обществ зародилась в харьковском обществе лиц, занимающихся ремесленным трудом, еще в 1904 г. Летом 1905 г. харьковское общество обратилось с этим предложением к складывавшемуся тогда в С.-Петербурге союзу рабочих печатного дела. Совещание по этому поводу представителей петербургских союзов, посылка делегата в Харьков и в Москву послужили, с одной стороны, поводом к установлению связи между профессиональными организациями Петербурга, Москвы и Харькова, а, с другой стороны, положили начало будущим местным Центральным Бюро профессион. союзов в этих городах. В результате происходивших переговоров было решено для облегчения работ по подготовке с'езда разделить всю Россию на районы и в каждом районе организовать районный центр из представителей местных профессиональных союзов. Кроме того, для подготовки с'езда должны были служить районные и более обширные конференции.

В конце сентября 1905 г. в Москве была созвана такая конференция профессиональных союзов. Однако, эта *первая* конференция имела очень неравномерное представительство и притом совершенно случайного характера. На ней были представлены преимущественно московские рабочие организации, их было двадцать четыре; кроме того, были представлены четыре организации из Петербурга, одна из Харькова, три из Н.-Новгорода и две из Екатеринослава, затем присутствовали представители от всероссийского союза железнодорожных служащих и рабочих и от всероссийского почтово-телеграфного союза служащих.

Результатом первой конференции было оформление московского районного бюро професс. союзов и создание специального органа

(центр. бюро) для скорейшей подготовки с'езда [1]). Конференция выработала программу с'езда и устав, регулирующий представительство на нем рабочих союзов и обществ. Решено было созвать с'езд в начале декабря, в средине же ноября созвать еще одну подготовительную конференцию в Москве.

Наступившие события расстроили, однако, все планы. Последнее заседание конференции происходило 7 октября, когда волна железнодорожной забастовки разлилась уже по всей стране. Петербургские делегаты вернулись из Москвы с последним поездом. Октябрьская забастовка, наступившие дни «свобод», колоссальный рост профессиональных союзов, усиленная деятельность Советов Раб. Деп., ноябрьские события—все это не давало возможности думать о с'езде и подготовиться к нему; 12 ноября петербургское Ц. Б. и Исп. Ком. Сов. Раб. просили телеграфно московское Ц. Б. отсрочить созыв с'езда. По состоявшемуся затем соглашению созыв с'езда был назначен на 28 декабря.

Но затем наступили события другого характера... Декабрьская забастовка и декабрьская реакция, нанесшая, как мы уже знаем, сильный удар молодому профессиональному движению. Только в половине января союзы начинают понемногу оправляться, и в конце января в связи с вопросом о новом законе о профессиональных союзах, опубликование которого ожидалось, начинаются переговоры между петербургским и московским Центр. Бюро о созыве второй конференции професс. союзов. Для подготовки конференции они, помимо переписки, посылают специальных делегатов на юг, на Волгу и в северный пром. район.

23—27 февраля происходит в Петербурге *вторая всероссийская конференция профессиональных союзов* [2]). Как по системе представительства, так и по программе занятий вторая конференция отличается сильно от первой. По выработанному соглашению, Петербург и Москва должны были иметь по три представителя, другие крупные центры—по два. Делегаты на конференцию должны были выбираться или центральными бюро союзов, где они имелись, или специальными собраниями представителей от профессиональных союзов данного города. На конференции были представлены 10 городов: Петербург, Москва, Одесса, Киев, Харьков, Н.-Новгород, Николаев, Варшава, Вильно, Лодзь. С совещательным голосом, кроме того, присутствовали три представителя петерб. секретариата и представитель петерб. союза рабочих печатного дела.

Программа занятий второй конференции отличалась строго деловым характером. Рядом с выслушанием докладов о положении союзов на местах и обсуждением технически-организационных вопросов, вытекавших из них, центральное место на конференции занимал вопрос о законе о профессиональных союзах. В предыдущих

---

[1]) Более подробные сведения о первой конференции профес. союзов можно найти в № 1 *Бюллетеней Музея содействия труду*: Москва, 1905 г.

[2]) *Вторая конференция профессиональных союзов.* Спб., 1906 г. Доклады и протоколы.

главах (гл. IV и гл. V) мы уже более или менее подробно останавливались на решениях второй конференции по этим вопросам. Здесь мы коснемся третьего основного пункта занятий конференции: пересмотра программы и устава всероссийского с'езда профессиональных союзов и образования временного центрального учреждения для подготовки с'езда.

В связи с изменившимся политическим положением страны и оформлением профессионального движения вторая конференция изменила, как характер, так и программу предполагаемого с'езда. Вместо *общерабочего* с'езда, каковым последний был по уставу первой конференции, вторая конференция признала необходимым созвать строго профессиональный с'езд, на котором должны были присутствовать только представители профессиональных организаций (местных и центральных). Исключение было сделано для «тех отраслей промышленности, в которых не существует оформленных профессиональных организаций» (по одному от собрания уполномоченных, выбранных не менее, чем 2,000 рабочих).

Соответственно была изменена и программа с'езда. Из нее было выброшено все, что носило пропагандистско-агитационный характер и обще-политические вопросы, как «роль професс. движен. в классовой борьбе пролетариата», о госуд. думе и т. п., и были вставлены те вопросы, которые выдвигались на очередь развивающимся профессиональным движением.

Для подготовки с'езда был рекомендован созыв областных и районных междусоюзных конференций, а для руководства этой работой было создано и выбрано конференцией специальное учреждение: *Организационная Комиссия по созыву с'езда профессиональных рабочих союзов.*

Орган. Комиссия, выбранная на конференции в составе 5 человек, по смыслу выработанного последней регламента, является временным (до следующего с'езда или полномочной конференции) центральным учреждением профессиональных союзов, стоящих на почве современного рабочего движения. Задачи Орг. Комиссии были определены следующим образом; Орг. Комиссия: «а) поддерживает связь со всеми существующими союзами, завязывает их с союзами, вновь возникающими; б) устанавливает сношения с европейскими профессиональными организациями; в) выполняет все необходимые подготовительные работы к с'езду» [1]). Теперь не время еще подводить итоги ее деятельности, можно сказать только, что, несмотря на крайне неблагоприятные условия [2]), существование ее было не только жизненно-необходимым, но и имело реальные результаты.

Деятельность Орг. Ком. была сосредоточена на завязывании и поддержании связей с местными профессиональными союзами и центральными бюро. Насколько широки были связи Орг. Ком., показывает, что в ответ на сделанную (вторую) анкету Орг. Ком. получила

---

[1]) *Вторая конфер.* Стр. 28.

[2]) Достаточно сказать, что личный состав Орг. Ком. подвергался за это время (поочередному) „из'ятию".

от 173 проф. союзов ответы непосредственно. Во многих случаях к Орг. Ком. местные союзы обращались за советами по различного рода вопросам профессиональной практики. Орг. Ком. завязала сношения путем переписки и личных переговоров с Генеральной Комиссией германских професс. союзов и с международным секретариатом професс. рабочих союзов.

Работа Орг. Ком. по подготовке всероссийского с'езда професс. союзов заключалась в агитации за него, литературной разработке вопросов, поставленных в его порядок дня, и посильном содействии областным и районным конференциям. Репрессии против професс. союзов служили и здесь главным препятствием. Так, несмотря на широко поставленные подготовительные работы, междусоюзная областная конференция моск. промышл. района до сих пор не могла состояться то в виду массовых арестов среди профессиональных деятелей, то в виду массового закрытия самых союзов.

Из состоявшихся до сих пор крупных конференций отметим: с'езд профессион. союзов Донецкого бассейна в декабре 1906 г., крымскую областную конференцию в янв. 1907 г. (были представлены 30 союзов из 11 городов с 7,000 членов), крымскую конференцию Центр. Бюро осенью 1907 г., конференцию закавказских Ц. Б., подольскую межсоюзную конференцию, конференцию с.-д. професс. союзов Царства Польского в январе 1907 г. Эти конференции на ряду с вопросами об организации областных центров обсуждают также и текущие вопросы, как, напр., отношение проф. союзов к выборам во 2-ую гос. думу, законы 15 ноября и т. п.

Между тем, созыв самого с'езда Орг. Ком. должно было постепенно отсрочивать, сначала ввиду неподготовленности к нему местных профессиональных союзов, а затем в виду растущей политической реакции. Для решения вопроса о с'езде Орг. Ком. созвала в середине апреля (1907 г.) особое совещание. На совещании принимали участие: 7 членов Орг. Ком. (2 канд.) и представители: Центральных Бюро Петербурга, Москвы, Киева и Вильны; Центрального Совета союзов печатников; всероссийск. Организационных Комиссий союзов приказчиков, рабочих по металлу и портных; областных (сев.-зап.) централизованных союзов кожевников и щетинщиков и петербургск. союза булочников. Кроме того, были присланы письменные постановления от Центр. Бюро Харькова, Астрахани, Варшавы и Симферополя.

Совещание подвергло новому пересмотру как программу, так и устав с'езда. В окончательном виде *порядок дня предстоящего с'езда* следующий: 1) общий доклад Организационной Комиссии о современном положении профессионального движения и его задачах; 2) союзы по производствам и по профессиям; размежевание союзов; 3) всероссийские и областные союзы; 4) межсоюзные организации: местные и областные бюро; 5) свобода союзов и стачек; 6) безработица и профессиональные союзы; 7) профессиональные союзы и 8-часовой рабочий день; 8) политическая и партийная нейтральность союзов; 9) союзы предпринимателей и локауты; 10) взаимопомощь в союзах; 11) проф. союзы и кооперация; 12) праздничный отдых; 13) культурная деятель-

ность союзов (в частности национальные секции для этой цели); 14) способы соглашения с хозяевами (примир. камеры, третейские суды, тарифн. соглашения); 15) города и земства в их отношении к рабочему классу, как предприниматели и как органы самоуправления; 16) первое мая; 17) учреждение Всероссийской Центральной Комиссии проф. союзов и центрального органа. Выборы; 18) выработка устава следующих с'ездов.

Устав, определяющий права представительства на с'езде, принят в таком виде:

I. Право решающего голоса имеют: а) представители проф. союзов и обществ, стоящих на почве современного рабочего движения, по следующему расчету:

1) Союзы Петербурга и Москвы, имеющие от 750 до 2 тысяч членов, посылают 1 представителя, от 2 до 4 тысяч—2, свыше четырех—3.

2) Союзы остальных городов, имеющие от 400 до 1 тысячи, посылают 1 пред., от 1 до 2 тысяч—2, свыше двух тысяч—3 представ.

Примечание. Один союз больше 3 представ. иметь не может.

3) Представители местных отделений областных и всероссийских союзов—на тех же основаниях.

4) Союзы, не имеющие отдельного представительства и считающие свыше 50 членов, могут об'единяться для совместной посылки одного представителя от каждого города.

Примечание. Несколько представителей от таких союзов одного города могут быть допущены лишь в тех городах, где существуют партийные союзы. В таком случае союзы каждой партии посылают совместно одного представителя, если, однако, общее число их членов достигает минимальной для провинции цифры — 400 членов.

5) Представители центральных учреждений всероссийских союзов—по одному от каждого.

6) Представители центр. учреждений областных союзов, если в этой профессии не существует всероссийского центра, не больше, однако, 3.

Примечание. Всероссийский почтово-телеграфный союз и всероссийский железнодорожный союз пользуются правами представительства, одинаковыми со всеми остальными союзами.

7) Организационная Комиссия по созыву с'езда посылает двух представителей.

II. Право совещательного голоса имеют: а) все остальные члены Организационной Комиссии; б) представители всех Центральных Бюро, действующих как постоянные учреждения, по одному от каждого; в) представители от центральных учреждений социалистических партий, участвовавших во 2-й конференции (Рос. Соц.-Дем. Рабоч. Парт., Партия Соц.-Рев., Бунд, Пол. Соц. Партия, Польск. Соц.-Дем.).

Примечание. Участие представителей других партий определяется самим с'ездом [1]).

Сроком созыва с'езда совещание назначило *конец июля или начало августа.* Роспуск 2-ой гос. думы, акт 3 июня, реакционный состав 3-й гос. думы, торжество контр-революции — снова отсрочивают надолго возможность созыва всероссийского с'езда профессиональных союзов. Попытки Орг. Ком. осенью 1907 г. добиться *легализации с'езда* окончились неудачно, и поэтому снова ставится на очередь вопрос о созыве третьей предварительной конференции для обсуждения текущих вопросов профессионального движения.

Каковы бы ни были перспективы развития профессионального движения с точки зрения современного политического положения, созыв всероссийского с'езда профессиональных союзов является насущной, очередной задачей. Планомерно подготовленный и правильно организованный с'езд профессиональных союзов призван подвести итоги первому этапу развития профессионального движения и, опираясь на мнения организованных масс рабочих, своим авторитетом закрепить и упрочить в нем принципы классовой политики и тактики.

Связанные идейно с современным рабочим движением, русские профессиональные союзы делают первые шаги и в смысле международного об'единения. Впервые на Штутгартском международном социалистическом конгрессе русские профессиональные союзы выступают с самостоятельным докладом [2]) и представительством. Представлены были следующие организации: московское Ц. Б. (28,083 чл.); обл. союз ткачей моск. пром. района (20,700 чл.); петербургское Ц. Б. (свыше 16,000 чл.); петерб. с. р. по металлу (6,500 чл.); шесть союзов Витебска, 8 союзов Двинска, союз портных Плоцка (бунд. союзы 3,100чл.); 7 бундовских союзов Лодзи, бундовские союзы Житомира, 6 союзов с. евр. раб. п. (2,610 чл.) и союзы сионистические Польши; всего было 9 делегатов с общим числом организованных рабочих свыше *80,622*; семь делегатов принадлежали к соц.-дем. партии, 1 — сион.-социал., 1 — соц. евр. раб. партии. Посылкой делегатов на конгресс в Штутгарт русские профессиональные союзы вступили в международную семью пролетариата и открыто заявили пред всем миром о своем желании итти рука об руку с ним в борьбе с современным капиталистическим строем за идеалы социализма, культурного прогресса и международного мира.

---

[1]) *„Проф. Вестник"*, 1907, № 7.

[2]) *Die Gewerkschaftsbewegung in Russland.* Bericht der „Organisations-kommission für die Einberufnng der Gewerkschaftskongresses" zum internationalen socialist. Kongress in Stutgart.—Berlin. 1907.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В нашем изложении мы до сих пор не приводили цифровых данных. Мы делали это не только потому, что как мы неоднократно выше указывали, русские профессиональные союзы не имели возможности организовать более или менее правильную статистику, но и потому, что те цифровые данные о количестве союзов и числе их членов, которые имеются, характеризуют, поскольку они более или менее соответствуют действительности, только отдельные моменты развития профессионального движения в России последних трех лет, а не все развитие движения в целом. Те скачки, которые совершались за последние три года в ходе политической жизни страны, должны были отражаться и на развитии профессионального движения. За яркими моментами расцвета следовали не менее мрачные моменты упадка. Распад союзов, уменьшение числа членов совершались не вследствие каких-либо естественных причин, заложенных в ходе экономической жизни или профессиональной борьбы, а вследствие искусственных мер политических и административных репрессий. Благодаря этому, если бы мы даже и располагали точными статистическими данными о положении профессионального движения, мы могли бы пользоваться ими в лучшем случае для иллюстрирования положения профессионального движения, но ни в коем случае не для об'ективных выводов о тенденциях развития профессионального движения рабочих в России.

Мы можем пройти мимо первых попыток установить число союзов и количество их членов, относящихся еще к дням «свободы» 1905 года (см. прим. на стр. 42—43). Мы уже указывали, что в тот период только немногие союзы являлись оформленными, и число их членов представляло собою известное об'ективное выражение их силы. Большинство же союзов являлось только органами для профессиональной агитации.

На второй всероссийской конференции профессиональных союзов некоторые цифровые данные о положении профессиональных союзов были представлены только в докладах делегатов от союзов еврейских рабочих (Вильна, Варшава, Лодзь). По окончании конференции выбранная на ней Организационная Комиссия сделала попытку произвести обследование о состоянии профессионального движения в России путем опросных листов, но она окончилась неудачно, благодаря слабым в то время связям Организационной Комиссии.

В сентябре 1906 г. мы сделали путем личного опроса первый более или менее об'ективный подсчет числа членов *петербургских*

профессиональных союзов и пытались подвести итоги их денежных оборотов. По нашему подсчету в то время в Петербурге был:

31 профессиональный союз—*с 45.285 членами* [1]).

Наиболее полным и авторитетным является подсчет, сделанный на основании материалов Организационной Комиссии по созыву с'езда профессиональных союзов, собранных второй анкетой (в начале 1907 г.) и обработанных И. Кругловым [2]). В приложении к настоящей книге мы печатаем эту сводку данных о количестве союзов и числе членов, распределенных по областям и по производствам. Организационная Комиссия получила сведения всего

от *652* союзов с *245.555* членами.

Следующая таблица дает приблизительное представление о степени организованности рабочих по отдельным группам производств и занятий:

Группа производств и занятий.	Число всех рабочих [3]) (в тысячах).	Число союзов.	Число член. союзов.	% членов союзов по отношению к числу всех рабочих.
Горное дело	229	5	2.475	1,1%
Обработка дерева. . . .	410	38	9.927	2,4 »
» кожи	154	85	12.066	7,1 »
» металла . . .	625	81	54.173	8,6 »
Изготовление одежды . .	1.158	89	14.322	1,2 »
Печатное дело	60	72	28.654	43,0 »
Производство питательных продуктов.	344	78	24.848	7,2 »
Строительное дело . . .	717	43	12.396	1,7 »
Текстильное дело	960	25	37.214	3,9 »
Торговля	1.495	101	32.475	2,2 »
Прочие	—	65	17.005	—
Всего . . .	7.043	652	245.555	3,5%

[1]) *„Образование“*, 1906 г., № 10, стр. 126—127.

[2]) *И. Круглов.* Из материалов Организационной Комиссии (*„Профес. Вестн.“*, 1907 г., №№ 6, 8 и 9). В окончательном подсчете мы натолкнулись в подлиннике на две арифметические ошибки; в дальнейшем мы приводим исправленные цифры

[3]) По всероссийской переписи 1897 г. См. *В. Погожев.* Учет численности рабочих в России. Стр. 13—14.

По числу членов профессиональные союзы распределялись следующим образом:

	Число членов союза.	Число союзов.	Общее число членов союзов.
Более	5.000	6	54.293
От . . 4.000 до	5.000	4	17.718
» . . 3.000 »	4.000	5	17.909
» . . 2.000 »	3.000	7	8.576
» . . 1.000 »	2.000	23	33.822
» . . 700 »	1.000	21	19.212
» . . 500 »	700	24	15.349
» . . 400 »	500	33	14.845
» . . 300 »	400	30	10.740
» . . 200 »	300	42	9.658
» . . 100 »	200	108	15.430

Остальные 349 союзов насчитывают менее 100 членов и об'единяют в общем около 15.000 рабочих. Таким образом, в крупных союзах об'единены около 76% всех профессионально организованных рабочих.

Так как многие союзы в опросных листах указывали цифру внесших вступительный взнос, а не уплачивающих регулярно членские взносы, то действительное число постоянных членов союзов вышеприведенными цифрами значительно преувеличено. В своем докладе международ. социалист. конгрессу в Штутгарте Орг. Ком. устанавливает это число приблизительно в 90.000 [1]). Сюда нужно прибавить около 150 союзов в Закавказье, Сибири, Средней Азии, балтийских губерниях, не вошедших в сводку. Общее число профессионально-организованных рабочих по всей России определится, таким образом, приблизительно цифрой в 123.000 [2]).

Как мы уже сказали выше, данные Организ. Комиссии относятся к началу 1907 г. Последовавшие позже в связи с роспуском 2-й гос. думы репрессии против профессиональных союзов, выразившиеся, напр., в московском промышленном районе административным закрытием почти всех рабочих профессиональных союзов, значительно уменьшило число профессионально-организованных рабочих. Для выяснения их точной цифры в настоящее время подготовляется Орг. Ком. третья анкета профессиональных союзов.

Та атмосфера исключительных положений, под гнетом которых пришлось до сих пор развиваться профессиональному движению рабочих в России, оказывала влияние не только на количественный рост союзов, которое мы только что отметили. Она являлась главным препятствием правильного развития союзных органов и учре-

---

[1]) Die Gewerkschaftsbewegung in Russland. Berlin, 1907. Стр. 12.

[2]) В. Святловский считает эту цифру значительно преуменьшенною и оценивает число профессионально организованных рабочих в России (июль 1907) довольно фантастической и ничем необоснованной цифрой в 400.000. (*В. Святловский.* Проф. дв. в России. Стр. 205).

ждений, планомерной выработки союзной тактики и создания кадра опытных профессиональных деятелей. Непрочность существования союзов часто останавливала инициативу и не позволяла расширять рамки союзной деятельности.

То, что сегодня создавалось путем долгой и упорной предварительной подготовки, завтра могло быть уничтожено росчерком пера. И возможно, что пока наша работа дойдет до читателя, многое, что было создано трехлетним развитием профессионального движения, будет снесено подымающей голову политическою реакцией.

И тем не менее, как бы велика ни была эта разрушительная работа реакции, она не сможет вытравит итогов трехлетнего развития профессионального движения. Как в природе, так и в общественной жизни затраченная энергия не пропадает бесследно. Трехлетняя работа профессиональных союзов России претворится в опыт настоящих и будущих деятелей профессионального движения, предотвратит их от уже пройденных ошибок и облегчит дальнейший этап профессионального движения.

И если говорить о будущем профессионального движения в России, то мы должны сказать, что мы также далеки от наивных самоубаюкиваний и мысли, что «все обстоит благополучно», как и от истерических выкриков о том, что «профессиональное движение в опасности».

Профессиональное движение рабочих стало настолько крупным фактором социально-политической жизни России, настолько связано с нею неразрывными, органическими нитями, что с такою же уверенностью можно сказать, что профессиональное рабочее движение не может быть загнано в подпольные условия существования, как и то, что Россия не может вернуться к условиям старого режима.

Правда, препятствия, тормозящие развитие профессионального движения в России, создаются не только политическою реакцией. И как бы относительно ни велика была их роль, было бы непростительною близорукостью закрывать глаза на другие, очень существенные факторы.

Если оставить в стороне обычные препятствия, встречающиеся в истории профессионального движения всех стран, особенно в первые годы его развития, как инертность рабочей массы, недостаток рабочей интеллигенции, то мы должны будем отметить два существенных фактора, сильно угрожающих развитию профессионального движения: хроническая массовая безработица и быстрый темп развития боевых организаций предпринимателей.

Выше (гл. V) мы уже останавливались более подробно на этих двух явлениях, здесь же мы только отметим, что массовая безработица в России—явление не временное, связанное с промышленным кризисом, а постоянное и притом прогрессирующее, неразрывно связанное с самым больным вопросом русской жизни—*аграрным*. Разоряющееся крестьянство непрерывно посылает из деревни в город все новые кадры безработных и голодных, делающих невозможными какие-либо прочные завоевания в улучшении экономического положения

рабочих со стороны профессиональных союзов. Правительственная политика в аграрном вопросе, стремящаяся к ускорению процесса расслоения крестьянства и направленная к пролетаризации более слабой (экономически) части его, еще более усиливает опасности с этой стороны для профессионального движения в ближайшие годы. Тем более, что и складывающиеся в крупнейших отраслях промышленности тресты ставят себе целью не только урегулирование производства, но и борьбу с рабочими организациями. И в их руках непрерывный наплыв в города голодных крестьян будет служить всегда прекрасным орудием для сопротивления силе и солидарности рабочих.

Правда, указанные явления имеют и обратные стороны. Пролетаризация крестьянства увеличивает кадры сельского пролетариата и заставляет последний в борьбе с покупателями его рабочей силы прибегнуть к организации, к созданию—несмотря на все формальные запрещения закона профессиональных союзов сельско-хозяйственных рабочих. (В юго-западных и южных губерниях уже началось профессиональное движение среди сельских рабочих). Установление тесной связи между профессиональными организациями городских и сельских рабочих даст возможность более или менее урегулировать наплыв безработных крестьян в города и, во всяком случае, до известной степени смягчит его давление на условия труда городского пролетариата.

С другой стороны, профессиональные союзы рабочих под давлением общего политического бесправия рабочих и под давлением политики предпринимательских трестов, при отсутствии каких бы то ни было других боевых организаций рабочего класса, должны будут, несмотря на все запугивания официальных и официозных публицистов, играть все более крупную роль, как выразители политических настроений и требований рабочего класса.

В этом отношении пред профессиональными союзами рабочих в России стоит своеобразная задача: не оставляя ни на минуту преследование своих непосредственных целей, как профессиональных организаций, положить основание широкой политической рабочей партии. Идейные традиции, в которых выросло русское профессиональное движение, все обостряющиеся классовые противоречия, несомненно, обеспечат этой партии *социалистический* характер. Потому, что, если всякой социалистической рабочей партии не могут быть чужды реальные интересы непосредственной повседневной борьбы рабочих масс, то всякому профессиональному союзу, стоящему на почве современного рабочего движения, должно быть ясно, что уничтожение эксплоатации труда возможно только путем борьбы с самой системой капиталистического строя путем борьбы за *социализм*.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Профессиональные союзы в России.

Распределение по областям и производствам. (Составлено на основании материалов Орган. Комиссии по созыву с'езда проф. союзов в России. См. «*Проф. Вестник*», 1907, № 8).

Производства и занятия.	Московская.				Северная.				Приволжская.						Приуральск.		Ср.-Земледельческая.				Малороссийская.			
	Москва.		Всего.		Петербург.		Всего.		Н.-Новг	Сар.	Астр.	Всего.					Харьков.		Всего.		Екатериносл.		Всего.	
	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Член.	Член.	Член.	Союз.	Член.		Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.
I. Горное дело . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—		2	700	—	—	—	—	—	—	1	375
II. Обраб. дерева .	2	1500	5	1630	3	2195	5	2945	92	130	193	8	611		1	70	—	—	1	60	2	592	4	952
III. Обработка кожи.	4	1634	8	1731	5	1741	7	1781	30	40	70	6	463		1	30	2	150	2	150	1	270	3	530
IV. Обраб. металла и машиностроен.	6	8920	12	8896	7	13214	9	13328	285	380	662	10	3165		4	2125	1	230	2	440	3	2300	6	2476
V. Изготовление одежды	4	5554	10	6358	3	1705	5	1775	230	250	40	4	552		2	80	—	—	3	250	3	457	5	647
VI. Печатное дело .	2	6100	5	6425	3	11600	5	11902	462	366	123	6	1355		1	30	1	562	4	686	2	545	4	610
VII. Произв. питательных продуктов	7	8621	12	8750	6	5854	9	5996	342	200	450	8	1343		2	210	2	664	4	744	2	850	10	1871
VIII. Строит. дело .	2	1205	3	1245	3	4491	3	4491	80	110	1844	7	2034		—	—	1	50	1	50	4	428	5	473
IX. Текстильн. дело.	3	3225	16	12309	2	4085	3	4165	100	—	—	1	100		—	—	—	—	—	—	1	40	1	40
X. Торговля и услуженис	8	5589	18	6795	3	4817	6	5051	390	640	331	13	1972		4	480	1	2300	5	3040	2	1520	3	2420
XI. Прочие	8	6703	9	6803	9	2080	9	2080	500	—	—	6	750		1	50	—	—	2	200	4	380	7	515
Всего. . .	46	48051	98	60942	44	51782	61	53514	2011	2116	3713	69	12345		18	3775	8	3956	24	5620	24	7382	49	11309

Профессиональные союзы в России.

Распределение по областям и производствам. (Составлено на основании материалов Орган. Комиссии по созыву с'езда проф. союзов России. См. «*Проф. Вестник*», 1907, № 8).

Производства и занятия.	Юго-западная.				Черноморская.				Северо-Западная.				Польша.						Кавказ.				Всего.	
	Киев.		Всего.		Одесса.		Всего.		Вильно.		Всего.		Варшава.		Лодзь.		Всего.		Баку.		Всего.			
	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.	Союз.	Член.
I. Горное дело . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	992	2	1400	5	2475
II. Обработка дерева .	1	474	1	474	4	410	7	505	1	1730	3	1820	1	250	1	560	2	810	—	—	1	50	38	9927
III. Обработка кожи . .	1	78	1	78	4	270	12	480	2	1192	36	1990	4	4000	1	398	7	4700	1	103	2	133	85	12066
IV. Обработка металла и машиностроен . .	4	763	4	763	5	690	10	2240	1	391	6	805	4	8840	2	3080	14	15720	2	4055	4	4215	81	54173
V. Изготовление одежды	2	295	2	295	4	480	12	1070	1	683	6	1623	5	1057	1	150	7	1207	1	395	3	545	59	14322
VI. Печатное дело . .	2	1147	5	1252	2	1600	5	1769	2	645	11	1247	5	1870	4	314	21	2274	2	365	5	1104	72	28654
VII. Производство питательных продуктов	2	696	2	696	7	1720	13	1940	2	260	12	1334	—	—	2	894	2	894	1	230	4	1070	78	24848
VIII. Строительн. дело .	—	—	—	—	1	420	10	784	1	802	5	2277	—	—	2	302	2	302	2	70	7	440	43	12396
IX. Текстильн. дело . .	—	—	—	—	—	—	—	—	1	600	1	600	—	—	3	20000	3	20000	—	—	—	—	25	37214
X. Торговля и услужение	2	997	4	1257	3	2840	23	5240	3	720	11	1760	2	1100	1	600	4	1805	3	2060	10	2655	101	32475
XI. Прочие	5	480	5	480	5	1300	11	1470	2	352	10	1097	—	—	—	—	—	—	5	3560	5	3560	65	17005
ВСЕГО . .	19	4930	24	5395	35	9730	103	15498	16	7375	101	14553	21	17117	17	26198	62	47712	18	11830	43	16172	652	245555

УСТАВ

Центрального Бюро петербургских профессиональных союзов.

I. Цель Бюро.

Центральное Бюро петербургских профессиональных союзов, стоящих на почве современного рабочего движения, об'единяет их деятельность и содействует развитию профессионального движения петербургского пролетариата. В этих целях оно принимает на себя осуществление следующих задач:

1. Приискание помещений для собраний.

2. Посредничество по приисканию работы или рабочих рук. а в связи с этим организацию сношений с профессиональными союзами других местностей для определения спроса на работу или предложение рабочих рук.

3. Организацию юридической помощи.

4. Организацию медицинской помощи.

5. Производство статистических обследований с целью выяснения условий труда в различных отраслях промышленности.

6. Устройство, в видах содействия умственному и профессиональному развитию членов профессиональных союзов, как отдельных, так и общей библиотек, профессиональных школ, курсов и лекций, и содействие местной профессиональной печати.

7. Содействие отдельным союзам при проведении стачек и бойкотов, согласно особой инструкции.

8. Организацию сборов в пользу безработных членов профессиональных союзов.

9. Содействие профессиональной организации в тех отраслях промышленности, где профессиональное движение еще слабо развито или вообще, по условиям данной отрасли производства, не может достигнуть высокой ступени развития.

10. Представительство общих профессиональных интересов пред всеми местными общественными и государственными учреждениями.

II. Состав Бюро.

1. Центральное Бюро профессиональных союзов состоит из представителей (уполномоченных) профессиональных союзов. Союзы, насчитывающие менее 500 членов, могут посылать по 2 представителя, от 500 до 1.000 по 3, свыше 1.000 по одному на каждую следующую

тысячу, при чем число представителей от отдельного союза не должно превышать 7 чел.

2. Новые союзы принимаются в Ц. Б. только с ведома и согласия общего собрания.

3. Союзы, не пославшие без уважительных причин своих представителей на три последовательных заседания Ц. Б., считаются выбывшими и принимаются вновь на общем основании.

4. На собраниях Ц. Б. решающий голос имеют только представители союзов.

5. Собрание Ц. Б. считается законным, если на нем представлено не менее $^1/_2$ всех союзов, входящих в Ц. Б. Все решения Ц. Б. принимаются простым большинством голосов, при чем по требованию $^1/_3$ союзов решение в особо важных случаях считается обязательным для всех союзов лишь по предварительном обсуждении вопроса отдельными организациями.

6. Кроме представителей профессиональных союзов, на заседаниях Ц. Б. присутствуют с совещательным голосом: а) представители петербургских организаций социалистических партий, по два от партии, б) лица, приглашенные Ц. Б., в) представители (по два) от комиссий, состоящих при Центральном Бюро.

7. Исполнительным органом Ц. Б. является секретариат. Члены секретариата, в количестве 9 человек, выбираются на определенный срок на общем собрании Ц. Б. из числа членов, имеющих право решающего голоса.

8. Секретариат избирает из числа своих членов председателя, секретаря и казначея. Секретариат имеет право приглашать на свои заседания лиц, которые могут оказать содействие профессиональному движению.

III. Редакция органа Ц. Б.

1. Редакция в числе 3-х человек избирается на общем собрании.

2. Вся хозяйственная и административная часть по делам органа ведается секретариатом.

3. Для постоянного контроля над редакцией органа Ц. Б. выбирает комиссию из пяти представителей профессиональных союзов.

В случае конфликта между комиссией и редакцией решение спорного вопроса принадлежит Ц. Б.

IV. Касса Центрального Бюро.

1. Средства Ц. Б. составляются из: а) 3% отчислений отдельных союзов, б) сборов с лекций и чтений, в) специальных сборов и пожертвований.

2. Для ревизии финансовой отчетности периодически выбирается на общем собрании ревизионная комиссия из 5-ти человек, представляющая специальный доклад Ц. Б.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От автора . . . . . 1—2.

I. До 9-го ЯНВАРЯ 1905 г.

Отмена крепостного права.—Возникновение рабочего вопроса.—Отношение государственной власти к нему.—Первые стачки.—Фабричное законодательство.—Репрессии правительства.—Законы против стачек.—Отношение государств. власти к праву коалиции.—Легальные общества взаимопомощи.—Первые попытки руководства экономич. борьбой.—Возникновение социал-демократии.—Соц.-демокр. орган. в Сев.-Зап. крае.—Пропаганда и агитация.—Брошюра „Об агитации".—Стачечные кассы.—Стачки в Петербурге 1896 и 1897 гг.—Стачечные кассы в остальной России.—Борьба двух течений.—Победа „искризма".—Пренебрежение руководством экономической борьбой.—Полицейский социализм.—Зубатов, Шаевич.—Гапоновское общество.—9-е января . . . . 3—20.

II. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

Значение 9 января.—Всеобщая забастовка.—„Явочный порядок" и „захватное право".—Первые союзы в С.-Петербурге.—Первые союзы в Москве и Харькове.—Октябрьские дни.—Роль професс. союзов.—Значение октябрьских дней для развития професс. движения.—Агитация.—Способы возникновения професс. союзов.—Общества взаимопомощи.—Депутатские собрания.—Инициативные группы.—Стачечные комитеты.—Возникновение професс. союзов в Сев.-Зап. крае.—Общий характер професс. движения.—Реакция. . . . . 21—37.

III. МЕСТНЫЕ ОБ'ЕДИНЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

Значение и роль местных об'единений проф. союзов.—Возникновение Центр. Бюро професс. союзов в С.-Петербурге, Москве и Харькове.—Решение в Ц. Б. общих вопросов профессионального движения.—Содействие организации професс. союзов.—Совместное выполнение функций.—Юридическая помощь.—Медицинская помощь.—Культурно-просветительная деятельность.—Печать.—Роль Центр. Бюро в профессиональной борьбе.—Внутренняя организация Ц. Б.—Роль Ц. Б. в рабочем движении. . . . . 38—57.

IV. ЗАКОН 4-го МАРТА 1906 г.

Декабрьская реакция.—Возрождение професс. союзов.—Их оформление.—Бессилие реакции задавить професс. движение.—Закон 4 марта 1906 г.—Его мотивы.—Содержание.—Административная практика применения закона, регистрация, закрытие союзов.—Сенатские раз'яснения.—Отношение к закону 4 марта професс. организаций.—Вторая конференция професс. союзов.—Два течения. — Резолюция конференции.—Расширение союзами рамок закона . . . . . 58—76.

V. ОРГАНИЗАЦИЯ И ФУНКЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

Оформление союзов после закона 4 марта.—Союзы по производствам.—Союзы по секциям.—Взаимоотношения между секциями.—Органы управления.—Выборы правления.—Институт делегатских собраний, его значение, расширение его функций.—Организация кассы.—Функции союзов.—Общее отношение к взаимопомощи.—Виды взаимопомощи.—Помощь безработным.—Дорожная помощь.—Регистрация безработных.—Другие виды материальной взаимопомощи. — Юридическая помощь.—Медицинская помощь.—Культурно-просветительная деятельность.—Ее значение и постановка.—Агитация устная и письменная.—Профессиональная печать. . . . . 77—109.

VI. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БОРЬБА И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ.

Экономическая борьба в первой половине 1905 г.—Итоги ее.—Стачечное движение осени 1905 г.—Взаимная связь между экономическою борьбою и политическою революцией 1905 г.—Роль профессоюзов в руководстве экономической борьбой осенью 1905 г.—Указ 2 декабря.—Общие условия экономической борьбы в 1906 г.—Сокращение рабочего дня.—Повышение цен на предметы первой необходимости.—Борьба за повышение заработной платы.—Металлургическая промышленность.—Текстильная промышленность.—Типографское производство.—Ремесленное производство.—Торгово-промышленные служащие.—Архитектурно-строительные рабочие.—Способы экономической борьбы.—Стачки.—Организация стачек.—Помощь во время стачек. Стачечная тактика.—Бойкот, его роль и значение.—Экономический террор.—Отношение к нему професс. союзов.—Способы соглашения с предпринимателями.—Примирительные камеры.—Третейские суды.—Коллективный договор.—Организация предпринимателей.—Тайный документ.—Способы борьбы предпринимателей.—Локауты.—Локаут в Лодзи.—Борьба с локаутами.—Черные списки.—Желтые синдикаты.—Союз русского народа.—Отношение госуд. власти и ее органов к экономической борьбе.—Вмешательства администрации.—Законы 15 ноября 1906 г.—Политическая подкладка.—Мотивы.—Содержание.—Отношение к законам 15 ноября проф. союзов.—Участие в смешанных комиссиях.—Две тактики.—Результаты работ комиссий.—Значение их для професс. движения. . . . . 10—158.

VII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА, ПАРТИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ.

Революция и контр-революция.—Роль професс. союзов.—Участие в в Сов. Раб. Деп.—Свобода печати.—Декабрьская реакция.—1-я гос. дума.—Отношение к ней професс. союзов.—Ответ рабочей группе.—Репрессии после роспуска 1-й гос. думы.—Влияние репрессий на рост союзов.—Выборы во 2-ю гос. думу.—Роль професс. союзов.—Реакция после роспуска 2-й гос. думы.—Официозное обоснование репрессий.—«Россия».—Профес. союзы и политическая борьба.—Политические партии.—Реакционная партия.—Организация союзов польской народной демократией.—Отношение конст.-демокр. партии к профессиональным союзам.—Социалисты-революционеры.—Профессиональные союзы и социал-демократия.—Лассальянство.—Большевики и профессион. союзы.—Отношение професс. союзов к соц.-демократии.—Партийная нейтральность.—Характер ее.—Решения конференций.—Партийные союзы.—Изменение взглядов на партийность союзов среди польских и еврейских рабочих. . . . . 159—183.

VIII. ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

Характер современного капитализма.—Концентрация производства.—Необходимость об'единения професс. союзов.—Об'единение союзов рабочих одного и того же производства в областные и всероссийские союзы.—Способ об'единения.—Роль Центр. Бюро.—Конференции.—Экономическая политика союзов на конференциях.—Создание центральных органов об'единения.—Центр. Совет печатников, профессиональных союзов.—Областные конференции.—Междусоюзное об'единение.—Его значение и история.—Первая конференция професс. союзов в Москве. Вторая конференция профессиональных союзов в Петербурге.—Организационная комиссия по созыву всероссийского с'езда професс. союзов.—Всероссийский с'езд профессиональных союзов, его программа и устав. Значение с'езда.—Международное об'единение его функции, его практика.—Штуттгартский конгресс. . . . . 184—202.

IX. ЗАКЛЮЧЕНИЕ . . . . . 203—209.

X. ПРИЛОЖЕНИЯ . . . . . 209—213.

Г.П.П.
изд—во
КРАСНАЯ
НОВЬ

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

Москва. Издат. „Красная Новь“ при Главполитпросвете.

Торговый Сектор Издательства:

Москва. Милютинский пер., д. № 22, кв. 43.

Экспедиция Издательства:

Сретенка, 8.

Все издания имеются в книжном магазине „СЕРП и МОЛОТ“, Театральная площадь, 2-й дом Советов, и во всех книжных магазинах г. Москвы.